

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

СЕРГЕЙ САДОВ

**КНЯЗЬ
ВОЛЬДЕМАР СТАРИНОВ**

КНИГА ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ ВОЙНА

Новые герои

Сергей Садов

Чужая война

«ЭКСМО»

2010

Садов С.

Чужая война / С. Садов — «Эксмо», 2010 — (Новые герои)

ISBN 978-5-699-45572-0

Нет, никак не удастся Володе Старинову спокойно жить в том мире, куда он вынужден был отправиться из родных мест. Какой уж тут покой, когда вражеская армия приближается к портовому городу Тортону, где живет Аливия – девочка, которая заменила Володе сестренку. Нужно брать в свои руки организацию обороны Тортонна и успевать буквально везде. А дальше – умирять мятежное герцогство Торенду, выполняя поручение короля Артона. Создавать новую армию, обзаводиться спецслужбами, разбираться с местными законами и обычаями и разрабатывать новое законодательство. Здесь, в этом средневековом мире, никто не верит в искренность замыслов князя Вольдемара Старинова, все подозревают его в преследовании каких-то корыстных интересов. А он просто хочет, чтобы этот мир, из которого ему нет возврата, стал лучше...

ISBN 978-5-699-45572-0

© Садов С., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	77
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Садов

Князь Вольдемар Старинов

Книга вторая. Чужая война

Глава 1

Брошенные с обеих сторон ворот телеги и мешки со скарбом создавали полную иллюзию паники, когда люди просто побросали все, что мешало им бежать. Но эти же телеги не давали возможности ворвавшимся в город всадникам нормально оценить обстановку, вынуждая их скакать дальше, туда, где этих телег не будет. А еще разведенные небольшие костры из прелой соломы отчаянно дымили, скрывая оборонительные сооружения. Правда, этот дым мешал и защитникам, а потому Володя, как только враг втянулся в город, замахал руками, подавая сигнал. Рабочие тотчас бросились засыпать костерки приготовленным влажным песком.

Родезцы, похоже, уже поняли, что происходит что-то странное, но оценить обстановку на полном скаку не сумели. Вот и рвались вперед, выставив копья, готовые растерзать защитников... только тех не было. Тишина, застилающий глаза дым и брошенные телеги – вот и все, что встретило их за воротами.

Еще до сражения Володя четко объяснил, кто и в какой последовательности должен вступать в бой. Приказ был доведен едва ли не до каждого солдата вместе с обстоятельным рассказом, что ожидает его нарушителей.

Шли драгоценные секунды. Все больше и больше латников втягивалось в город. Вот уже вбежали первые пехотинцы и бросились пробираться через телеги, спеша поскорее залезть на стены; все еще скакали вперед всадники; торопились к воротам отставшие.

Дым развеялся. Володя поднес бинокль к глазам, стал рассматривать первых ворвавшихся в город. Те уже разобрались в ситуации и отчаянно поднимали коней на дыбы, пытаясь развернуть их. Но сзади напирала остальная, еще не сообразившая, что творится вокруг.

Мальчик, не отрывая бинокля от глаз, поднял руку – солдат у флагажка приготовился. Вот передние всадники поняли, что назад им не прорваться, а возникший затор защитники просто расстреляют из луков. Один всадник приподнялся на стременах, указал вперед, склонил копье и помчался на врага, увлекая за собой остальных. Вот он поравнялся с домами, в которые упирались стены из мешков с песком. Еще до строительства Володя приказал снести там все, расширив улицу. Остальные дома по бокам превратили в настоящие крепости, заложив окна и двери, которые выходили на эту улицу. И теперь кавалеристы оказались в ловушке. На крышах нависающих домов расположились лучники, готовые снести залпами всех атакующих врагов. Предпринятый родезцами отчаянный прорыв в город привел их в тупик.

– Думать же надо, – буркнул Володя, – думать!

Вражеский командир, похоже, тоже все понял и теперь отчаянно пытался развернуть конницу и выбраться из этого мешка. Володя опустил руку, и тотчас на флагажке взвился зеленый флаг. Тишина. Володя нервно сжимал и разжимал кулак, продолжая до рези в глазах смотреть в бинокль.

– Уснули они там, что ли?! – рявкнул он.

Но нет, вот на крышах домов поднялись в полный рост лучники с уже наложенными на тетивы стрелами. Разом вскинулись десятки луков, и тут до ушей наблюдателей донесся стук рычага катапульты... Сделанная на скорую руку, она не могла выстрелить далеко, но это от нее и не требовалось. Скованные цепью два камня буквально снесли всех передних всадников, и в этот миг ударили лучники...

Володя усилием воли заставил себя убрать бинокль от глаз и глянул вниз со стены. В городе, конечно, важные события происходят, но и о бое в целом забывать не стоит. У ворот царило настоящее столпотворение. Кто-то пытался прорваться из города, кто-то рвался в город – узкие ворота не давали этой толпе разойтись, и образовалась давка, куда и ударили стрелы. С надвратной стены сбросили камни, следом полетели бревна, утыканные железными шипами, посыпались вниз уже не деревянные, а металлические «ежи». Таких было мало, но, скованные цепями, они представляли собой большую проблему для атакующих. Летели вниз и деревянные «ежи»; этих не жалели – заготовили много. Еще бревна побросали с другой стороны, и теперь они, калеча всех, кто попадался на пути, катились со склона в ров, увлекая за собой вражеских солдат.

– И... раз! И... два!!!

Володя обернулся на крики и успел заметить, как несколько солдат налегли на рычаги, опрокидывая огромные котлы с кипящим маслом. Раздавшийся снизу вой Володя, наверное, запомнит на всю жизнь. Оказывается, участвовать в осадной войне вовсе не то же самое, что читать о ней, а описание того, что творит с людьми кипящее масло, сильно отличается от того, что видишь в реальности. Мальчик зажал уши и попытался спрятать в складках накидки нос, в который ударил запах жареного мяса. Отвернувшись, чтобы не видеть этого ужаса, он бросился по стене, а потом, едва не вывалившись из бойницы, перегнулся через край, и его вырвало.

Пошатываясь, Володя выпрямился и оглядел все вокруг мутным взором. Похоже, его авторитет в этот день оказался непоправимо испорчен... Но нет. Как оказалось, он далеко не единственный, кто проделал такое упражнение. Остальные смотрели на них скорее сочувственно, чем насмешливо. Один из солдат-ветеранов даже похлопал мальчика по плечу.

– Это ничего, милорд. В первый-то раз всегда так. Привыкнете.

Володя наградил утешителя бешеным взглядом, с трудом удержавшись от крика.

– Спасибо, – процедил он сквозь зубы. – Вы меня успокоили.

Однако долго откачиваться было некогда. Пока он висел на стене, солдаты уже завалили ворота «ежами» и шипастыми бревнами так, что теперь пробиться через них стало практически невозможно. Со стены стреляли лучники и арбалетчики, причем основной мишенью для них были те, кто ворвался в город. Уже били и из-за мешков – выстроившись за ними в три ряда. Арбалетчики первого ряда использовали мешки как опору, делали прицельный залп, после чего быстро отходили, а их место занимал второй ряд, потом третий. За это время выстрелившие первыми успевали перезарядить арбалеты и снова оказывались готовыми к стрельбе. Офицеры четко соблюдали интервалы залпов, давая людям возможность перезарядить оружие и в то же время поддерживая непрерывный темп стрельбы.

Володя понаблюдая за их работой и кивнул. Тут можно быть спокойным, сразу видно профессионалов – эти люди пришли в город вместе с Конроном. Да и работа снайперов-лучников с вышек была хороша. Едва среди атакующих находился кто-то, кто пытался организовать правильный штурм укреплений, как к нему устремлялось две, а то и три стрелы.

Тут пока все нормально. Володя перешел к бойнице и попытался выглянуть вниз, но у ворот толщина стены такая, что края не достать. Володя покосился на то место, где ему пришлось расстаться с содержимым желудка, но оттуда ворот не видно. Ругнувшись, он протиснулся в узкую бойницу и все-таки дополз до края. Вражеские солдаты, ругаясь, пытались разобрать завал, прорываясь на помощь своим. Поскольку их почти не тревожили, они увлеченно растаскивали камни и бревна, за стенами наблюдала только небольшая их часть. Володю заметили, и рядом с его головой в стену ударила стрела. Мальчик заерзал, выбираясь обратно.

– Красный флаг! Красный! – заорал он.

Затрубили трубы, на флагшток пополз красный флажок. По этому сигналу лучники на стене разом оставили в покое тех, кто прорвался в город, и ударили по скопившимся у ворот; снова полетели камни. Первый залп, поскольку его не ждали, уже привыкнув, что на них не

обращают внимания, оказался страшным, выкосив целые ряды. От стрельбы почти в упор не спасали никакие доспехи, да и что такое десять-пятнадцать метров? Враг попятился от стен, офицеры заметались среди солдат, пытаясь организовать отступление и обеспечить прикрытие от лучников. Вот вперед выдвинулись щитоносцы с тяжелыми щитами, за ними стали собираться остальные солдаты, и теперь они медленно отходили, выбираясь из зоны обстрела. Ничего, вот сейчас они перестроятся, организуют защиту и пойдут на прорыв, тем более что баррикада перед воротами уже почти разобрана. И тогда... они не сразу заметили вырвавшийся из леса отряд латной кавалерии, который, выстроившись клином и набирая скорость, скакал им в тыл. Защитники, заметив своих, усилили стрельбу.

– Прекратить стрелять! Прекратить! – Володя закричал одновременно с каким-то офицером.

Родезцы еще попытались организовать, но удар всадников, закованных в доспехи, оказался страшен. Задние ряды буквально смели, втоптав в землю. Пехота может противостоять коннице только в строю, но как раз его-то создать и не успели. Вражеские командиры еще пытались организовать отпор, но рыцари втоптывали в землю малейшее сопротивление еще до того, как оно становилось серьезным. Вражеский командир, решив пожертвовать уже обреченными солдатами, бросил в бой остатки пехоты и, пока те погибали под копытами, успел отойти со своей кавалерией и теперь выстраивал ее для контратаки. Ошибка! Володя едва не заорал от радости.

– Навесным по коннице! Залп! – заорал он, сорвал со спины лук и подал пример.

Сначала робко выстрелили всего десяток луков, но второй залп оказался более солидным. Вражеская конница, взявшая разбег, влетела под этот смертоносный «дождь». Залп сбил скорость и расстроил ряды, позволив Конрону и его латникам врубиться во вражеский клин, окончательно разрушив его.

Вражеский командир, осознав опасность, теперь поспешно уводил своих людей подальше от стен.

Володя еще минуты три понаблюдал за боем – пока ничего не ясно, но первый раунд за ними: пехоты у врага больше нет, конница основательно потрепана. Если не случится чудо, Конрон здесь разберется.

– Убрать красный флаг!

Снова рев труб, флаг пополз вниз: сигнал всем перенести огонь на прорвавшихся в город. Пока лучники были отвлечены, те уже почти успели разобрать преграду перед воротами. И тут сверху на них посыпались стрелы и камни. Ополченцы уже тащили по стене новые «ежи». Володя позвал одного из офицеров:

– Я вниз, посмотрю, как там. А вы «ежи» не бросайте сразу, соберите их побольше, а потом разом и скинете.

Офицер кивнул, и Володя побежал по стене, стараясь добраться до спуска как можно скорее. На бегу глянул вниз и поспешно отвернулся – перед воротами баррикада уже была не только из камней и бревен, но и из человеческих тел.

Спустившись со стены, Володя прыгнул в седло подведенного ему коня и, пришпорив его, сорвался с места. За ним пристроился отряд охраны. Проскакав почти до середины укреплений, Володя осадил коня перед одной из вышек, соскочил с него. Ополченцы, охраняющие подходы, поспешно встали.

– Спокойно? – поинтересовался Володя на ходу.

– Пока не нападают...

Князь кивнул и поднялся на вышку. Лучники не обратили на него внимания, продолжая посылать стрелу за стрелой в толпу врагов. Те уже сообразили, что единственный для них шанс выжить – прорваться в город, и теперь отчаянно штурмовали стены, пытаясь нащупать слабые места обороны. Володя снова понаблюдал за работой арбалетчиков. Недаром их поставили в

центр – после первой растерянности враг именно туда направил основной удар и даже в некоторых местах почти прорвался к мешкам, где раздолбив деревянные «ежи», а где просто завалив их телами коней и людей. В одном месте дело дошло до пикинеров, когда вражеские солдаты все-таки прорвались и даже успели взобраться на мешки. Дружный удар десятков длинных копий отбросил прорвавшихся.

В художественной литературе почему-то утвердилось мнение, что в Средневековье на поле боя господствовал меч. Откуда пошло такое заблуждение, Володя не знал, но сейчас, воочию наблюдая сражение, понимал, что мечом тут можно красиво размахивать, но реальной пользы от него нет. К тому же хороший меч очень дорог и не каждому по карману, а от плохого больше вреда, чем пользы. По-настоящему в бою царили пики и копыя. Для ближнего боя хороша булава или топор. Мечом можно исполнять разные приемы, только в такой давке, где не очень попрыгаешь, важно уничтожить противника с первого удара или на худой конец ударить так, чтобы он долго не смог подняться. Меч не всегда способен пробить доспехи с первого разза, а вот булава самое то. Если же перед человеком стоял ошестинившийся пиками строй, то с мечом он тем более выглядел бледно, что сейчас Володя и наблюдал. Вражеские солдаты, чтобы прорваться, вынуждены были бросить все, что им мешало, и оказались на стене с одними мечами или топорами перед лесом пик.

Володя снова достал лук и ненадолго подключился к работе лучников, чтобы остановить наиболее опасный прорыв.

– А вы неплохо стреляете, милорд, – одобрительно заметил один из лучников, прерывая стрельбу, чтобы скинуть вниз опустевший колчан и взять полный.

Мальчик молча кивнул. Когда прорыв ликвидировали, он снова забросил лук за спину и теперь пытался рассмотреть, что делается на другой стороне. Там также шел отчаянный бой, но вроде бы проблем не было.

Володя спустился вниз, но на коня садиться не стал, а отправился к стене, лавируя среди бегающих солдат и добровольцев-медбратьев, которые на носилках выносили раненых. Он понаблюдав за их работой – раненых выносили из боя, не дожидаясь его конца, как здесь было принято раньше, а значит, очень многие останутся живы. При условии, конечно, что им окажут грамотную помощь. Но даже одно то, что им вовремя остановят кровь, уже может спасти жизни – Володя видел, что многих уже несли перевязанными, пусть неумело, но кровь останавливали. Недаром он заставлял местных врачей обучать добровольцев правильно накладывать повязки на раны.

Мрачный Володя шагав вдоль мешков, глядя на разворачивающуюся схватку, наблюдая, оценивая, делая выводы... Иногда ловил на себе взгляды охраны. Понятно, по их представлению, он, как командующий, должен находиться на самом опасном участке, личным примером увлекая солдат и мечом круша врагов. Похоже, ему это поведение прощали только из-за возраста и телосложения. Не будь этого – взгляды оказались бы гораздо более недружелюбными...

«Какая фигня в голову лезет...» – вздохнул Володя.

Сейчас он сам бы не смог описать свое состояние. Еще стоя на стене и ожидая атаки, он пытался представить, каково это будет, что он будет чувствовать... Могут ли его убить? Да, это война, даже если он и не полезет в сражение. То равнодушие, которое позволяло ему сохранять хладнокровие в любой ситуации и так поражало его наставников, уже давно дало трещину, и ему хотелось жить. Хотелось вернуться в дом Осторна и снова услышать смех Аливии... Но, вопреки опасениям, страшно не было.

– За мной! – Володя прыгнул в седло, прищипорил коня и помчался к домам, на скаку наблюдая за работой лучников.

Приподнявшись в стременах, он попытался что-либо разглядеть за стеной, но не получилось. Тогда, подскочив к одному из домов, он крикнул, чтобы ему спустили лестницу. Забрался на крышу и тут же прилип к биноклю. Похоже, одну ошибку он все-таки сделал, сконцентри-

ровав здесь слишком много лучников. До конца «коридора» доскакало не очень много людей, их очень быстро перестреляли, и теперь для такой массы лучников просто не было целей. Они пытались стрелять навесом в глубину, но паршивое качество спешно изготовленных луков и еще более паршивое качество стрел не позволяло доставать слишком далеко, а точность была такая, что некоторые стрелы падали едва ли не на своих.

Володя подозвал офицера, командующего лучниками.

– Скажите, – сердито поинтересовался он, – чем вы тут занимаетесь?

– Как было приказано, не пропускаем врага вперед. – Офицер, похоже, не понимал претензий.

– Разве тут кто-то атакует?

– Нет.

Офицер был совершенно непрошибаемым, и мальчик понял, что такая беседа может продолжаться долго.

– После боя мы еще обсудим ваше руководство, а пока делите отряд поровну и спускайте с крыш – здесь атаки уже не будет. На всякий случай оставьте лучников двадцать, остальных вниз. Пусть помогают. Вон там, – Володя махнул в сторону центра позиций, где бой разгорался с новой силой, – их помощь будет очень нелишней. И быстрее, дьявол вас раздери!!! – Последнюю фразу Володя уже проорал по-русски, но офицер сообразил, что его не хвалят, и начал торопливо отдавать приказы.

Вскоре лучники, расхватывая новые колчаны, стали поспешно спускаться и торопливо направились к центру позиции. Мальчик некоторое время понаблюдал за обоими отрядами, а потом стал смотреть, что творится на стороне Роухена. То ли там позиция оказалась лучше подготовлена, то ли еще по какой причине, но родезцы не очень наседали, сосредоточив все силы против правой стены.

– Зараза! – Володя торопливо скатился с крыши. – Быстрее за мной!

Что-либо объяснять охранникам было некогда, да и смысла нет. Володя заметил один из отрядов резерва, спокойно стоявший в стороне в ожидании сигнала о помощи, если такой появится, и резко затормозил возле него, подняв коня на дыбы.

– Кто командир?!

Вперед поспешно выскочил какой-то мужчина.

– Фелнер Лист, милорд.

Володя соскочил с коня.

– Фелнер, бери людей, и за мной! Враг пошел на прорыв, если не удержим – ловить придется по всему городу.

Фелнер торопливо кивнул и повернулся к солдатам:

– Оружие к бою! За мной!

Успели они как раз вовремя – вражеские солдаты уже перевалили стену из мешков, раскидав их и проделав таким образом солидных размеров брешь. Неопытные ополченцы-копьеносцы растерялись, и родезцы, разрушив строй, вломились в толпу, в которую превратились солдаты Локхера. Володя, вмиг оценив опасность, повел подкрепление точно во фланг прорвавшихся рыцарей. Ни отдавать приказы, ни направлять людей было некогда, и потому он подал единственный сигнал, который смог придумать, – как можно выше поднял свой боевой шест с выдвинутыми лезвиями и повел людей за собой. Рядом с ним пристроился Фелнер.

– Дави!!! – заорал он, поудобнее перехватывая шест и устремляясь в атаку.

Все размышления о сути битвы и ощущениях в ней остались позади – Володе просто некогда было думать об этом. Вся его жизнь и все ощущения мира для него сосредоточились на лезвиях его шеста и тех врагах, которых он видел перед собой. Не попасть под удар, нанести его самому. Как и кого он рубил или колол, Володя не запоминал, не смог вспомнить об этом и впоследствии. Впрочем, не очень и старался. Так и запомнился ему этот бой неясными

урывками. Наконец Володя, тяжело дыша, остановился и огляделся, опустив оружие. Схватка уже ушла вперед, и мальчик оказался за спиной своих людей. Володя, ругая себя последними словами, нервно огляделся. Из-за своего роста он никак не мог понять, что и где происходит. Тут его взгляд наткнулся на двух охранников, которые в бою сражались рядом с ним, прикрывая командира с флангов.

– Поднимите меня! – приказал он.

Один недоуменно глянул на милорда, второй сообразил быстрее. Подойдя, он ухватил Володю, усадил его себе на шею, поднял. Князь огляделся.

Подкрепление он привел вовремя – еще бы чуть-чуть, и враг прорвался бы. Но и сейчас еще не все ясно – понимая, что это их последняя надежда, родезцы напирали с отчаянием обреченных, а плохо обученные неопытные ополченцы мало что могли противопоставить этому яростному натиску. Подкрепление всего лишь стабилизировало ситуацию, но ничуть ее не улучшило.

Володя соскочил на землю.

– Разыщите командира, передайте, чтобы держался! Любой ценой!

Он развернулся и, не дожидаясь охранников, побежал в ту сторону, откуда только что приехал. Поймал какого-то бесхозного коня, чей хозяин скорее всего погиб, вскочил в седло. Несколькими легкими ударами шеста по крупу успокоил его и помчался дальше верхом.

Лучников он заметил издалека – продвигаясь в тылу своих войск, они иногда останавливались и давали несколько навесных залпов через головы своих. С учетом скученности вражеских войск вряд ли их выстрелы пропадали даром.

Володя осадил коня около них.

– Мне нужно человек сорок! Лучших! Лучшие – шаг вперед!

Заметив, что его не понимают и озадаченно переглядываются, Володя повторил команду, сопроводив ее не раз слышанными солдатскими выражениями и от себя добавив кое-что из великого и могучего. Поняли.

– За мной!

Схватив шест, Володя помчался обратно, слыша, как пыхтят от быстрого бега лучники за спиной. Глянул через плечо и едва снова не выругался – за ним бежала вся толпа. Объяснять им уровень их интеллекта было некогда, и мальчик решил оставить это дело на потом.

Выведя лучников чуть в сторону от прорыва, Володя соскочил с коня и снял со спины лук.

– Не стрелять! – рявкнул он.

Вовремя, кое-кто уже едва не послал стрелу в сражавшихся, не разбирая, где свои, а где чужие. Володя развернулся к кое-как сформированному строю... хм... все-таки зачатки дисциплины им успели привить.

– А теперь слушайте меня! Времени объяснять нет, потому буду показывать, а вы делаете, как я! Мой выстрел первый! Вы смотрите, куда и как я стреляю, и делаете то же самое, пока я не остановлю! После чего снова мой выстрел, и ваши в ту же сторону! Вопросы?! Тогда к бою!

Володя развернулся и изготовился к стрельбе, оценивая положение своих и чужих войск. Стрелять в место схватки бессмысленно – своих положишь не меньше, чем чужих, а вот по тем, кто прибывает через пролом в стене... Его отсюда не видно за спинами сражавшихся, но Володя помнил его расположение и знал примерное расстояние дотуда. Сделав поправку на ветер, он вскинул лук и выстрелил навесом. Повернулся – за ним следили внимательно.

– Если не сумеете сделать такой же расчет, лучше стреляйте дальше. Еще один мой выстрел, и стреляем вместе! – Володя снова вскинул лук...

Дальше пошло уже на автомате. Князь стрелял, после чего в ту же точку следовал залп всех более-менее подготовленных лучников – Володя велел командирам отрядов проследить, чтобы уж откровенно плохие стрелки не лезли. Снова забрался на плечи одного из охранников

и теперь наблюдал за схваткой оттуда, мгновенно перенося огонь на участки, где скапливался противник. Задача командиров – следить за ним, и едва Володя переносил стрельбу, как они моментально перенацеливали своих лучников. Действовали не очень согласованно, часто с запозданием, да и меткость хромала, но и этого хватило. Родезцы уже опасались собираться толпой, а без этого их натиск ослаб. Подкрепления тоже стали запаздывать, и их постепенно начали теснить обратно за стену. С продвижением Володя переносил стрельбу дальше в тыл, выкашивая тех, кто стоял позади стены. Но вот снова смешались свои и чужие.

– Прекратить стрельбу!

Легко сказать. Несколько вошедших в раж лучников продолжали стрелять. Володя ска-
тился на землю и моментально выдал несколько оплеух особенно разошедшемуся.

– Я сказал: «Прекратить!» Куда ты сейчас стрелял? Ты уверен, что там не свои?

Несчастный лучник от такого яростного напора втянул голову в плечи и даже стал казаться ниже Володи ростом.

Володя развернулся к стоявшему рядом десятнику:

– Он из твоего десятка?! Это так ты следишь за своими людьми? Если он поранил или, не дай бог, убил кого-то из своих, я ведь не с него буду спрашивать – что с идиота взять? – я с тебя спрошу как с командира! Это ты мало гонял придурка и не научил слушать команды! А теперь молись, чтобы никто из наших не пострадал.

Володя отвернулся, в полной уверенности, что этому лучнику наказание теперь точно обеспечено. И гораздо более суровое, чем он смог бы придумать сам, – этот десятник отыгра-
ется за свой страх и припомнит обещание милорда спросить за все именно с него.

Князь подошел ближе к месту схватки и взобрался на коня, теперь уже осматриваясь с него. Родезцев оттеснили, и грузчики восстанавливали стену. Ополченцы тащили «ежи» и швыряли их через стену из мешков прямо на головы врагов, громоздя перед ними новые пре-
пятствия. Подошедшие лучники уже стреляли едва ли не в упор из-за восстановленной стены. Выносили из боя раненых. Рядом с конем мальчика кто-то остановился, тяжело опершись о копьё. Володя чуть скосил глаза и увидел Фелнера Листа – командира резерва. Тот кивнул:

– Вы умеете быстро соображать, милорд. Я уж думал, не сдержим, хотя ведь и больше нас вроде бы было. Вовремя вы лучников позвали. И очень здорово организовали обстрел их тылов.

Володя нахмурился, потом сказал:

– Спасибо. Теперь осталось разобраться с ними до конца.

– Да все уже, милорд, вы уж поверьте моему опыту. Сломались они. Этот прорыв был их последней надеждой.

Фелнер словно в воду глядел. Даже отсюда Володя видел, что натиск врага слабеет. Остав-
шиеся солдаты стали пятиться и собираться в центре ловушки, закрывшись чудом уцелевшими щитами и телами своих товарищей. Протрубила труба, созывая уцелевших, но звук был какой-
то неуверенный.

Володя подъехал к самой стене и теперь наблюдал за врагом из-за нее. Вот от кучки родезцев отделился один рыцарь и, высоко вскинув копьё с привязанной к нему непонятно откуда добытой белой тряпкой, двинулся к стене. Затрубили трубы со стороны защитников, обстрел медленно стихал.

Парламентер неуверенно потоптался, не зная, где находится вражеский командир. Потом зашагал наугад и остановился метрах в пятидесяти левее Володи. Мальчик не слышал, о чем он говорит с тем офицером, который оказался к тому месту ближе всех.

Тут рядом с Володей оказался один из охранников с длинным шестом, на конце кото-
рого был примотан странный вымпел с рисунком. Мальчик с удивлением обнаружил довольно неплохо выполненный собственный герб. И когда успели только? Это ведь не так просто сде-

лать – сначала герб надо было скопировать... Аливия! Так вот почему она вчера так хитро на него поглядывала.

Солдат воткнул шест рядом с Володей и гордо встал рядом – охрана.

Переговоры тем временем завершились, и офицер скакал к Володе, подстегивая лошадь. Осадив ее практически перед князем, он доложил:

– Милорд, враг готов сдаться и спрашивает о наших условиях.

Володя пожал плечами:

– А что в таких случаях принято обещать?

– Ну... – Офицер замаялся. – Я пообещал им жизнь. – Он неуверенно глянул на князя и, не заметив каких-либо признаков недовольства, продолжил уже смелее: – Благородные сохраняют личное оружие с обещанием не применять его в плену...

Володя поднял руку, останавливая офицера.

– Как твое имя?

– Нинрон Варт, ваше сиятельство.

– Вот что, Нинрон, ты, как я вижу, прекрасно со всем справляешься. Назначаю тебя ответственным за переговоры о сдаче, потом примешь пленных.

– Меня? – Офицер даже засветился от счастья. Похоже, это была великая честь, судя по тем завистливым взглядам, которые стали бросать в сторону Нинрона остальные.

– Да. Ничего сверх необходимого не обещай, но и жестких условий не надо. Разберешься, что к чему. Бери флаг переговоров и отправляйся... И еще... – Володя задумался. Офицер терпеливо ждал.

Мальчик соскочил с коня и отозвал офицера в сторону. Убедившись, что их никто не слышит, заговорил:

– Когда они сдадутся, сделаешь вот что...

Нинрон выслушал Володю, все больше мрачняя с каждым словом.

– Милорд! Это будет нарушением условий...

– Тише! Если бы я хотел, чтобы о нашем разговоре слышали все, то говорил бы на месте. Никаких нарушений условий не будет. Суматоха после боя... ну, ошиблись, с кем не бывает... Солдаты же... Я потом лично... слышишь, лично извинюсь перед ними за ошибку, и все условия капитуляции будут соблюдены. Клянусь, не пострадает никто из благородных. Но это надо сделать.

– Но, милорд, я не понимаю... – Нинрон выглядел сильно-сильно озадаченным.

– Нинрон, скажи, ты сможешь это сделать или мне поискать другого офицера, который поймет?

Тот думал недолго.

– Я сделаю, как вы сказали, ваше сиятельство. Я верю вашему слову.

– Вот и хорошо. У меня действительно нет никакого желания причинять кому-либо вред. И обещаю лично извиниться перед всеми. А сейчас действуй. И мне все равно, как и что ты будешь говорить: ошибка солдат, опасение за безопасность пленных в городе, только что подвергнувшемся нападению. В общем, сам думай, как это сделать.

Нинрон убито кивнул и уже без прежнего энтузиазма направился на переговоры. Володя же развернул коня в сторону крепостной стены.

– Милорд, вы куда? – удивился Фелнер. – Разве вы не будете принимать капитуляцию?

– Капитуляцию? – рассеянно поинтересовался Володя. – Какую капитуляцию? Вот что, Фелнер, бери коня и осмотри все наши позиции. Передашь командирам приказ записать наши потери: убитые, раненые, если возможно, поименно. Пусть собирают сведения, начиная с десятков, и передают их дальше. Сегодня вечером все старшие командиры должны прибыть на совет. Особенно это касается командиров лучников... у меня есть для них пара ласковых слов... Там они должны будут доложить о потерях. Убитых врагов сложить отдельно. Пусть

оценят численность ворвавшихся, количество убитых и раненых с их стороны. Найди Арвида и передай, чтобы он тоже прибыл на совет. Я хочу узнать у него количество раненых в госпиталях и его прогнозы по ним. Вроде бы все... Исполни!

– Но, милорд...

– Ну что еще? – раздраженно повернулся к нему Володя.

– Я просто хотел узнать... где вас искать, если что?

– Я на стене. Если помнишь, бой окончен только здесь, в городе, а там он еще идет.

Князя проводили всеобщими недоумевающими взглядами, но спорить не решились.

Со стены Володя еще раз посмотрел на то, что творится в городе. Ничего необычного – осознав бесполезность сопротивления, родезцы складывали оружие и под присмотром ликующих ополченцев направлялись в центр площади, где организовали временное размещение пленных. Убедившись, что тут все в порядке, мальчик целиком уделит внимание происходящему за стеной города.

– Вывешивайте сигналы! – бросил он через плечо прежде, чем прилипнуть к биноклю.

В общем, тут тоже все было неплохо. Хотя враг и отступил от городских стен, чтобы избежать обстрела лучников, но понесенные в первые минуты боя потери, а также то, что родезцы так и не смогли организовать, делали их шансы на победу не очень высокими. Если что и заставляло их еще держаться, так это надежда спасти товарищей, попавших в ловушку в Тор-тоне.

– Стойте! – заорал Володя сигнальщикам, уже привязавшим к флагштоку набор флажков, которые должны были сообщить Конрону о победе в городе. Нехорошо, конечно, заставлять его волноваться, но намного лучше, чтобы враг не знал о поражении своих. Пусть и дальше рвется им на помощь, совершая ошибки и теряя товарищей в яростных, но неорганизованных атаках. – Придержите сигнал! Я скажу, когда его поднять!

Солдаты озадаченно переглянулись, но, привыкнув подчиняться благородным, приказ выполнили беспрекословно.

Володя, сжав бинокль, продолжил наблюдение за битвой. Эх, сейчас бы посадить по пять лучников на повозку, вырваться из города и на полном скаку зайти во фланг родезцам... Два-три залпа, и те сломаются. Ворота уже почти расчищены, повозок тоже хватает, коней вон сколько носится. Мечты-мечты... Володя уже оценил качество подготовки местных вояк. Можно гарантировать много сутолоки, бессмысленных метаний, шума... в общем, чего угодно, только не быстроты и точности исполнения команд. Делать вылазку с такими солдатами равносильно самоубийству. Родезцы ведь не идиоты и сразу поймут, что к чему. Малейшая задержка, промедление, и лучников просто сметут рыцари, не дав им сделать даже одного залпа. Успех дела упирается в качество войск...

Володя еще раз обдумал мысль, вспомнил действия лучников в бою внутри города и со вздохом отказался от идеи сделать вылазку. Выводить пехоту тоже не имеет большого смысла – она не успеет к месту боя. Родезцы организованно отступят, а именно этого Володя хотел избежать – ему нужен был разгром врага под стенами, а не его отступление на новые позиции. Кавалерии же у него нет – она вся находилась с Конроном, на которого и была теперь вся надежда. В бессилии хоть как-то помочь другу, Володя только крепче сжимал бинокль, прикусив губу. Теперь он понимал, что намного сложнее участия в битве наблюдать за ней со стороны, видя, как гибнут твои... товарищи? Володя многих и в глаза не видел. Когда они успели стать для него товарищами? Как все меняется на войне. Еще вчера совершенно посторонние для тебя люди вдруг становятся самыми лучшими друзьями.

Получив преимущество в первые минуты боя, Конрон больше его не выпускал. Похоже, сейчас он был в своей стихии: молниеносно оценивал ситуацию, атаковал, едва почувствовав, что противник где-то начинает организовываться, твердо держал инициативу.

– Вывешивайте сигнал! – приказал Володя, не отрываясь от бинокля.

Кажется, пора, решил он. В битве наступило то равновесие, когда даже песчинка на одной из чаш перевешивает весы в ту или иную сторону.

Сигнал заметили не сразу, но вот среди войск Локхера прошло оживление, потом раздалось громовое «ура», и солдаты, словно получив новые силы, бросились в атаку. Противник еще некоторое время пытался сдержать этот порыв, но волна атакующих захлестнула их, сметая с дороги. Для родезцев это оказалось последней каплей, и первоначальное организованное отступление превратилось в бегство.

– Только не упусти их, Конрон, – прошептал Володя. – Только не упусти...

Но Конрон в подсказках не нуждался и тут же организовал энергичное преследование – он не хуже Володи понимал, насколько важно сейчас закрепить успех и не дать врагу прийти в себя.

Володя облегченно вздохнул и с трудом оторвал от лица бинокль. Удивленно глянул на предательски дрожащие руки, потом прикрыл глаза и постарался расслабиться, прогнав все мысли. Получилось! Как ни смешно это звучит, но у них действительно получилось. Он даже самому себе боялся признаться в успехе. До последнего думал, что что-то может пойти не так, что они не предусмотрели какую-то мелочь, которая полностью разрушит все их планы. Но нет. В городе уже все закончено, за стенами, похоже, тоже. Подробнее можно будет узнать, когда вернется Конрон, а это случится не раньше вечера. Еще до атаки, обговаривая варианты действий в случае успеха, они с рыцарем пришли к единогласному выводу, что надо нанести как можно больший урон вражескому отряду. Значит, пока все всадники Конрона не начнут валиться с коней от усталости, ждать возвращения латной конницы не приходится. И, кроме того, это также означает, что он остается командующим всеми вооруженными силами города. Проклятие.

Убедившись, что он может твердо стоять на ногах и руки перестали дрожать, Володя осторожно оттолкнулся от стены и медленно повернулся. На него смотрели все, кто находился в этот момент на стене. Ожидая, встревоженно, с надеждой... Князь поднял голову и взглянул на небо, потом снова повернулся к солдатам.

– Мы победили, – устало произнес он. – Почему до сих пор нет сигнала?

И только после этого, словно все ждали подтверждения, солдаты на стене взорвались радостными криками, которые через мгновение подхватили и те, кто находился внизу и не мог видеть бой за пределами города. Крики катились дальше и дальше – город праздновал победу...

Володя слушал их, улыбался, но при этом четко понимал, что выиграна на самом деле только первая битва.

Глава 2

После горячки боя, когда порой действовать приходилось по первому велению сердца, но отнюдь не разума, Володя начал понимать, что иногда поступал не самым лучшим образом. Раздавая приказы о действиях после сражения, он имел возможность временно отвлечься от не очень приятных размышлений. Возможно, именно поэтому пока не стремился остаться в одиночестве, бродя по недавнему полю битвы и наблюдая, как конвоируют пленных, как складывают тела погибших. Володя остановился у аккуратно выложенных в ряд тел защитников Тортон и минут пятнадцать стоял, рассматривая трупы, словно стараясь запомнить каждого. Никто отвлечь его не посмел.

Тяжело вздохнув, он отвернулся и понуро побрел дальше. Но тут его внимание привлек смех, показавшийся здесь жутко неуместным. Обогнув груды бревен и мешков, мальчик замер, пытаясь понять, что происходит. Оказывается, несколько ополченцев, которых привлекли к разбору мертвых, оттащили один из вражеских трупов в сторону и теперь отрабатывали на нем удары копьем. Один из них, судя по всему, заводила, уже примеривался топором, чтобы отрубить голову.

Это оказалось для мальчика последней каплей. Он и так находился на грани срыва, а тут... Волна ярости накрыла его с головой. Он налетел на ополченцев, с ходу отвесив несколько ударов. Потом свалил на землю заводилу и несколько раз со всей силы пнул, стараясь причинить как можно больше боли.

– Вы... вы... – Перемешивая русские и локхерские слова, он высказал все, что думает об этих вояках и их происхождении.

– Но, милорд, – посмел кто-то слабо пискнуть. – Это же враг...

– Враг? Враг?! Это?! – Володя ткнул пальцем в сторону трупа. – Это уже не враг! Враги там, за стеной! А вы! Вы, которые даже не участвовали в бою, простоявшие в резерве... Вы теперь вздумали показывать свою храбрость тому, кто уже и ответить не может?!

Вокруг собралась толпа, кто-то смотрел заинтересованно, кто-то испуганно. Чуть в стороне стояли и пленные родезцы. Володя заметил их.

– Так, я гляжу, у вас у всех высокий боевой дух, силы девать некуда, бросаетесь с копьями даже на мертвых. Полагаю, вам стоит потешиться. Вон там пленные стоят, можно дать им оружие и тогда сразитесь на равных. Что притихли? С живыми не так безопасно воевать, как с мертвыми?! Ну?!

Володя уже немного успокоился, но остатки ярости еще клокотали в нем. Ополченцы испуганно пятились. Князь прикрыл глаза, вдохнул и выдохнул несколько раз.

– Кто ваш командир?

Вперед несмело вышел какой-то дядька в летах.

– Теперь ты рядовой. Дела передашь заместителю и считай, что легко отделался. Остальным участникам сего храброго действия по двадцать ударов плетью. Этому зачинщику – пятьдесят! Все!

– Милорд, – попытался кто-то возразить. – Пятьдесят...

– Исполнять!!! – Володя развернулся к одному из получивших наказание и, сощурившись, изучил его с ног до головы. – Хочешь избежать порки? Могу отменить, но при одном условии. Впереди еще много битв, и не факт, что после одной из них ты останешься живым. Так вот, с твоим телом поступят так же, как ты сейчас поступал с этим. Согласен?! Что же ты так?

Володя развернулся и зашагал по улице, уже мало обращая внимания на окружающих.

– Пятьдесят ударов плетью... Милосерднее было повесить, – вдруг услышал Володя за спиной шепот охраны.

Те явно не хотели, чтобы милорд их расслышал, но как раз в этот момент на мгновение наступила тишина, и мальчик все прекрасно услышал. Позади испуганно замерли, ожидая новой вспышки гнева и новых наказаний.

Володя замер, словно на столб налетел. Пятьдесят... Что он вообще знал о наказании плетью? Даже не видел ни разу. Знал только, что его применяют, но сколько ударов много, а сколько мало? Значит пятьдесят – это равносильно смерти... Или нет?.. Скорее это равносильно инвалидности для наказанного, что, собственно, в этом мире та же смерть, только более отдаленная. Что же делать? Что? Отменить наказание? Смягчить? Володя прикрыл глаза. Отменить... Но отмена решения командиром... после этого его никто слушать не будет. Что за командир, у которого семь пятниц на неделе и который свои решения меняет каждые пять минут.

– Кто-нибудь, – попросил Володя, не оборачиваясь. – Сходите, передайте, чтобы удары были не в полную силу – защитники городу еще понадобятся. Пусть на стенах отработают свою вину.

Судя по раздававшемуся за спиной топоту, кто-то отправился исполнять приказ. Володя вздохнул и зашагал дальше.

Как добрался до кабинета в магистрате, где обычно проходили все совещания, он помнил плохо. Долго сидел за столом, разглядывая какую-то точку над дверью. Потом вспомнил, что Конрон всегда где-то тут прячет кувшины с вином. Разыскал их, хлебнул из одного. Вопреки надежде, облегчения это не доставило, наоборот.

– Что, феодалом себя возмнил?! – спросил Володя с яростью у самого себя. – Уже казнить и миловать начал?

Володя говорил еще много, с каждым словом распаляясь сильнее и сильнее. Понимал, что надо остановиться, понимал, что такое его состояние чревато бедой, но с ужасом осознал, что остановиться не может. Он метался по кабинету, расшвыривая попадающиеся по пути скамейки и стулья. Заглянувший в комнату Филипп едва не схлопотал кувшином с вином по голове. Хорошо, Володя промахнулся, и кувшин разбился выше головы вассала, окатив того вином. Филипп выскочил за дверь.

– А я тебя предупреждал, – невозмутимо заметил Джером, сидевший на подоконнике и что-то рассматривавший во дворе. Он повернулся на звук захлопнувшейся двери, глянул на солдата и хмыкнул. – Считай, что повезло.

– Что на него нашло? – пробурчал Филипп, стряхивая вино с волос и одежды. Выглядел он, несмотря на происшедшее, не сердито, а скорее растерянно.

– Да кто ж их, благородных, поймет? Он уже пришел в таком состоянии. Дальше только хуже, будто специально себя накручивает. Думал, успокоится немного погода, но, похоже, только хуже становится, а мне ведь еще о деле поговорить надо. Еще какой-то офицер на меня насаждает, говорит, что милорд отдал приказ по поводу пленных... Тут Рокхон к милорду рвался, хотел получить дальнейшие указания. Приходил и тир Роухен, чуть ли не мечом у меня перед носом размахивал. А что я могу сделать?

Филипп опасливо покосился на дверь:

– Так не пойдет, я тоже не ради развлечения пришел. Джером, постарайся успокоить милорда.

– Я похож на самоубийцу? – возмутился тот. – Если так хочешь, иди и успокаивай.

Филипп нервно прошелся по коридору, потом остановился рядом с Джеромом и тоже выглянул в окно. Тут, опасливо косясь на них, показался какой-то слуга, подошел к двери. Филипп открыл было рот, чтобы предупредить его, но Джером в последний момент удержал и стал с интересом прислушиваться к тому, что происходит в комнате.

Слуги не было уже минуты две, и все оставалось спокойно.

– О! – Джером поднял палец и шагнул к двери, но та вдруг распахнулась перед ним, и слуга выскочил наружу, словно за ним гнался демон. – М-да... – Джером вздохнул и вернулся к своему наблюдательному посту у окна. – Слушай, да не мельтеши ты, уже голова кружится.

Филипп замер и гневно посмотрел на Джерома:

– А ты, я гляжу, очень спокойный!

– Я думаю.

– И как успехи? – ядовито осведомился солдат.

– Придумал. Не хотелось бы прибегать к этому средству, но, видно, другого выхода нет.

– Э-э-э... ты о чем?

– О том, как вернуть нашему господину разум. Вот что, оставайся тут и никого к милорду не пускай... ради их же блага. Я скоро буду.

И Джером поспешно удалился.

Отсутствовал он минут сорок. За это время Филиппу с трудом удалось отбиться от офицеров, стремившихся получить какие-то новые приказы.

– Милорд думает и просил пока его не беспокоить.

– Что значит не беспокоить? – напирал кто-то.

– А вот то и значит, – раздался вдруг спокойный голос Джерома.

– Наконец-то, – облегченно вздохнул Филипп.

Рядом с Джеромом, держа его за руку, стояла Аливия и растерянно озиралась. Испугавшись такого количества шумных людей, она спряталась за спиной Джерома. Еще дальше топтался Руперт.

– А этого-то зачем привел? – поинтересовался Филипп, уже сообразив, в чем заключается план Джерома.

– А он отказался отпускать сестру со мной почему-то.

– Удивительно – почему? – буркнул Филипп. – Ладно. Э-э-э... девочка, иди к милорду.

– Ты всегда умел обращаться с детьми, – усмехнулся Джером и присел рядом с девочкой. – Аливия, твоему другу сейчас нужна помощь, и я думаю, что, кроме тебя, ему никто не поможет.

Девочка несмело кивнула, а потом осторожно открыла дверь.

– Какого... – попытался возмутиться один из офицеров. – Вы хотите сказать, что мы войти не можем, а какая-то девчонка...

Аливия слушать не стала, а просто вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Кого там еще несет?! – услышала она разъяренный голос, в котором с трудом узнала голос Володи.

Первым ее порывом было убежать, но, поборов страх, она все же шагнула дальше.

– Это я, Володя.

– Я... Кто я? – Мальчик с трудом выбрался из-за стола. – Ленка? – изумился он. – Ты откуда здесь?

Аливия вздохнула – некоторые вещи совершенно не меняются.

– Опять ты мое имя путаешь.

Мальчик потряс головой, потом испуганно покосился на доску в руке, которой уже готовился запустить в вошедшего... к счастью, сдержался.

– Э-э... Аливия, что ты тут делаешь?

– Меня Джером привел. Сказал, что я тебе нужна.

– Хм... трус несчастный.

В голове прояснилось, и гнев куда-то исчез. Володе неожиданно стало стыдно. Стыдно за то, что предстал в таком виде перед Аливией, да еще и наорал на нее. Господи, до чего дошел! Самому противно. Он взглянул на девочку, испуганную, но отчаянную, стоявшую напротив него... непонятного чудовища, от которого неизвестно что ждать.

Плюхнулся на стул и устало протер глаза.

– Опять я тебя напугал и опять предстал не в лучшем свете. И куда делась моя знаменитая невозмутимость, которая так поражала всех на Базе?.. Как же это все выматывает...

Аливия осторожно подошла к нему, подлезла под руку и забралась на колени.

– А ты сказку расскажи.

Володя нервно хмыкнул, потом расхохотался.

– Ох, Аливия, ну, ты молодец. Слушай, ты бы слезла, тяжелая все-таки.

Девочка надулась:

– Хочешь сказать, я стала толстой, да?

– Что? – Володя снова расхохотался. – Нет, я хочу сказать, что ты повзрослела.

– Ага, значит, я тебе нравлюсь? Ты возьмешь меня в жены, когда я стану совсем взрослой?

– Эй, это откуда у тебя такие мысли? Поверь, ты найдешь мужа намного лучше меня. Ну, все! Слезай давай, все ноги мне отсидела.

Аливия перебралась на соседний стул и сочувственно повздыхала.

– Устал, наверное?

– Устал? Хм... Физически нет. – Володя встал и подошел к окну, долго что-то высматривал на улице. – Я скорее разозлился. На себя разозлился, а потом сорвал злость на других. Стало намного хуже. Впервые приговорил человека практически к казни... пятьдесят ударов плетью. – Володя снова вздохнул и посмотрел через плечо на Аливию.

Та слушала внимательно, стараясь не пропустить ни слова. Перебивать или как-то комментировать услышанное она явно не собиралась. Мальчик отвернулся. Как ни странно, но оказалось, что именно такого вот слушателя ему и не хватало. Человека, которому можно, грубо говоря, поплакаться и который не осудит и всегда поддержит. Не перед подчиненными же душу выворачивать? Вот только нужен ли девятилетней девочке такой груз?

Но та решила все сама. Встала, подошла сзади к Володе и обняла.

– Ты хороший.

– Хороший? – нервно хмыкнул Володя. – Оказывается, все, что я могу, – так это только других поучать. Как умно рассуждал, что командир должен находиться в стороне от битвы, чтобы вовремя подмечать все нюансы и перемещать резервы. И что я сделал в первом же бою? Носился по всем оборонительным сооружениям как сумасшедший. Каким мудрым себя чувствовал, заметив прорыв и вовремя подведя туда резервы... Только позже сообразил, что если бы я не носился по укреплениям, то заметил бы его намного раньше и намного раньше сумел бы направить свежие силы. Сейчас вот думаю: сколько по моей вине погибло там?..

Вряд ли Аливия много понимала из того, что говорил Володя, но этого и не требовалось. Мальчику нужен был просто сочувствующий слушатель, чтобы выговориться, а девочка могла его подбодрить, и не понимая всего того, что ей рассказывают. Она всем сердцем чувствовала, что сейчас важно не то, понимает она или нет, а ее поддержка и сочувствие.

– А ну, хватит хныкать! – вдруг громко сказала девочка. – Конечно, ты ошибаешься! Но если хочешь никогда не ошибаться, то и не делай ничего.

Володя замер, потом развернулся и подхватил девочку на руки. Рассмеялся.

– Уела! Ну, уела. Надо же, запомнила, что я тебе тогда сказал. Я ведь думал, мимо ушей пропустила, как обычно.

– Я ничего не пропускаю мимо ушей, – надулась девочка.

– Знаешь, ты права... Только вот цена моих ошибок – человеческие жизни. Это тяжелее всего принять. – Володя подошел к столу и усадил девочку на него. – Да, ты права. Можно забиться в угол, испугавшись, а можно усвоить урок... Спасибо тебе, Кнопка. Опять ты меня спасла... вправила мозги старому идиоту.

– Какой же ты старый? – удивилась Аливия.

– То есть с тем, что я идиот, – ты согласна? И откуда у тебя столько мудрости?

– Ты научил, – бесхитростно отозвалась девочка, доверчиво глядя на него своими пронзительно синими глазами.

Володя поперхнулся и поспешно отвернулся, замахал руками.

– Кнопка, прекрати меня смешить. Вот помру сейчас от смеха, что делать будешь?

– Позову на помощь дядю Джерома.

– Дядю... Гм... С каких это пор он тебе дядей стал? Ой, не отвечай! Это был *риторический* вопрос.

– А что такое *ри... рито... рита...* ну, этот самый вопрос?

– Такой вопрос, ответ на который не требуется.

Аливия задумалась.

– А зачем тогда его задавать?

– Вот и я над тем же думаю. Вот что, посиди-ка пока вон в том углу. Я тут сейчас быстро закончу и попрошу, чтобы... хм... дядя Джером тебя обратно отвел, как только он перестанет мне быть нужен.

– А со мной еще брат пришел.

– Вот как? Великолепно.

Володя выглянул за дверь.

– Руперт! Зайди на минуту.

Когда юноша вошел, Володя махнул в сторону Аливии:

– Вот что, забирай это сокровище и отвези домой, Филипп обеспечит охрану. – Володя снова выглянул в коридор. – Филипп, найди кого-нибудь, чтобы проводить Аливию и Руперта до дома, а сам займись тем, о чем я просил. Остальных тоже касается: сегодня вечером совет. Все! Все вопросы к тире Роухену! Меня до вечера нет! Джером, заходи, ты мне нужен.

Дождавшись, когда все разойдутся, Володя закрыл дверь и повернулся к Джерому:

– Говори.

– Обыскали дома всех выявленных шпионов. Золото, как и договаривались, забрали себе люди Крейса, а все бумаги и книги, как вы и приказали, свезли к вам в дом. Все прошло тихо.

– Да... И почему в сутках так мало часов? Похоже, сегодня до совещания я не успею переговорить с ними – надо для начала с пленными разобраться... Обещал тут одному офицеру... Но вот с Раймондом переговорить придется. Кстати, Гирона не видел?

– Гирона, милорд?

– А, ты его не знаешь. Куда же он пропал?

Тут в дверь осторожно постучали.

– Ага, наверное, это он. Гирон, ты?

– Я, милорд.

– Ну так заходи.

Гирон вошел, слегка пошатываясь, с рукой на перевязи. Володя минуту изучал его, потом поморщился.

– Плохо. Очень плохо, Гирон. У вас все преимущества были, а вы умудрились дать себя ранить. Погибшие?

– Слава богам, нет, милорд. – Офицер опустил голову. – Виноват, милорд. Мы не ждали такого сопротивления.

– Кто-нибудь ушел?

– Нет. Мы взяли всех.

– Что ж, это хорошо. Но подготовка ваших солдат оставляет желать лучшего... Неделю на исправление, потом проверю. Что нашли в домах?

– Как вы и предполагали, милорд, оружие. В основном арбалеты... и очень неплохого качества. Множество болтов для них, копья.

– Вот так? То есть это все не для профессиональных солдат готовили. Ну, мы знаем, кому предназначалось оружие – арбалеты для них в самый раз. Куда дели?

– Я пока приказал все свезти в тюремные склады под надежную охрану.

– Что ж, хорошо. Потом подумаем, кого этим вооружить, и выпьем за здоровье его величества Эриха, снабдившего нас таким хорошим оружием. Кстати, его ведь наверняка привезли в город задолго до начала осады, скорее всего на каком-нибудь корабле. Видно, этот удар по Тортону планировался давно. Но раз оружие бандитам не досталось, значит, восстания можно не опасаться... пока. – Володя снова задумчиво оглядел офицера, стоявшего перед ним. – С заданием вы справились, хотя и не скажу, что великолепно, тем не менее за одного битого двух небитых дают. Надеюсь, урок вы усвоили. Вот что, офицер, с сегодняшнего дня вы будете исполнять кое-какие специфические поручения, вроде недавнего. Соответственно, учите людей штурмовать дома и сражаться в тесных помещениях. Учтите это в тренировках, я потом более подробно объясню, что от вас требуется. Наберите человек пятнадцать ловких парней, умеющих обращаться с коротким оружием. Учтите сегодняшний печальный опыт, уясните ошибки и занимайтесь. С Конроном я, как и обещал, переговорю.

Гирон поклонился, потом, медленно пятясь, покинул комнату. Володя еще минуту изучал закрывшуюся за офицером дверь, покачал головой.

– Не знаю, выйдет ли из этой затеи что-нибудь, но подготовленный отряд для штурма домов иметь под рукой не помешает. Потом можно расширить их деятельность. По крайней мере, в будущем не придется обращаться за помощью к разного рода бандитам... Не очень-то мне это по душе.

Отдав Джерому новые распоряжения, Володя спустился вниз, где столкнулся с Нинроном Вартом.

– Милорд, – с ходу начал тот, – я выполнил ваше распоряжение, но держать благородных в тюрьме, когда я им пообещал относительную свободу и сохранение оружия...

– Вот как раз этим мы сейчас и будем заниматься. Я к воротам, а потом в тюрьму. Вы же вот что сделайте... идите сразу в тюрьму и разыщите палача, пусть он там все приготовит. Я, как освобожусь, подойду.

– Палача?!

– Не волнуйтесь, работать ему не придется. Послушайте, Нинрон, давайте не будем спорить. Я же обещал, что не будет ничего, что противоречило бы условиям капитуляции. Да еще отыщите несколько бочонков вина. Сколько там благородных в тюрьме у нас оказалось?

– Около сорока человек. Остальные простые солдаты.

– Хорошо. Вот и приготовьте два бочонка лучшего вина... человек на сорок их должно хватить.

– Вина? Палача?

– Нинрон, полагаю, нам не стоит тут выяснять, что и для чего нужно. Просто сделайте, как я говорю.

– Да, милорд!

У ворот по-прежнему царила неразбериха. Сновали врачи, с площади убрали убитых и засыпали кровь песком, благо его тут в мешках море. Стену тоже начали потихоньку разбирать. Володя встал чуть в стороне и наблюдал за работой людей, выискивая кого-нибудь из старших руководителей. Первым ему на глаза попался Вайнер Розен. Володя послал за ним одного из охранников. Вайнер быстро подошел:

– Вы хотели меня видеть, ваше сиятельство?

– Я вас не задержу надолго, вижу, что много работы. Хотел выяснить о потерях, хотя бы приблизительно. Точные-то я узнаю вечером.

– У нас около сорока убитых, – ответил Розен. – Родезцев много больше, но это и понятно – их расстреливали как куропаток. Человек двести уже отнесли в сторону и все еще несут.

– А сколько всего прорвалось в город?

– Около восьмисот.

– Хм... выходит, погибших у них примерно половина будет.

– Примерно да. А вот благородных погибло каждые восемь из десяти... – Розен вздохнул. – Настоящее побоище для офицеров Эриха.

Володя вспомнил свой приказ лучникам на башнях и кивнул. Что ж, по крайней мере, эти поработали на славу.

– А барон?

– Вы имеете в виду барона Розентерна? Пройдемте со мной, милорд, – пригласил Розен.

Володя кивнул и зашагал следом. Розен привел его к телеге, стоявшей в стороне, и откинул мешковину. На телеге лежал мужчина лет сорока в великолепных латах, правда, изрядно помятых. В его волосах уже пробивалась седина, а рука крепко сжимала меч, не выпустив оружие даже после смерти.

– Это Розентерн?

– Да, милорд. Мы нашли его среди тех погибших, что атаковали нашу оборону в лоб. Он лежал под грудой тел недалеко от катапульты. Похоже, погиб одним из первых – выбили из седла, его завалило телами, и барон задохнулся. По крайней мере, я так думаю, поскольку не вижу серьезных ран. Латы помяты, но вроде бы ничего опасного.

Володя подошел ближе и долго изучал лицо погибшего. Потом аккуратно закрыл тело мешковиной.

– Вайнер, распорядитесь, чтобы тело доставили в ближайший храм... в общем, сделайте, как положено. Среди родезцев наверняка есть жрецы, разыщите кого-нибудь.

– Вы хотите...

– Он был воином, Вайнер. Думаю, он заслуживает нормальных похорон.

– Конечно, милорд. Я распоряджусь...

– А вообще, знаете... не спешите его хоронить, если есть такая возможность. Может быть, тело удастся передать его товарищам и те захотят доставить его на родину и похоронить там.

– Тогда придется бальзамировать, милорд.

– Ну так сделайте это.

Вайнер с плохо скрываемым удивлением поклонился.

– Все сделаю, ваше сиятельство.

– Если я зачем-то срочно понадобится – я в тюрьме. Полагаю, сейчас, пока вражеские солдаты не очухались от поражения, самое время побеседовать с ними.

Володя вскочил в седло и направился к огромному серому зданию городской тюрьмы.

У ворот его встретил Нинрон Варт в компании могучего человека. Володя соскочил с коня и уперся этому человеку взглядом в живот. Поднял голову, оглядел здоровенную фигуру и попятился.

– Гм... э-э-э... с кем имею честь? – немного растерянно поинтересовался он, судорожно размышляя, не перебежал ли он где дорогу этому человеку. Вроде бы нет – такую гору он бы точно не забыл.

– Я местный палач, ваше сиятельство. Господин передал, что для меня есть сегодня работа.

– Ах, вот оно что... – Володя снова оглядел человека с ног до головы. – Однако... Нет, работать вам сегодня не придется. Вы нужны для создания нужной психологической атмосферы.

Палач наморщил могучий лоб:

– Простите, ваше сиятельство?

Володя вздохнул.

– Будете находиться в... как там эта комната называется? Пыточная? Так вот, будете находиться у себя в пыточной, и пока я разговариваю с вражескими солдатами, перебирайте инструмент, калите металлические прутья... В общем, делайте вид, что готовы по первому требованию приступить к работе. Нинрон, сядете со мной, но сначала подыщите пару охранников телосложением вот как этот господин – в дверях встанут. И еще пару мелких клерков для поручений. Как вас звать?

Тыкать этому богатырю Володе почему-то совершенно не хотелось, хотя он уже почти привык к местной манере говорить «ты» всем, кто находится ниже по социальной лестнице. Однако продолжал периодически путаться в этих «ты» и «вы». Порой ему становилось интересно, что думают о нем его подчиненные в такие моменты. Хорошо еще, в локхерском различии между «ты» и «вы» весьма условно, и употребление этих местоимений сильно зависит от контекста. Так что, возможно, все его ошибки пока списывают на плохое знание языка.

– Все зовут меня Бортон, ваше сиятельство.

– Вот что, Бортон, проводите нас в свой... гм... рабочий кабинет.

Чтобы дойти до пыточной, пришлось спуститься в подвал, а потом долго идти по коридору, тускло освещенному факелами. В каменном подземелье было сыро. Предусмотрительный Нинрон протянул Володе теплую куртку. Мальчик благодарно кивнул ему, снял накидку и облачился в куртку, а поверх нее снова надел накидку.

В пыточной, оказавшейся весьма просторной комнатой с высоким потолком, их дожидались два помощника палача, хоть и не такие гиганты, как их начальник, но вполне ему под стать. Володя увидел разложенные на столах инструменты, поежился и поспешно отвернулся. Глянул на горн, в котором ревели пламя, покосился на лежащие в нем щипцы разных размеров. Ага, а вот и стол для следователей. Очень удобно – в стороне, чтобы не мешал палачу, но в то же время расположен так, чтобы следователь мог видеть все, что происходит в пыточной. М-да... с точки зрения следователей, может, и удобно, но Володя предпочел бы не видеть всех этих инструментов и механизмов. Чего только не придумали люди, чтобы калечить себе подобных.

Володя заглянул под стол.

– А где вино?

– Сейчас принесут, милорд, – отозвался Нинрон. – Я велел захватить еще кружки.

– И пусть принесут бумагу и чернила.

У Володи были и свои чернила, но их он решил приберечь для других случаев, а здесь и местные сойдут. А вот ручку он предпочел использовать свою – основа из твердого пластика и железное перо, – намного удобнее гусиных, не говоря уже о том, что долговечней. И править периодически не надо.

– Уже здесь, ваше сиятельство. – Подскочивший к столу невзрачный человек положил перед мальчиком стопку бумаги и поставил банку с чернилами.

– Спасибо. А вы кто?

– Я писарь, ваше сиятельство. Писарь допросной канцелярии. Веду допросные листы. Я узнал, что вызвали палача для работы, и поспешил сюда...

– Вот как? Отлично. В таком случае, занимай свое место и записывай. Полагаю, твои записи лишними не будут – я их потом перечитаю.

– Конечно, ваше сиятельство.

– Нинрон, где вино?

– Сейчас узнаю, милорд...

– Ладно, оставь. Пошли кого-нибудь, а сам садись. Все равно вино пока не нужно – мы начнем с солдат. – Володя повернулся к одному из тюремщиков: – Давайте кого-нибудь из рядовых. Когда я закончу с ним – отправите в лагерь, где собирают всех пленных.

– Не в камеру, милорд?

– Нет, конечно, они же военнопленные, а не преступники. Камеры нам для других пригодятся. Давайте первого.

Им оказался латник первого десятка, как он сам представился... когда чуточку пришел в себя. Войдя в пыточную, он сразу увидел палача с огромными щипцами. Нервно сглотнув, латник осторожно поднял взор, встретился с ласковой улыбкой Бортон и плавно осел на пол. Володя дождался, когда не в меру впечатлительного солдата приведет в чувство, и приглашающе махнул на стул. Он специально попросил собрать в тюрьме тех, кто знает локхерский, так что проблем с языком не возникло.

– Ну, не стоит так переживать, – подбодрил латника Володя. – Уверяю, что сей очень добрый господин, который вас так напугал, не имеет к вам никакого отношения. Вы же военнопленный, а не шпион какой-нибудь. Ну, а то, что с вами беседуют именно здесь... так я человек занятой, а допросить многих надо. Так что потерпите немного.

Бортон загремел своими инструментами у печи, и солдат тут же заверил, что готов ответить на все вопросы.

– Ну-ну. Поверьте, я человек чести, поэтому не буду призывать вас нарушить присягу. Просто хотелось бы кое-что уточнить... внести ясность. Вот вы говорите, что служили в первом десятке, а что это значит? Этот десяток первый по счету или первый – потому что лучший?

– Наш десяток всегда был лучшим! – возмутился солдат, забыв даже о палаче и о том, где находится.

– О! – Володя чуть привстал и кивнул. – Очень рад приветствовать такого храброго солдата. А как вы определяли, что именно ваш десяток лучший? Вы у себя соревновались?

– Да. У нас всегда проводили соревнования.

– Вот как? Интересно-интересно. А в чем заключались эти соревнования?

Казалось бы, невинные вопросы, но ответы постепенно проясняли для Володи структуру и организацию родезской армии. Причем сами вопросы были настолько невинные, что солдат никак не мог понять, зачем этот милорд тратит время и интересуется такими пустяками. Он думал, его будут выпрашивать о каких-то секретах, которых он знать не знает, а тут... Искренний интерес к соревнованиям, к тем приемам, которые лучше всего получались именно у него. Станный милорд даже попросил кое-что продемонстрировать, после чего восхищенно цокал языком. Спрашивал, чем и как они питаются. Согласился с ним насчет воров-интендантов и что им надо руки рубить. Ну и дальше в том же стиле. После получаса такой беседы солдата отпустили. Володя минут пять что-то писал, выделяя главное. Те выводы, к которым он пришел, но которые еще требовали уточнений, помечал вопросительными знаками. Если вывод был важным и требовал обязательного уточнения – ставил еще восклицательный знак.

Тем временем ввели очередного солдата, и все пошло по новой. Разве что времени на него Володя затратил меньше. Снова кажущиеся невинными и бессмысленными вопросы, беседа на отвлеченные темы, уточнения, брошенные вроде бы не в тему.

– Значит, гонцы были часто? Ну, это ведь понятно. Что? Вам непонятно? Ну как же, такой хороший солдат и не можете сделать элементарного вывода. Вы же всего лишь авангардом были... Вы знали об этом? Тогда почему удивляетесь? Ведь ваш командир должен был получать приказы от командующего. Ах, основная часть армии на кораблях плывет. Да, тогда и правда проблематично общаться с ними. Действительно, загадка. Ну, думаю, это неважно.

Когда солдата увели, Володя записал то, что надо было прояснить: «С кем в Родезии мог обмениваться депешами барон Розентерн, назначенный в эту экспедицию лично королем Эрихом? Вряд ли это были любовные записки».

Допросив в таком темпе около десятка солдат разных отрядов, Володя велел звать офицеров, тем более что вино уже доставили.

Первый же вошедший, мало обратив внимания на палача, сразу начал с претензий к Нинрону:

– Значит, так вы держите свое слово?! Мы сдались, надеясь на то, что вы поступите как истинный благородный, но, видно, вы недалеко ушли от разбойников!

Володя поспешно поднялся.

– Господин...

– Граф Иртек Лорн!

– Граф, я приношу свои самые искренние извинения за это недоразумение. Поверьте, оно возникло по вполне понятной причине: у нас тут сами видите что творится. Уверяю вас, никто не хотел умалить ваше достоинство. – Володя вышел из-за стола и самолично придвинул стул. – Прошу вас, присаживайтесь.

Когда граф сел, Володя достал из-под стола кувшин с вином и три кружки, налил. Одну отдал графу, вторую придвинул Нирну, а третью поставил перед собой.

– Знали бы вы, граф, какой тут у нас бардак творится – не удивлялись бы. Вот и меня заставили заниматься допросом наших мятежников... А... вы же не знаете ничего. Представляете, тут некоторые бандиты решили под шумок заняться грабежами, но в военное время, согласитесь, это сродни предательству.

– Сочувствую...

– Простите, не представился. Князь Вольдемар Старинов. Вообще-то я не из Локхера и здесь оказался совершенно случайно. Но как истинный дворянин счел своим долгом оказать помощь в обороне приютившего меня города... А вместо этого... эх... Видите, чем приходится заниматься? Да вы пейте. За здоровье короля Эриха. Признаться, я восхищаюсь им. Талантливый правитель и полководец. Если бы не снежная зима, погубившая вашу кавалерию, думаю, вы уже победили бы.

– Да. Зима была ужас. До сих пор вспоминаю ее с содроганием. – Граф залпом осушил кружку, и Володя немедленно наполнил ее снова.

– Что? Вы были там в эту зиму? Расскажите, пожалуйста! Знаете, когда я услышал, что после той зимы ваша армия еще могла сражаться и даже нанесла поражение Локхеру...

– А! – Граф пренебрежительно махнул рукой. – Зима оказалась более страшным противником, чем локхерцы. Лезли без всякого толку.

Получив благодарного слушателя, граф ударился в воспоминания о том, как они вошли в Локхер, о первых боях, о той страшной зиме. Выпили за храброго боевого коня графа, который в одну из зимних ночей послужил в качестве жаркого и тем самым спас графа от голодной смерти. Володя на самом деле не пил, а только прикладывался к кружке. Впрочем, граф не обращал на это внимания.

Володя сочувственно покивал.

– Что ж, тогда предлагаю еще тост за здоровье короля Артона. Конечно, он не Эрих, но еще молод и потому неопытен. Полагаю, со временем необходимый опыт он приобретет. Так что за его здоровье.

Граф не отказался, выпили за Артона.

– А знаете, граф, если бы ваш барон выполнил первоначальный план и просто подготовил базу для приема основного контингента с кораблей, у нас были бы большие проблемы.

– Да, – не стал спорить Иртек. – Я предупреждал барона, но он посчитал, что войска удобнее будет высаживать на причалах Тортон... И вот результат... Но не обольщайтесь, милорд, – вы выиграли всего лишь первый бой. Когда придут основные силы, вы не сможете им долго сопротивляться.

– А зачем тогда вы шли, а не сразу войска перебросили на кораблях? – поинтересовался Володя.

– А чтобы сюрпризов разных избежать.

– Ну да, и подготовить лагерь для солдат... Недаром же у вас в войске было столько рабочих. Я это сразу заметил – рад, что оказался прав в своих догадках.

– В общем, да, князь. Не надо было нам лезть в Тортон, а, как планировали, следовало начать осадные работы.

– Да, теперь вашему флоту придется сложнее. Кстати, вы уже выбрали место высадки? Нет-нет, можете не говорить, где... Да вы все равно не успели послать на корабли сообщение, так что это простое любопытство.

Ну и дальше в том же духе. Допросы шли один за другим – офицеры, солдаты, рабочие. Это только кажется, что рядовые ничего не знают. Они стоят на постах около палаток командиров, ловят бросаемые теми слова, что-то видят, о чем-то догадываются. Главное – задать правильные вопросы и в правильном ключе. Каждому хочется почувствовать себя значимым и важным, похвастаться своей осведомленностью. А уж если рассказ о твоих подвигах слушает этот странный мальчишка-князь, восхищенно раскрыв рот... ну, понятно, какому мальчишке не интересны повествования о славе и сражениях? Вот и хочется произвести на него впечатление, похвастаться. Кого-то можно было просто запугать палачом, кто-то отвечал сам, не видя смысла что-то скрывать. С дворянами Володя играл восторженного юнца, с солдатами вел себя по-разному. На одних тратил не больше пяти-десяти минут, с другими беседовал чуть ли не по часу. Как бы то ни было, но когда помещение покинул последний пленный, у Володи накопилась целая кипа листов с замечаниями, комментариями и выводами. Теперь нужно время, чтобы все свести воедино. Володя потянулся, расслабляя затекшую спину, и устало потер глаза – все-таки факельное освещение не слишком подходит для письма.

– Все?

– Все, – облегченно выдохнул Нинрон.

Володя поднялся.

– На сегодня остался только один человек, с кем надо побеседовать. Но тут уж я сам справлюсь. Все могут быть свободны. Уважаемый писарь, сделайте копии всех ваших записей, и пусть их доставят мне. Перечитаю завтра утром.

– Сделать копии до утра, ваше сиятельство?

– Желательно. Я не говорю, что копии должны сделать именно вы. Наверняка у вас есть ученик или помощник.

– Конечно, ваше сиятельство.

Дверь камеры закрылась за Володей, и мальчик встал напротив сидящего пленника, скованного так, чтобы тот не смог себе повредить. Володя сел прямо на пол напротив. Раймонд поднял голову и посмотрел на гостя.

– Как вы догадались, милорд?

– Когда мне начинают врать с самого первого мгновения знакомства, согласитесь, это настораживает. Поскольку графиня – жена одного из мятежников, я предположил, что вы посланы либо ее мужем, либо герцогом Торендским, либо Эрихом. Осталось только понаблюдать.

– Вы потому и предложили мне должность?

– Да. Тогда я уже понял, кто вы, потому и предпочел, чтобы вы были рядом. Врага всегда нужно держать поближе. Очень удобно иметь возможность передавать вражескому командующему те сведения, которые хочешь ему передать.

Раймонд задумался, опустив голову.

– И чего вы добились?

– Авангард родезской армии попал в ловушку, поскольку был уверен, что в городе их не ждут. Разгром полный. Еще неизвестно, что с теми силами, которые остались за городской стеной, но удирали они во все лопатки. Не отступали, а именно удирали.

– Понятно. – Раймонд снова задумался.

– Вы понимаете, что вас ждет?

– Ну, как военнопленный, я точно проходить не буду.

– Верно.

– Скажите, князь... А зачем вам все это надо?

– Что именно?

– Зачем вы ввязались в эту войну? Вы же чужестранец. Вассальную клятву Артону не приносили, в своем выборе полностью свободны.

– Не знаю, поймете ли вы... В общем, я и не хотел вступать... Но я познакомился с Конроном еще раньше, потому считал своим долгом дать ему несколько советов. А потом заболела Аливия. Она не могла покинуть город до подхода ваших войск.

Раймонд нахмурился:

– Постойте, вы хотите сказать, что кинулись защищать город только потому, что эта... купеческая дочь не могла покинуть его?

– Я же говорю, что вы не поймете.

Мужчина внимательно изучил лицо Володи, словно пытаясь что-то в нем разглядеть.

– Вы не влюбились, князь? – Было видно, что Раймонд и сам не верит в это предположение.

– В девятилетнюю девочку? – рассмеялся Володя. – Она скорее для меня сестренка... Она действительно очень похожа на Ленку. Характером.

– Но... мы могли бы договориться. Ни ее, ни ее семью не тронули бы...

– Понимаете, Раймонд... или как вас там на самом деле? Возможно, мы и могли бы договориться, но... так получилось, что все, кого я знаю... с кем успел познакомиться за то время, что пробыл тут, находятся на стороне Локхера. А вот на другой стороне я никого не знаю. Будем считать это причудой судьбы.

– Но вы же умный человек, князь! Вы же понимаете, что Локхер обречен! С нынешним королем он не сможет устоять. Вы даже Тортона еще не спасли, всего лишь отсрочили падение.

– Намекаете на основные силы, плывущие на кораблях? У меня есть некоторые идеи и относительно их. Насколько я понял из допроса пленных, у меня есть еще сутки или двое. Будем исходить из худшего – сутки. Кое-какие распоряжения я еще вчера отдал. Сегодня перед сражением тоже послал гонцов.

– Если так, зачем тогда вы здесь? Чего вы хотите?

– Хочу, чтобы вы мне помогли. Раймонд, подождите, не надо возмущаться. Поймите, вы мне поможете в любом случае, хотите этого или нет. Просто если вы согласитесь – облегчите мне жизнь. И себе, кстати, тоже.

– Я никогда не был предателем!

– Я же сказал, что вы поможете в любом случае. Смотрите сами, в вашем доме нашли некоторые вещи. У меня в руках ваши письма и послания... зашифрованные. Думаете, сложно подобрать к ним ключ, имея на руках столько данных? Я внимательно не смотрел, некогда было, но, на мой взгляд, шифр не из сложных – замена одной буквы другой. Вряд ли вы тут знакомы даже со стодвадцативосьмибитным шифрованием. Э-э... не обращайте внимания, это так, мысли вслух. Просто придется потратить некоторое время, которое тратить не пришлось бы, согласись вы сотрудничать. Так что агент его величества Эриха – тир Раймонд – по-прежнему будет передавать зашифрованные послания командованию осаждающей армии. Как вы думаете, кем вас будут считать, когда окажется, что все ваши послания были ложными?

– Ты... Ты!!!

– Спокойно, Раймонд! Вас ведь никто силком не заставлял начинать играть в эту игру! Так примите те правила, по которым она ведется.

– Это... Это нечестно!

– Шпионаж, тир Раймонд, вообще вещь нечестная. Заметьте, я ведь ни словом вас не попрекнул тем, что вы занимаетесь делом, никак не совместимым с рыцарской честью.

Наоборот, честно говоря, я даже восхищаюсь вами. Не каждый ради дела согласится принести такую жертву. Все больше и больше начинаю уважать Эриха, организовавшего такую разведывательную сеть в Локхере. Ваша беда не в том, что вы оказались неопытным, – просто я учился у людей, которые этими делами занимались несколько десятков лет. Причем разведывательная служба, в которой они работали, считается одной из лучших в мире... в известном нам мире.

– И вы тоже разведчик?

– Скорее вынужденный беглец. Вряд ли вы поймете, но у меня не было другого выхода.

– Вы убегали от этих ваших учителей?

– Нет. Раймонд, не надо гадать. Хотите что-то узнать – спросите прямо. Что же касается того, что вы так стараетесь узнать окольными путями – я не делаю из этого тайны. Я действительно учился в закрытой военной школе, которая, гм... находилась при службе безопасности Российской империи. Соответственно, в разведывательной и контрразведывательной деятельности кое-что смыслю. Вполне возможно, что я в конце концов тоже поступил бы в разведку... или, быть может, стал военным. Трудно сказать. Однако судьба распорядилась иначе, и, чтобы спасти мне жизнь, меня отправили к вам.

– Спасти жизнь?

– Сложно объяснить. Просто если бы я остался, то умер примерно через полгода. Скажем так, лекарство от моей болезни находилось только у вас, но дорога эта в один конец. Жизнь я себе спас, но вернуться уже не могу. А то, что я оказался в Локхере... как я уже говорил, зигзаг судьбы. Я мог высадиться и на побережье Родезии. Или еще где. Сейчас же просто пытаюсь найти свое место. Как видите, я предельно откровенен с вами.

– Потому что, – усмехнулся Раймонд, – либо я стану вашим союзником, и тогда ваша откровенность будет вам на пользу, либо меня казнят как шпиона, а тогда уж тем более нечего опасаться того, что труп что-то кому-то расскажет.

– О казни не мечтайте. Я вообще не сторонник подобных зрелищ. Но в одном вы правы – из тюрьмы вы выйдете только в том случае, если согласитесь сотрудничать со мной. Если нет, будете жить только до тех пор, пока вы мне нужны живым. Когда же вы мне перестанете быть нужным, вы просто однажды утром не проснетесь, а ваше тело закопают где-нибудь на тюремном дворе или за городом на пустыре, как умершего грабителя.

– Вы очень откровенны, князь.

– Сберегает время.

– И сколько у меня на размышление?

– Два дня. За это время я думаю разобраться со всеми вашими бумагами и донесениями. Когда я это сделаю – вы мне будете не только не нужны, но и опасны, поскольку в случае побега сумеете доказать, что все послания от вас ложные.

– А если я сбегу в эти два дня? Разве я не буду опасен?

– Попробуйте, – пожал плечами Володя. – А стать опасным у вас не получится. Разоблаченный шпион уже не опасен. Вы порушите мне игру, но не более. Я же не стану писать письма от вашего имени, зная, что вы на свободе. А вот если я игру начну и вы ее разоблачите, могут пострадать те, кто будет мне помогать. И их кровь окажется на моей совести, потому что я не решился казнить вас. Так что не рассчитывайте на мое милосердие. Мне будет паршиво, но я все равно сделаю, что должно.

– Все еще играете в откровенность?

– Играю? – Володя поднялся. – Вы так и не поняли, Раймонд. Я был с вами откровенен, да, но это совсем не игра. Кстати, не советую все же тянуть до конца. Ваша ценность для меня станет падать с каждым часом, и через два дня условия нашего с вами сотрудничества могут оказаться намного жестче тех, которые я вам предложил бы, скажем, через час.

– Хм... и почему же?

– Потому что вы мне сэкономите кучу времени и сил, помогая разобраться в своих бумагах. Если же я все сделаю сам, какая польза от вас?

– Что ж... логично.

– В таком случае, спокойной ночи. Если примете решение, позовите часового, он передаст мне ваши слова. Я распоряжусь, чтобы у вашей двери дежурили, так что можете звать его в любое время суток.

– Скажите, князь, а вы не боитесь, что я соглашусь только для вида, а потом предам вас при первой возможности?

Володя остановился у двери и обернулся.

– Не боюсь. Как я уже говорил, вы мне поможете в любом случае. Но в одном вы для короля Эриха погибнете, а в другом станете предателем. Впрочем, если думаете, что сможете оправдаться за разгром авангарда барона и еще за некоторые ваши будущие «прегрешения», тогда попытайтесь. Мне даже интересно, как к этому отнесется ваш король. Нет-нет, Раймонд, не думайте ничего плохого, мне действительно будет интересно. Это даст очень хорошую возможность узнать его как человека. Информация всегда полезна.

Володя стукнул в дверь, дождался, когда ее откроют, и вышел. Отдал несколько распоряжений начальнику охраны и направился к выходу из тюрьмы. Вечерело...

Глава 3

У входа в магистрат Володя столкнулся с Конроном, который подходил к воротам, ведя коня в поводу.

– А-а-а! Вот ты где! – обрадовался тот. – А мне сказали, что ты в тюрьме.

– Конрон, ты уже вернулся? Когда? Как прошло? А я как раз возвращаюсь из тюрьмы.

– Ну-ну, – рассмеялся рыцарь. – Не надо столько вопросов сразу. Все отлично. Разгром полный. А когда преследовали бегущих, столкнулись с подходящим обозом, разгромили и его. Я там оставил людей, они как раз везут захваченное сюда. Думаю, через несколько часов придут. К сожалению, совсем разгромить врага не получилось. – Конрон нахмурился. – Совсем забыл о тех замках, которые захватил Розентерн. Остатки его войск укрылись в одном. Штурмовать я его не мог – ни осадных машин, ни лестниц... ничего. Только бесполезно людей положил бы под стенами.

– Это проблема, – озадачился Володя. – Признаться, я тоже о них забыл. Впрочем, ладно. Главное – блокировать их надежно, чтобы ни одного гонца отправить не смогли.

– Ну, это я сделал. Оставил два отряда. Еще приказал крестьян пригнать из окрестных деревень, пусть частокол вокруг поставят. Только бессмысленно все это. Без серьезной осады замок не взять, а на подготовку времени нет.

Подскочивший слуга забрал коня у Конрона и повел его на конюшню. Сам Конрон пинком распахнул дверь и вошел в магистрат. Володя поморщился и придержал створку, чтобы не хлопнула.

– Да, князь, еще есть новость... Мы гонца перехватили.

– Э-э... в смысле гонца родезцев?

– Нет. Королевского гонца к нам. Помнишь, ты уговорил меня отправить свои размышления по планам Эриха?

– А-а-а. Быстро он вернулся. – Володя задумался.

До самой комнаты никто из них не проронил ни слова. У дверей уже начали собираться офицеры, прибывшие на совещание. Конрон удивленно покосился на них, на Володю, но ничего не сказал. Молча зашел в комнату, дождался, когда войдет Володя, и закрыл за ним дверь.

– Скоро начнем, – успел бросить офицерам Володя, после чего повернулся к Конрону: – А хочешь, угадаю, что было в том послании?

– Да?

Конрон прошел к своему тайнику и озадаченно почесал макушку, обнаружив там отсутствие половины кувшинов с вином. Посмотрел на Володю. Тот ответил невинным взглядом. Рыцарь вздохнул, достал один кувшин, плюхнулся на скамейку у стола и водрузил на него ноги. Налил вина в кружку.

– Ну, давай, угадывай.

– Нам не поверили, и помощи не будет. Вновь собранная королевская армия направляется к границе провинции Эндория.

Конрон поперхнулся вином и поспешно отставил кружку, убрал со стола ноги.

– Знаешь... порой ты меня пугаешь. Я начинаю верить в слухи о колдунах, про которых любят поговорить жрецы.

– То, что новости не слишком обнадеживающие, было ясно сразу, иначе ты бы еще в коридоре рассказал. Да и выглядел ты не очень радостным, несмотря на только что одержанную победу.

Рыцарь обдумал слова Володи.

– Логично. Но почему ты решил, что армия пойдет именно в Эндорию, а не в мятежное герцогство на подавление мятежа?

– А что, в письме об этом говорится?

– Не прямым текстом, но для понимающего понятно.

– Ясно. Просто я тут поспрашивал пленных и выяснил, что Эриха с флотом нет. Командует десантом герцог Ансельм Дорн. – Володя залез в сумку и разложил на столе карту королевства. – Судя по словам пленных, король собирался вернуться в Эндорию со свежими силами. Это, похоже, не укрылось от вашего начальства. Отсюда следует, что Эрих собирается организовать новое наступление из Эндории, а удар по Тортону – это отвлекающий маневр. Вывод же они такой сделали на основании того, что Эрих всегда там, где и ожидается основное наступление...

Володя завис над картой и снова задумался. Рядом встал и Конрон.

– У тебя хорошая карта... очень подробная.

– Спасибо, – равнодушно отозвался Володя, даже не оглянувшись. Пошарил за спиной, нащупал стул, подвинул поближе и сел, обхватив голову руками. – Знаешь, я бы все, что угодно, отдал за то, чтобы узнать, что за войска собирает Эрих в Эндории. Я боюсь, сейчас он настолько силен, что в состоянии организовать два одновременных удара. Или же он собирает всех калек из гарнизонов, чтобы произвести впечатление и заставить ваших стянуть к границе все силы. А тем временем основной удар последует отсюда. – Володя рукой провел черту от Тортон до столицы.

– Или же его величество прав и удар на Тортон отвлекающий. Тогда удар будет нанесен от Эндории на столицу.

– А вот и нет... Это направление прикрыто несколькими серьезными крепостями, там куча замков. Чтобы штурмовать их – нужны осадные машины, инженеры, рабочие. Если же верить пленным, то все это плывет сейчас на кораблях к Тортону... – Володя замер, раскрыв рот, потом встал и нервно заходил по комнате. – Так вот оно что! Нет, все-таки Эрих гений! Блин, но если я прав... если я прав, что же нам делать?! Шах и мат... вилка. Куда ни кинь, всюду подставляешься!

– Может, и мне расскажешь, что тебя так встревожило? – подал голос Конрон.

– Смотри. Если я правильно понимаю, Эрих остался у себя и стал собирать силы в Эндории, готовясь к новому наступлению. Одновременно он готовит флот на Тортон. Давай посмотрим на численность того, что он сможет выставить на два направления, и самое главное, на состав войск. Первое – авангард, около трех тысяч. Из них полторы тысячи всадников, около пятисот пехотинцев, а остальные рабочие. Воевать с таким составом трудно, а вот подготовить лагерь и защитить его можно. Я уже выяснил, что задача Розентерна в этом и состояла – он должен был обеспечить беспрепятственную высадку войск. Но зачем? Почему бы не высадить все войска с кораблей? Зачем нужен этот авангард? А давай предположим, что солдат в первой группе очень мало.

– В первой группе?

– Что? А да, ты же не знаешь. Эрих не все корабли отправил одновременно. Через день или два подойдет первая группа. Так вот, давай предположим, что солдат там очень мало. Что их основной груз – осадные машины, рабочие, продовольствие... тогда прибытие авангарда оправдано. Он достаточно велик, чтобы противостоять всем войскам, которые может выставить Локхер в этой области, если не подойдет королевская армия. Но два поражения основательно опустошили резервы. Полагаю, у вашего короля большие проблемы с солдатами, на два направления его точно не хватит, и тут важно не ошибиться. А Эрих ставит его в такие условия, когда решение надо принимать быстро. И себя он тоже выставил в качестве приманки. Мол, вот он я, и отсюда будет удар.

– То есть сейчас первый отряд нам не опасен?

– Почему? Полагаю, солдаты там все равно будут, как пополнение. Но, опять-таки, их основная задача начать осаду Тортон и до подхода основных сил подготовить лагерь и поставить машины. Когда подойдет главный отряд, начнется штурм. Как думаешь, сколько продержится Тортон? Учти, все осадные машины и лучшие инженеры с рабочими тут, под стенами.

– Месяц максимум.

– Вот! Корабли подходят для перевозки грузов и людей, а лошадей перебрасывать сложнее. Потому такой дисбаланс в авангарде и был – это подвижный резерв и основная ударная сила в поле. Кавалерия же вся у Эриха. Вот и получается вилка: если Артон направляет войска к Тортону, Эрих подвижными частями, обходя города и крепости, врывается в другие провинции королевства. Если Артон направляет все силы против Эриха, тогда тот подвижными группами максимально задерживает его, давая возможность своим войскам взять город. После падения Тортон его армия получает здесь великолепную базу и крепость. Инженеры и осадные машины тоже тут, дорога до столицы... вот она. Если ваши войска начнут отступление, чтобы прикрыть столицу, тогда у них на спине повисает Эрих. Войска родезцев из Тортон ваши никак не опередят, значит, их перехватят где-то на полпути. Впереди герцог Дорн, позади Эрих, а между этими двумя отрядами аккурат ваша армия.

– Значит, надо ударить по герцогу Дорну.

– Это откроет дорогу Эриху. Я так думаю, судя по тому количеству кораблей, которые задействовал Эрих, численность армии герцога составляет около восьми-девяти тысяч человек. Вместе с авангардом Розентерна их должно было стать около одиннадцати тысяч. Полагаешь, они позволят так просто себя разбить? Тем более Розентерн захватил несколько замков, а значит, тылы немного, но прикрыл.

– Авангард мы разбили.

– Правильно. Теперь надо разбить восемь или девять тысяч войск под командованием лучшего генерала Эриха, чье прибытие ожидается через неделю или десять дней.

– Ты же вроде сказал через день или два?

– Это прибытие первой группы, которая отплыла раньше. Как я понимаю, они везут рабочих, шанцевый инструмент и осадные машины. Ну и пополнение. И раз здесь нет больше авангарда барона, значит, нам вполне по силам помешать этой группе.

– Что-то задумал?

– Да. Есть пара мыслей.

Конрон вздохнул и снова приложился к вину.

– Боюсь только, что если ты прав, то даже полный разгром этих сил всего лишь отсрочит неизбежное.

– Верно. – Володя снова сел за стол, обхватил голову руками и уткнулся в карту.

Конрон покосился на него:

– Что, никакого выхода не видишь?

– Ну... может произойти чудо, и мы сумеем удержать город, тогда Эрих без пехоты с одной только кавалерией не сможет закрепить успех. Полагаю, все же у него там не лучшие войска... кроме конницы, понятно. Герцог Дорн тоже не сможет начать наступление на столицу, пока держится Тортон, ибо в этом случае он остается без крепкого тыла. Снабжать его войска тоже становится той еще задачей. К тому же ему придется разделить силы и оставить часть войск здесь для нашей блокады, чтобы мы не ударили ему в тыл. Осаждать же они нас смогут только до зимы. Зимой Эрих не сможет наступать из Эндории, и освободившаяся королевская армия ударит в тыл уже осаждающим.

– И все, что для этого нужно, – удержать город до зимы?

– Угу. Против восьмитысячного войска со всеми осадными машинами и лучшими инженерами королевства Родезия.

– То есть шесть месяцев... до ноября... Действительно чудо. Но знаешь, если бы мы не разбили Розентерна, наше положение было бы много хуже. Значит, одно маленькое чудо уже произошло. Почему бы не произойти и еще одному?

– Действительно, почему? – вздохнул Володя. – Вот что, Конрон, давай пока не будем об этом говорить остальным. Я тут без тебя совещание созвал, чтобы в ошибках разобраться. Послушаешь? И так уже всех заставили ждать. А завтра на свежую голову снова подумаем. Может, какая идея и появится...

Володя остался сидеть, задумчиво наблюдая за Конроном, который зычным голосом стал звать всех в комнату на совещание.

– И что я здесь делаю? – вздохнул он про себя.

Если удастся отбиться от этих новых сил, получится выигрыш еще дней в семь. За это время Аливия поправится, и можно будет убираться из обреченного города. Почему же тогда становится так противно, когда об этом думаешь? Ладно, если бы он действительно мог помочь, но ведь он не может! Все его знания – теоретические, а между теорией и практикой расстояние в пропасть, что он уже и почувствовал сегодня, когда бестолково метался по всем укреплениям, по сути, совершенно не управляя боем. Подстроить такую вот ловушку – это да, на это его знаний хватает, но руководить обороной... командовать армией в открытом бою... Это совсем-совсем иное.

Наблюдая за радостными лицами входящих, уже узнавших от вернувшихся людей подробности битвы за стенами, Володя почувствовал себя еще хуже.

Офицеры были, на взгляд Володи, слишком уж оживленными, они активно обсуждали прошедшую битву. Мальчик исподлобья взирал на всю эту радостную суету, откинувшись на спинку стула и даже не шевелясь, из-за чего на него практически не обращали внимания. Только Конрон, тихонько сидевший в стороне, поглядывал на него с недоумением. Остальные же больше внимания уделяли пустому столу, хотя после битвы, по их мнению, должна быть грандиозная пирушка, раз уж они победили. Впрочем, за прошедшее время все уже привыкли к странным представлениям чужеземного князя о том, как стоит вести советы, а потому не очень удивлялись. Пирь отдельно, совещания отдельно. Не очень удобно с точки зрения благородных, но этот князь каким-то образом сумел убедить в своей правоте и командующего, а потому спорить с ним не рисковали.

Наконец все расселись. Некоторое время продолжался обмен репликами, но вот разговоры стихли, и теперь уже все собравшиеся поглядывали на мальчика. Володя же поймал себя на совершенно идиотской мысли, что ему хочется что-то повертеть в руках, чтобы как-то отвлечься и обдумать свои слова. Вздохнув, он поднялся и, заложив руки за спину, медленно прошелся позади собравшихся. Тем оборачиваться было неудобно, но и не следить за ним они тоже не могли.

– Главное – заранее поставить собеседника в неудобное положение, – вспомнил Володя одну из лекций психологов на Базе. – Твоя уверенность и более твердая позиция – твоё оружие на таких совещаниях. Чуть дашь слабину, позволишь оппонентам перехватить инициативу, и ты проиграл. Не можешь задавить ростом, солидностью, ищи способ сделать так, чтобы им было просто неудобно с тобой спорить. Встань перед солнцем, займи позицию, когда другим будет трудно следить за тобой.

Володя остановился около угла и прислонился к стене, добившись того, чтобы как можно большему количеству людей было крайне неудобно наблюдать за ним с тех мест, где они сидели.

– Что ж, господа, – начал он. – Давайте подведем итоги первого сражения за город. Несмотря на победу, расслабляться не стоит, тем более что ошибок с нашей стороны было допущено очень много. Непозволительно много.

Кто-то хмыкнул, но его смешок никто не поддержал, а Володя просто не обратил на это внимания.

– Ошибки были у всех... В этих «всех» я включаю и себя, поэтому не надо на меня смотреть с таким снисходительным видом, тир Роухен. – Начальник гарнизона смутился и поспешно опустил взгляд. – Я даже не буду пытаться оправдываться тем, что это у меня первое сражение. Будем считать сегодняшний бой последней прикидкой перед серьезным экзаменом. И сейчас нам важно обдумать все совершенные ошибки, чтобы не повторять их в будущем.

Володя отлепился от угла и вернулся на свое место. Все облегченно расслабились.

– И какие же ошибки вы увидели, милорд? – поинтересовался кто-то не слишком почтительно. Мол, поучи яйцо курицу.

– Вот об этом мы сейчас и будем говорить. Филипп Норт. – Володя глянул на своего вассала, и тот поспешно поднялся. – Вы командовали центром и отражали первую атаку сразу после того, как враг ворвался в город. Как долго продолжался бой?

Филипп на мгновение задумался.

– Не больше тридцати минут. У них не было никаких шансов.

– Что вы сделали после того, как атака была отражена?

– Что? Сначала отбросили их от укреплений, потом совершали короткие вылазки...

– Решил мечом помахать? А ты видел, что твои лучники сидят без дела? В тот момент, когда враг перенес всю тяжесть атак на фланги, у тебя бездельничала сотня лучников, для которых не было целей! Почему ты не отправил часть на подкрепление? Почему я там должен был лично появиться, чтобы наконец сдвинуть их оттуда и отправить в дело?

– Милорд, я...

– Что «я»? Ты уже ответил. Вместо того чтобы следить за обстановкой, ты отправился махать мечом в первые ряды. Я тебя за этим посылал? Или там, кроме тебя, никто оружием пользоваться не умеет? Считаешь, что без тебя бы не обошлись? Ты должен был наблюдать за тем, что происходит вокруг. Должен был заметить, что на тебя натиск ослаб и что повторение атаки маловероятно, и должен был отправить хотя бы часть своих сил в поддержку тем, кого в этот момент атаквали! Не я это должен был делать, а ты! Продолжаем. Кто командовал обороной в центре левой стены?

Поднялся один из рыцарей. С явной неохотой, но тем не менее встал.

– Это ведь у вас произошел прорыв?

– Да, милорд. Вы очень вовремя подвели резервы, если бы не это...

– А если бы не привел? Скажите, вы знали, что у вас есть свои резервы? Перед началом боя мы обговаривали такие случаи. Почему вы не подняли сигнал о помощи, когда напор врага стал слишком силен? Если бы вы вовремя вывесили флаг, не пришлось бы гнать резервы соседнего отряда и с ходу, без строя, вступить в схватку.

– Я...

– Находились в первых рядах и своим примером вдохновляли солдат.

Володя встал и медленно, с трудом удерживаясь, чтобы не перейти на бег, прошелся по комнате.

– Задача командиров состоит не в том, чтобы быть в первых рядах, а в том, чтобы управлять своими подчиненными. Следить за обстановкой и вовремя реагировать на ее изменение. Вашим главным инструментом, если уж вы командиры, должна стать голова! Голова, а не руки! Командир обязан думать! Думать, а не просто мечом размахивать! Я допускаю, что в бою могут возникнуть разные ситуации и потребуются личный пример, чтобы увлечь подчиненных. Но сомневаюсь, что здесь был такой случай. Если бы вы не находились в первых рядах, вы бы

заметили усиливающийся напор и вовремя подали сигнал резерву. Подошедшие свежие силы имели возможность предотвратить прорыв. А что теперь? А теперь вы можете смело записывать всех погибших в том прорыве на свою совесть, тир!

Первоначально тот порывался что-то возразить, но после последних слов задумался. Володя заметил, что и некоторые из присутствующих тоже обдумывают его слова.

– Арвид, что там в госпиталях?

Врач поспешно поднялся.

– Около шестидесяти раненых, но опасение внушают только шестнадцать человек. Остальные скорее всего поправятся. Очень хорошо, что первую помощь оказывали непосредственно на месте. Без этого умерло бы намного больше.

– Насколько тяжелы эти шестнадцать?

– Трое из них до утра не доживут, остальные... все в руках Всевышнего.

– А сколько всего погибло с нашей стороны?

– Я еще не получил всех сведений...

– Я же просил сообщить об этом всех командиров.

– Ну... некоторые отправились праздновать.

– Касается всех! Проверить свои отряды, таких празднующих выявить и отправить в солдаты. Если они не понимают, когда время праздновать, то нечего им делать в командирах. Арвид, ты должен был о таких случаях доложить командирам тех веселых.

Врач пожал плечами:

– Я понятия не имею, кто там командир и что я тут должен. У меня и своей работы по горло, чтобы еще вашей заниматься.

– Давай примерно. Какие у нас потери?

– Сколько погибло в сражении за стеной, я не знаю даже приблизительно. Узнаю к утру. В городе же чуть больше сорока человек. Опять-таки к утру буду знать точно.

– А родезцы? Сколько их прорвалось в город?

– Примерно восемьсот, – сообщил Лиром Рокхон. – Я занимался расчисткой ворот и обустройством пленных, – пояснил он под общими вопросительными взглядами. – Восемьсот прорвалось в город, пленных примерно триста человек. Значит, погибших где-то пятьсот. Но это очень приблизительно.

Володя кивнул:

– Ладно, будем пока исходить из этого. Конрон, может, хотя бы примерно скажешь, что у тебя?

– Ну... самый страшный бой был у города, тут мы и понесли основные потери. Когда родезцы побежали, ни о каком организованном сопротивлении они уже не думали. Их обоз тоже не защищался – там было мало солдат, в основном рабочие и больные. Так и взяли всех, скоро доставят. Пленных будет примерно четыреста человек, сколько родезцев погибло, оценить сложно. Человек триста-четырееста. С нашей стороны около сотни...

– Что ж, пусть пока так. Когда станут известны точные цифры, сообщите. Продолжим разговор. Разбирать действия каждого, полагаю, бессмысленно. Предлагаю просто всем минут пять помолчать и подумать над тем, чем вы занимались в бою. Если сражались в первых рядах, подумайте, насколько ваше участие там действительно было необходимо и не принесли бы вы больше пользы, если бы находились в стороне от битвы.

– Да как я буду сидеть в стороне! – вскочил один из рыцарей. – Да мой отец в гробу перевернется из-за того, что его сын трус!

Володя молча выслушал тираду рыцаря и, когда тот выдохся, заговорил сам:

– До тех пор, пока я занимаю хоть какую-то должность в обороне города, я буду от всех требовать в первую очередь работы ваших мозгов, а не рук. Если вы считаете, что это выше ваших сил и что ваше место впереди, в самой гуще схватки, скажите сразу – я подыщу вам на

замену других командиров. Став обычными солдатами, вы можете в полной мере демонстрировать свою отвагу и умения в бою.

– Да ты...

– А я еще не закончил, – перебил Володя. – Я ведь слушал вас, послушайте теперь меня. Не так уж и много я прошу. Неужели вы настолько не доверяете своим солдатам, что им обязательно нужен ваш пример? И я не говорю, что надо засесть в тылу на горке и оттуда поглядывать. В бою разное происходит, и часто от того, насколько вовремя вы среагируете, зависит победа или поражение. И если видите, что есть возможность решающим ударом взломать вражескую оборону, что ваш пример увлечет всех, – вперед. Но вот дожидаться этого момента, увидеть его, а то и подготовить всей логикой боя – вот тут и проявляется ваш настоящий талант как командира. Смотреть, наблюдать, видеть, управлять, а в нужный момент ударить всеми силами в выбранное место! Прорвал оборону – выбрал следующую цель: преследование бегущих или удар в тыл другой группе, чтобы помочь товарищам. Выбор цели за вами, но удар по ней наносится солдатами. Ваша роль – думать!

Володя запнулся. Всю речь он произнес на одном дыхании, рубя и чеканя фразы, будто гвозди вбивая. На него смотрели ошарашенно и недоверчиво, словно он произнес что-то новое и неслыханное, хотя ведь, судя по расспросам офицеров Эриха, он не открывал Америк и велосипедов не изобретал. И если Эрих требовал от своих офицеров в первую очередь руководства, то в Локхере, похоже, больше уважали личную храбрость. Это Володя и намеревался переломить. Впрочем, он понимал, что за день или два это не сделать. Чтобы к его словам стали прислушиваться, надо в первую очередь доказать людям, что сам не трус и требуешь от них такого не по трусости, чтобы спрятаться за спины солдат. А во вторую – доказать, что эта система лучше той, что есть. А вот здесь, видимо, придется создавать собственные отряды. Кое-что в этом направлении Володя предпринял, и некоторые команды уже начали тренироваться по выставленным им требованиям. Но им до боеспособности еще ой как далеко. И даже если он сам лично начнет тренировать каждого солдата, дело это ничуть не ускорит. Для создания чего-то нового и революционного нужна соответствующая база, которой не было. Потому и приходилось корректировать уже существующие приемы, чуть подправлять их, не ломая и не разрушая. Так потихоньку он и закладывал в головы сержантов и младших командиров новые тактические идеи и построения. Но здесь и сейчас об этом говорить смысла не было, потому Володя взял себя в руки и успокоился.

– Теперь о действиях лучников. За небольшим исключением, все они слабо подготовлены, у многих качество стрельбы хромает, но хуже всего даже не это, а полное отсутствие дисциплины. Отдельные отряды совершенно неуправляемы, даже прямые команды офицеров порой не исполняются. Передвигаются стадом, перераспределения целей никакого. Так не годится! Лучники – наша основная ударная сила, на которой и строится оборона города. Если каждый станет действовать кто во что горазд – толку не будет.

Володя остановился и задумался, остальные тоже молчали.

– Таким образом, необходимо немедленно организовать боевую подготовку лучников. Основное внимание уделить, во-первых, индивидуальной подготовке. Стрелок должен уверенно попадать в выбранную или указанную цель – ростовое чучело-мишень, на дальности до ста шагов. Во-вторых, боевой слаженности отдельных отрядов и подразделений в целом. Они должны быть управляемы! Открывать стрельбу и прекращать ее по команде, а не «щас, я еще только парочку стрел в супостата засажу»! Они должны немедленно начинать стрельбу туда, куда им укажет командир. Они должны немедленно перенести стрельбу по получении нового приказа. Для этого с завтрашнего дня подготовить поле для тренировок у северной стены, места там должно хватить. Отдельные мишени на дальности пятьдесят-сто шагов для индивидуальной подготовки. Групповые мишени на дальности сто пятьдесят-четыре-ста шагов. Лучников разделить на отряды по восемь человек и назначить им сержантов. Старший офицер

пускает стрелу первым по выбранной группе. Сразу после попадания по этой группе мишеней должен начать стрелять весь отряд. Сержанты наблюдают за своими подчиненными, но не упускают из виду командира. Как только он посылает стрелу в следующую группу мишеней, все должны перенести стрельбу на нее.

– Ага, так в бою за этим и уследишь, – подал голос кто-то.

– Так придумайте сигнал! Например, из рога. Как подудит, всем внимание, перенос стрельбы. За точностью работы своих подчиненных пусть сержанты смотрят, после боя или тренировки они сами все объяснят подчиненным. Командир же должен следить за всей картиной и смотреть, где помощь лучников требуется больше всего – наступление ли поддержать, или оборону укрепить. Понятно, что в ближнем бою от лучников мало толку, хотя их и вооружают, но их задача не в этом. Потому надо наладить их взаимодействие с пехотой и кавалерией. Но об этом позже. Пока хотя бы натренировать попадать в большие мишени и слушать команды – на это особый упор. А вообще, подробности мы завтра обсудим уже на полигоне. Да, лучших лучников не стоит разбивать по разным восьмеркам. Такое хорошо в мирное время, когда можно спокойно тренироваться, но во время войны лучше их свести воедино, чтобы под рукой было хотя бы одно серьезное подразделение, на которое можно целиком рассчитывать. В грядущих действиях именно лучникам отводится основная роль. Перевес нападающих слишком велик, чтобы вступать с ними в ближний бой в надежде на успех. Если у нас и есть шанс на победу, то только в том случае, если мы сумеем врага удивить. Удивить в нашем случае означает победить. Потому завтра усиленная тренировка всех частей с небольшими перерывами. Потом отдых до утра, а послезавтра скорее всего нам придется вступить в новый бой.

– Что?! Какой бой?

– Забыли, что отряд барона Розентерна был всего лишь авангардом? – как-то очень ласково поинтересовался Конрон. Так ласково, что желания переспрашивать или спорить ни у кого не возникло. – А если не забыли, тогда советую всем разойтись и завтра сделать все так, как приказал князь. Битва только началась.

Когда все, ошарашенные произошедшим (не так в их представлении должно проходить совещание после победы, совсем не так), разошлись и Володя с Конроном остались наедине, тир долго задумчиво изучал поникшего мальчика, сидевшего на стуле во главе стола.

– У тебя уже появилась какая-то идея? – наконец поинтересовался он.

Володя, не поднимая головы, отрицательно качнул ею.

– Хм... Знаешь, ты в который раз сумел меня удивить. Не считай меня таким уж простым... Заметь, я даже не спрашиваю, откуда у тебя настолько точная карта нашего королевства. Возможно, ты даже шпион этой твоей Российской империи, и вы готовите вторжение, а твоя история – выдумка от начала до конца. Хотя будь ты шпионом, наверное, так не подставился бы. Да и историю придумал бы поправдоподобнее.

– Тогда почему же ты мне веришь? И даже прислушиваешься, когда я говорю что-то? – Володя по-прежнему даже не поднимал головы, в голосе была смертельная усталость.

– Почему? – Конрон сделал большой глоток прямо из кувшина. – Потому что у тебя есть идеи, а у меня их нет. Я не знаю, шпион ты или нет, но так получилось, что сейчас ты на нашей стороне против Родезии. У меня хватает ума сообразить, что я на должность командующего не гожусь, просто на тот момент других не нашлось... М-да, это красноречиво говорит о состоянии локхерской армии. Как видишь, я вполне самокритичен и не строю иллюзий. Но ты тоже не годишься... Удивлен?

– Нет. Нельзя командовать и что-то изменить, не имея авторитета у подчиненных.

– Верно. У тебя есть идеи, у меня необходимый авторитет. Я готов помочь тебе протолкнуть их. Готов закрыть глаза, даже если ты шпион, пока ты сражаешься на нашей стороне.

– Я не сражаюсь на вашей стороне. Черт побери! – Володя резко поднял голову и яростно уставился на рыцаря. – Это не моя война! Мне нет дела до ваших разборок с Родезией! С Эри-

хом! Если уж на то пошло, я даже восхищаюсь этим Эрихом! Суметь изменить армию, организовать пусть и примитивную, но разведывательную сеть, планирование операций на нескольких уровнях и на несколько ходов вперед! Вас спасло только чудо, Конрон! Можешь благодарить всех богов, что прошлая зима оказалась такой снежной и Эрих лишился почти всей кавалерии и не смог развить успех. Он предусмотрел почти все, кроме этого. Если я о чем и жалею, так только о том, что по воле случая оказался в Локхере, а не, допустим, в Родезии! Столько крови... Господи, я никогда не видел столько крови, как сегодня!!!

Конрон вдруг поднялся, подошел к Володе и сел рядом. Снова хлебнул вина и протянул кувшин мальчику.

– Хлебни, полегчает. – Володя послушно отпил и закашлялся. – Нет, князь, ты не шпион, хотя и странный какой-то. Говоришь, в военной школе учился? А как девчонка испугался крови. Будь же мужчиной!

– А пошел ты, – беззлобно ругнулся Володя, делая очередной глоток.

– Пойду. Спать пойду. Как только встречу свой отряд с пленными и захваченным обозом, так сразу и пойду. И тебе советую. Но знаешь, я все-таки рад, что ты оказался именно здесь, а не в Родезии. Я тоже восхищаюсь Эрихом и хотел бы, чтобы и у нас на троне оказался такой король, но я давал клятву и ее не нарушу. Ты ее не давал. Если захочешь уйти, я тебя держать не стану. Сейчас как раз самое время уехать, пока свободны дороги.

– Ты же знаешь, что Аливия еще не может ехать.

– Все-таки я тебя совсем не понимаю, – вздохнул Конрон. – Ложись-ка спать.

Дав этот мудрый совет, Конрон развернулся и неторопливо покинул комнату, насвистывая под нос какую-то веселую песенку. Володя проводил его удивленным взглядом, а когда за ним закрылась дверь, отвернулся. Конрона он не понимал в той же степени, в какой и тот не понимал его. Встреча людей совершенно разных эпох, похоже, стала шоком для обоих.

Покинув здание магистрата, Володя недолго размышлял над тем, куда ехать, но долг победил, и он направился домой. Дождался, когда охрана с комфортом расположится на первом этаже, поднялся к себе и сразу обнаружил сваленные в углу вещи Раймонда. Поморщившись, он опустился перед ними на колени и принялся старательно сортировать: бумаги в одну сторону, книги в другую. Ради интереса Володя раскрыл одну – рукописная, не печатная, а значит, дорогая. Книг же всего три, одна из которых жизнеописание Возвышенных богов. Интересно, Раймонд действительно интересовался или книга нужна для шифрования? Впрочем, какого шифрования? При всем желании едва ли в этом мире можно найти две совершенно одинаковые книги. Так что вряд ли в шифре используется принцип «на двадцатой странице конкретной книги подставлять слова по написанным цифрам».

Володя достал стопку писем, которые Джером все-таки сложил отдельно. Полнейшая белиберда, а значит, шифр. Володя, для проверки, разобрал несколько слов по буквам, пытаясь их произнести. Конечно, он не большой знаток языка, тем не менее ясно, что слов таких в нем точно нет, тут язык сломаешь, пока произнесешь.

В дверь постучали.

– Войдите. – Володя разложил перед собой на полу несколько писем и теперь изучал их.

В комнату быстрым шагом вошла графиня Лорниэль, едва не наступила на разложенные письма и замерла.

– Князь, я думала, вы прежде зайдете ко мне...

– Зачем? – поинтересовался Володя, даже не подняв голову от писем.

– Зачем? – Графиня явно растерялась. – Хотя бы из вежливости...

– Гм... Я у себя дома.

– И вас не интересует, передала ли я послание Раймонда или нет?

– Нет. Я знаю, что вы его передали. За вами следили.

– Следили...

– Ради вашей безопасности, графиня. Я не был уверен, что в том письме не содержался приказ устранить вас как ставшую ненужной свидетельницу. Шансы на это были малы, поскольку восстание еще не подготовлено, но присутствовали.

– И вы послали меня?..

Володя встал и отряхнул штаны. Жестом предложил графине присесть на кровать, а сам сел на стул, поставив его спинкой вперед. Она как раз была такой высоты, что удобно было положить подбородок.

– Скажите, чего вы хотите?

Вопрос поставил графиню в тупик.

– Чего я хочу?

– Да. Сейчас, когда нет больше Раймонда, вам никто не угрожает. Чего вы хотите?

– Я... я... Да какой у меня выбор?

– Достаточный. Можете вернуться к родителям. Правда, это будет трудно, поскольку вряд ли кто сейчас решится на такое дальнейшее путешествие по морю. Хотя это был бы самый лучший вариант... жаль, не очень осуществимый. Еще в моих силах отвести от вас угрозу, и вы вполне можете остаться. Правда, в этом случае вам придется отречься от мужа. Полагаю, король придумает что-нибудь по этому поводу. Публичный отказ и тому подобное. Третий вариант: вы можете попытаться добраться до мужа, но в этом случае вам придется нести всю ответственность и всю вину как жене предателя. Если мятеж герцога потерпит поражение, тогда...

– Я знаю, чем это может мне грозить. – Графиня вдруг весьма эмоционально всплеснула руками. – Но какая вам от этого всего польза?! Вы уже третий раз спасаете меня!

– Разве? – Володя задумался. – На пристани... С Раймондом... А когда третий?

– Да вот сейчас! Я ведь думала, что вы, как и Раймонд, будете меня использовать в этой вашей игре.

– Хорошего же вы обо мне мнения.

– Но, милорд! Вы можете сдать меня и заслужить благодарность короля! А вместо этого...

Володя резко встал и откинул стул. Графиня испуганно сжалась, но мальчик просто подошел к окну.

– Я видел смерть матери и сестры, чудом уцелел сам. Если я могу понять убийство отца... Заметьте, понять, а не простить, то убийство сестры и матери не пойму никогда. Они совершенно никому не мешали. Их вполне могли оставить в живых...

– Поэтому...

– Я вам уже говорил, что не воюю с женщинами и детьми. Ваша казнь ничего не прибавит и не убавит. Разве что приведет вашего мужа в ярость. Ваш приезд к нему тоже ничего не прибавит и не убавит.

– А если бы прибавлял?

– Я нашел бы способ удержать вас. Сейчас же... Графиня, у вас есть эта ночь на принятие решения. Если захотите ехать к мужу – завтра последний день, когда вы сможете беспрепятственно покинуть город.

– Не могу сказать, что люблю мужа... Мы поженились против воли, по настоянию родителей. Но граф оказался на редкость деликатным человеком. Возможно, я его не люблю, но уважаю... Я очень жалею, что он примкнул к этому восстанию. Мне не надо думать, милорд, завтра с утра я покину город и постараюсь добраться до мужа.

Володя подошел к сундуку в углу и достал из него кошель. Бросил его на кровать.

– Вот. Передайте Рокерту, он сумеет ими распорядиться. И не спорьте, я знаю, что у вас плохо с деньгами, а вам еще карету нанимать. Не повезете же вы дочь на лошади? К тому же и дополнительная охрана в дороге не помешает – время военное, на дорогах разбойников развелось.

– Милорд...

- Уходите, графиня. Мне еще работать.
- Милорд... Если Локхер проиграет, найдите меня... Я постараюсь обеспечить...
- Спасибо, графиня, но в этом нет нужды. Ценю вашу заботу, но вам все же стоит потопиться.

Графиня еще хотела что-то сказать, но только вздохнула и вышла.

Володя снова засел за письма. Похоже, он понял, что это за шифр – самый простой и примитивный, когда одна буква заменяется на другую. Как разгадывается такой шифр, описывал еще Конан Дойль в одном из рассказов о Шерлоке Холмсе. Главное, отыскать ключ, хотя бы одно слово... К счастью, такой ключ отыскался очень быстро – короткая записка и тут же ее зашифрованный вариант. Мальчик радостно хмыкнул: очень самоуверенный человек этот Раймонд. Разве можно таскать с собой такие вещи? Все-таки он действительно дилетант, хотя и с опытом. За такую ошибку любого курсанта выкинули бы из академии ФСБ с волчьим билетом. Володя вспомнил, как его возили в Москву в эту самую академию... Удачно, что даже преподаватели не видели тех, кому читали лекции, потому его и включили в курс. Много полезного узнал. Володя вздохнул: если бы все сложилось иначе, возможно, сейчас он готовился бы к приему в ту самую академию... или в какие-нибудь специальные войска. Он так и не смог определиться со своими интересами, а потом уже выбора не осталось.

Отогнав воспоминания, он придвинул к себе первое письмо, взял чистый лист, перо, чернила, улегся прямо на пол, предварительно постелив плащ, и приготовился писать.

Глава 4

Спать в эту ночь Володе пришлось очень мало. Начал расшифровывать письма в надежде отыскать там что-то важное и полезное, потом плюнул, решив, что до завтра потерпит. Тут некстати вспомнился последний разговор с Конроном. Пробормотав ругательство, Володя вздохнул: не сможет он теперь уйти. Если бы тот попытался удержать его, как-то надавить – забрал бы Аливию с семьей и ушел. А так... Иди, мол, если хочешь. Обидно. Словно он и не нужен тут. Словно ничего и не сделал для обороны города. И это задевало больше всего. Все-таки совсем недурственную операцию провернул, его учителя могли бы гордиться. И уж можно было ожидать, что Конрон попросит его остаться и помочь. Попросил... но так, словно и без него можно обойтись. Задело. Тем более и сам Володя, и Конрон понимали, что без него город не удержать. Тут нужно что-то очень нестандартное, а Конрон на такую импровизацию неспособен. А он сам? Тут был вызов... А еще где-то внутри копошилась мыслишка, что если он сейчас сбежит, то предаст всех, кто в него верил. Уж тогда надо было сразу город сдавать, а если отбились от первой атаки, так надо доводить дело до конца.

Мысленно проклиная неизвестно кого, Володя забрался в постель. Тут ему и пришла в голову мысль по поводу возможных дальнейших действий. Сначала, посчитав ее бредовой, Володя попытался уснуть, но мысль упорно не уходила. Чертыхнувшись, он встал, зажег свечи и достал допросные листы, которые сегодня так и не успел перечитать. Вытащил те, в которых упоминался командующий основной армией родезцев герцог Дорн, и внимательно прочитал. Все дворяне отзываются о нем в очень восторженных тонах, но тут иного и трудно ожидать, гораздо интереснее мнение о нем простых солдат. Хорошо, что среди оказавшихся в тюрьме попались те, кому уже приходилось служить под командованием герцога, иначе пришлось бы специально выискивать таких.

Еще раз перечитав бумаги, Володя задумался, пальцем размазывая по столу пролитую из стакана воду. Нарисовал круг, добавил лучей... задумался, ниже дорисовал домик. Потом плюнул и отправился спать.

Утром его разбудил грохот на лестнице и отчаянный шепот Джерома за дверью с просьбой не беспокоить его сиятельство...

– Я уже встал!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Конрон. Сзади недовольно сопел Джером. Не обращая внимания на одевающегося мальчика и хмурого слугу, Конрон заглянул под стол, потом, вспомнив, недовольно поморщился.

– Хотя бы для гостей мог держать у себя в комнате кувшин хорошего вина.

– Пить с утра – алкоголизм, – буркнул Володя, продевая руки в рукава рубашки. – Между прочим, – мальчик взглянул на лежащие на табуретке часы, – я всего лишь три часа спал. Мало спать – вредно для молодого растущего организма. И вообще, с чем пожаловал? Джером, ну не торчи ты там с такой постной миной. Что случилось?

– Я жду ваших распоряжений, милорд.

– Ага... Тюремный писарь обещал к утру сделать копии своих записей... Разыщи его и заberi. Заодно вот что еще сделай: найди среди пленных тех, кто служил под командованием герцога Ансельма Дорна. Не сам найди, прикажи кому-нибудь от моего имени – ты мне тут понадобишься. Пусть таких отдели от остальных и соберут в каком-нибудь доме попросторней. Много не надо, человек десять достаточно.

Джером, уже привыкший к порой очень странным распоряжениям господина, молча поклонился и вышел. Володя выглянул в коридор, обнаружил там одного из латников охраны и подозвал его.

– Встань там, – показал он рукой, – и никого не подпускай к комнате.

Убедившись, что теперь подслушать будет трудно, мальчик закрыл дверь и уселся на кровать, откинувшись на подушку.

– Как я понимаю, ты что-то придумал по поводу наших планов? – Конрон придвинул стул и устроился на нем поудобнее, приготовившись слушать.

«Наших»?

Володя хмыкнул. Пусть так.

– Два. – Мальчик поднял руку с двумя пальцами.

– Что два?

– Два плана. В общем-то, на самом деле один я придумал довольно давно и то, что десант пойдет двумя волнами, нам на пользу – убирается лишний риск. Собственно, мы там практически вообще ничем не рискуем... ну, кроме жизни людей. Второй же план пришел мне в голову вчера... точнее, уже сегодня утром.

– Хм... И какой ты предлагаешь? Как я понимаю, второй.

Володя покачал головой:

– Никакой. Выберешь ты.

Видя удивление тира, Володя соскочил с кровати и прошелся по комнате. Замер у окна.

– Конрон, я здесь чужак. Меня лично эта ваша война не касается никаким боком. Мы с тобой об этом уже говорили... вчера.

– Если ты решил остаться, тогда...

– Я не об этом. Я остаюсь... пока. Я о другом. Понимаешь, какое дело... Первый план я разработал давно вместе с планом обороны города. Даже сделал кое-какие распоряжения на этот счет. Мы можем атаковать корабли, пока те не высадили десант. Все не уничтожим, но проредим. В этом плане их разделение нам на руку – имеется возможность уничтожить первый отряд. Но! Беда в том, что это нас не спасет. Даст отсрочку... с месяц, может быть, но не более. Сможем потрепать главные силы, поводить их за нос, но рано или поздно они все равно окажутся под стенами города, злые от потерь и задержек. Если очень сильно повезет, может быть, продержимся дольше. Плюс тут тот, что риска для нас практически нет, в смысле риска для города. Второй план в случае успеха гарантирует нам победу, даже если враг Тортон возьмет.

– Это как?

– Тортон для Эриха не главное. Ему нужна база для армии и место, куда можно подвозить припасы. Вся эта армия идет не против Тортон, а против вашей столицы. Тортон всего лишь ступенька на пути к ней.

– Ну да, я помню, ты говорил. Я ведь и не спорю.

– Так вот, в случае успеха этого второго плана враг лишится почти всех осадных машин и понесет большие потери в инженерах и солдатах. Даже если после этого Тортон и падет, наступать этим летом они не смогут, а зиму здесь не продержатся. Когда снег закроет перевалы, Эрих уже не сможет вести активные действия из Эндории, королевская армия освободится и вскоре окажется тут. В зимние бури припасы в город тоже не подбросить, подкрепление не подвести.

– Значит, все здорово! Какие же вопросы? – Конрон недоуменно поднял брови. С его точки зрения все было ясно – раз есть возможность сделать такое, надо делать!

– Нет, не здорово. Есть один минус в этом плане. Маленький такой: он очень рискованный. Если он провалится, Тортон падет через два или три дня. В случае действий по первому плану мы гарантированно продержимся месяц или, если повезет, полтора, однако закончится все понятно чем. Во втором случае мы можем победить, но если где-то что-то пойдет не так, город будет в руках Дорна уже через неделю. Через месяц герцог будет у столицы. Спасти вновь собранную армию ваш король в этом случае вряд ли сможет. Мятеж на севере.

– Так что ты хочешь от меня? – растерялся Конрон.

– Выбора. Либо вариант без риска с долгой осадой, либо риск с надеждой на победу. Поскольку командующий ты, решение за тобой, я его принять не могу. Это не моя страна, я не чувствую за нее ответственности, и я не присягал вашему королю. Поэтому мое отношение ко всему достаточно отстраненное. Боюсь, мой второй план продиктован таким холодным любопытством: получится или нет? Но когда на кону судьба королевства в прямом смысле, решение, я полагаю, должен принять тот, кого оно касается больше всего.

Конрон, похоже, проникся и надолго задумался.

– Без подробностей я не могу оценить, насколько рискован этот твой второй план. В чем он заключается?

– Дать возможность противнику объединить силы, высадиться... не полностью... и одновременно атаковать с моря и с суши. Деталей я сказать не могу, поскольку думать надо. Просто тут главное не то, что на суше, а корабли, которые еще не успеют разгрузить. Если мы сумеем уничтожить их, тогда вся экспедиция родезцев теряет смысл.

– Уничтожить корабли? Как?! Какими силами?!

– Есть возможность. Такое применяли у меня на родине. Однажды так был уничтожен целый флот. Проблемы и риск есть, но все они вполне решаемы, а риск вовсе не запредельный.

– Однако в случае, если мы не сможем уничтожить корабли...

– Мы понесем большие потери на суше и не сможем защищать город. Практически защищать город станет просто некому.

Конрон снова задумался.

– Если бы знать детали...

– Я их сам еще не знаю, так, наброски. Сегодня займусь. У нас есть время до прибытия первого отряда десанта. Вот когда они придут, придется решать, и быстро: атакуем их или рискуем.

Конрон поднялся. Тяжело поднялся и даже словно ростом стал ниже, как будто какой-то груз прижал его к земле. Устало потер подбородок.

– Знаешь, я сейчас с большим удовольствием согласился бы оказаться впереди клина, идущего на вражеские позиции, чем принимать такие вот решения.

Володя подошел к столу и протянул Конрону запечатанный свиток.

– Тут я изложил все свои размышления по поводу возможных планов и действий Эриха, и все то, что удалось узнать от пленных... В общем, все, что удалось узнать. Надо отправить королю.

Конрон взял свиток.

– Сегодня как раз гонца обратно посылать собирался со своими донесениями. С ним твое письмо и отправлю. Так, говоришь, решение надо принять, как только придет первый отряд родезских кораблей?

– Да. К тому времени я представлю детали плана. Или сам от него откажусь, если сочту риск слишком большим, поскольку не учел каких-то моментов. Ну, это на месте видно будет.

– Ладно. – Конрон направился к выходу. – Тогда сегодня я тебя тревожить не буду – занимайся своими деталями. Вечером расскажешь, что надумал, и будем думать уже вместе.

Володя дождался, когда за Конроном закроется дверь, и плюхнулся на кровать, зарывшись лицом в подушку. В этот момент он ни за что на свете не хотел бы очутиться на месте тира Пентарского. Принимать решение, от которого зависит судьба твоего королевства... Даже Володе от этого было не по себе.

Однако предаваться невеселым размышлениям было некогда – дела не ждали, и за этот день сделать предстояло еще очень много.

Переговорив с графиней и ее охранником, он узнал о времени их отъезда – после обеда, когда найдут карету и договорятся о дополнительной охране. Володя оставил с ними одного солдата, чтобы тот помог им беспрепятственно покинуть город.

– Вряд ли мы сегодня увидимся, – сообщил им на прощание Володя. – Я совершенно не представляю, где буду в обед, а потому прощайте и удачи. Передайте от меня привет Генриетте, графиня. Я уже послал сообщение Осторну, так что вашу дочь в дорогу они соберут.

– Милорд... спасибо еще раз...

Мальчик отмахнулся от благодарностей и торопливо спустился вниз, даже позавтракать времени не нашлось.

Первыми в плане были лучники. Они уже собрались у северной стены, где рабочие заканчивали монтировать чучела-мишени. Сами лучники расположились большой толпой в стороне, что-то обсуждая и хохоча. Володя оглядел это сборище, а потом велел позвать старшего.

– Мне кажется, мы вчера уже обговаривали, как будут организованы отряды. Я же сейчас вижу одну толпу.

– Милорд, мы...

– И чем вы занимаетесь, пока рабочие ставят мишени? Ладно. За такое вас, тир, – Володя гневно глянул на командира лучников, – стоило бы разжаловать. Проблема только в том, что другого не найти.

– Милорд...

– Хватит! Я ведь не зря говорил, что лучники – наша главная надежда, а потому считай это последним предупреждением. Но клянусь, простым разжалованием ты не отделаешься – повешу в назидание остальным! Глядишь, тогда зашевелитесь! Тебе все ясно?! – Володя в ярости уставился на офицера.

Тот попытался было что-то сказать, но поперхнулся, сообразив, что этот князь шутить не собирается. Действительно повесит.

– Все будет сделано, милорд.

– Тогда созывай командиров и будем обговаривать, чему и как учиться.

Когда собрались все офицеры и сержанты, Володя повторил то, что говорил на вчерашнем совещании, только более подробно, остановился на деталях.

– Поэтому сейчас разделите людей пополам, половину отправьте на одиночную подготовку, а половину на тренировку в группе... – Володя задумался. – Нет. Делите на четыре части. Часть тренируется индивидуально, другая в группе, третья занимается строевой подготовкой.

– Строевой?

– Да! Я хочу превратить лучников в настоящую боевую единицу, а значит, от них требуется четкая слаженность и умение работать в группе. Потому строевая подготовка! Разыщите сержантов из пехотных полков и гоняйте людей до седьмого пота. Четвертая часть пусть отдыхает – не стоит совсем изматывать людей перед боем... Потом отряды меняются.

Володя устроился в стороне, под стеной, в теничке, достал захваченные с собой письма Раймонда и снова занялся их изучением, изредка поглядывая, как офицеры распределяют лучников по отрядам, назначают командиров. Вот организационная часть закончилась и отряды разбрелись по позициям. Мальчик не вмешивался, понимая, что тут он скорее навредит, чем поможет.

Здесь его и разыскал Джером. Положив перед господином сумку с бумагами, он уселся рядом.

– Вот, милорд, как вы и просили, допросные листы.

– Спасибо. – Володя достал первый и принялся разбирать текст. – Скажи... нет ли у тебя толкового знакомого для одного опасного дела?

– Опасного?

– И высокооплачиваемого, само собой. Ты же свел знакомство с этим Крейсом... Кстати, ты сделал, что я просил?

– Да, милорд. Я это узнал через людей Пентона, которые были арестованы. Они очень злы на Крейса за то, что он их сдал. Так что мне удалось выяснить все, что вы просили.

– Хм... Странно. Обычно они не выносят сор из избы. Даже если кто-то кого-то сдал, то разбираться с этим предпочитают сами, без привлечения властей.

– Ну, милорд, конечно же, я знал об этом. Я в камеру к ним посадил одного человека, и тот все выяснил.

– Понятно. И что ты пообещал этому человеку?

– Свободу. Его поймали, когда он пытался ограбить дом купца.

– Вряд ли он такой умный, раз попался.

– Но ведь справился с делом.

– Как думаешь, сгодится сыграть роль гонца от Раймонда к вражескому командиру?

– Нет, милорд. Он не очень смелый.

– Ладно, тогда ищи. Время до трех часов пополудни, а пока разыщи Гирона и попроси ждать меня у тюрьмы. Я буду там через час. А не знаешь, где Филиппа носит?

– Он говорил, что вы дали ему какое-то поручение в порту.

Володя нахмурился.

– Джером, отправь кого-нибудь туда, пусть разыщут. Он мне нужен.

– Хорошо, милорд. Я могу идти?

– Да.

Когда Джером умчался, мальчик вытряхнул из сумки листы и тут же придавил их камнем, чтобы не унесло ветром. Уже не обращая внимания на тренировку лучников, углубился в чтение. Беда только в том, что он читал по-локхерски еще не очень хорошо и чтение отнимало много времени. Это чрезвычайно раздражало. Одно хорошо – у писаря, который делал копии, оказался на редкость хороший почерк, какие-нибудь закорючки Володя вряд ли бы разобрал. Все-таки надо побольше практики в языке, а еще лучше нанять профессионального учителя.

Промучившись с несколькими листами, Володя плюнул с досады и некоторое время наблюдал за тренировкой. Похоже, командир, получив нагоняй, решил ускорить дело и прямо на ходу организовывал отряды, которые и гнал на рубеж. Сами тренировки шли ни шатко ни валко, но ясно, что это только начало, когда никто, даже сами офицеры, еще не знают, что делать. Володя поднялся, сложил бумаги в сумку и подошел к командиру. Указал на некоторые ошибки, которые следовало ликвидировать при обучении. Потом понаблюдать за строевой подготовкой, заключающейся в хождении строем и его удержании. Хорошо для пикинеров, но совершенно бесполезно для лучников – из такого плотного строя они стрелять никак не смогут, даже луки не натянут. Однако поправлять не стал – других приемов пехотные сержанты, которые и проводили занятия, все равно не знают, обучать их чему-то новому времени нет, а с задачей привития дисциплины они справляются. Тем не менее он посоветовал сделать строй не таким плотным. Подозвал командира и порекомендовал групповые занятия проводить именно в построении, а не как сейчас, когда все сбиваются в толпу. Закончив здесь, Володя, к всеобщему облегчению, уехал.

Филиппа он заметил около тюрьмы издали: тот сидел перед дверью и дрых – настоящий солдат. Володя даже позавидовал – ему самому до чертиков хотелось спать. Растолкав вассала, он отправил его на поиски писаря и велел возвращаться поскорее.

Филипп появился минут через пятнадцать, подталкивая перед собой вчерашнего писаря. Тот озадаченно крутил головой, никак не понимая, какого лешего его вытащили из постели с утра пораньше.

– Разыщите для него коня какого-нибудь, – попросил Володя своих охранников, а потом повернулся к писарю: – Поедешь со мной, мне может понадобится твоя помощь. Как звать?

– Лирул, ваше сиятельство, – испуганно поклонился тот. Похоже, никак не мог сообразить, зачем он может понадобиться, но спросить не решился.

Коня разыскали быстро, и под смехи солдат Лирул с трудом взгромоздился на него. Володя понаблюдав за этим зрелищем и попросил кого-нибудь приглядывать за писарем, чтобы тот нечаянно не свалился по дороге.

– Филипп, ты тоже с нами едешь. Что там, кстати, в порту?

– Материалы, про которые вы говорили, подготовлены. Несколько тюков отборной и самой сухой соломы, какая нашлась. Масло, смола. Нашли даже несколько бочонков земляного жира.

– Нефти, что ли? Замечательно. Жаль, правда, мало. Надо бы обыскать купеческие корабли, которые оказались заперты в порту. Может быть, у них в трюмах найдется еще что полезное... Помнится, я велел сделать опись всех товаров.

– Она хранится у начальника порта, милорд. Я первым делом ее смотрел. Земляной жир, или нефть, как вы его называете, мы именно там и нашли.

– Интересно, на кой кто-то вез бочонки с нефтью? Впрочем, хорошо, что она есть. Что еще?

– Мы заготовили все материалы, которые легко загораются. Милорд, я только не понимаю, что вы со всем этим делать собираетесь. Мы не можем сеном стрелять из требуше...

– Филипп, – Володя предостерегающе посмотрел на него. Тот намек понял и заткнулся. – Когда придет время, я все объясню. Сделать все нужно будет быстро, но всему свое время. Охрану к складам поставил?

– Конечно.

– Отлично. В таком случае поехали.

– Э-э... А куда, милорд?

– За город. Будем искать удобную бухту для высадки вражеского десанта. Это ведь тоже была одна из задач авангарда. Негоже, если они не справятся.

Филипп озадаченно посмотрел на сеньора, но спрашивать не стал, знал, что не ответит. Потом покосился на охранников, которые следовали за ними чуть позади.

– Мы вообще на чьей стороне выступаем? – буркнул он себе под нос.

– На своей, – ответил услышавший его Володя.

Когда они выехали за пределы города, Володя придержал коня и подождал, пока с ними поравняется охрана.

– Кто-нибудь из вас знает окрестности? Где лучше всего родезцам производить высадку?

– Я знаю, милорд, – выехал вперед один. – Самое удобное место – это Радужная бухта. Она километрах в двух отсюда, вон за тем холмом.

Володя привстал в стремях и в бинокль осмотрел указанный холм.

– С него, милорд, великолепный вид на ту бухту открывается.

– Вот как? А давайте-ка посмотрим, что там за вид. Туда можно верхом добраться?

– Ну... склоны деревьями заросли, так что пешком было бы лучше, но...

– Ясно. Ладно, поехали, а там видно будет.

На вершину все-таки подниматься пришлось пешком, оставив коней под охраной одного из солдат. Зато сама вершина оказалась совершенно без деревьев, а вид отсюда и в самом деле открывался великолепный. Володя с трудом смотрел на поверхность бухты, так ярко сверкала вода в лучах солнца. Понятно, почему бухту называли Радужной.

Мальчик глянул на солнце, потом из-под руки снова осмотрел бухту и побережье. Достал из кармана накидки коробочку со светофильтрами и установил их на бинокль. Вытащил из сумки лист бумаги и огляделся, ища, куда бы его приладить. Один из охранников немедленно положил щит. Володя благодарно кивнул ему и расстелил лист, придавив углы камнями. Потом достал готовальню и осторожно, боясь порвать бумагу, стал набрасывать схему местности,

периодически осматривая все в бинокль и определяя расстояния, которые немедленно наносил на схему. Замершие вокруг солдаты с уважением поглядывали на командира.

– Шаманит, – зашептал кто-то.

– Никак, колдун...

Непонятно, похвалили или осудили? Володя решил не задумываться над этим и продолжил работу. Судя по всему, бухта и в самом деле для высадки вражеского десанта подходила идеально. Из города ее не видно – холм загораживает. Сама бухта просторна, до другой стороны километра три, значит, в нее свободно войдет практически весь флот, защищена она хорошо и не надо будет опасаться порывов ветра. Пляжи тоже просторные, и здесь недалеко до тракта в город. А вон там можно и лагерь организовать.

– Филипп, ты видел в городе требуше... Как думаешь, на какую дальность они бьют?

– Хм... они там не очень мощные. Если кидать камни в сорок килограмм, тогда... метров шестьсот. Там же не осадные машины.

Володя нахмурился, вспоминая те уроки, которые у него были по различным метательным машинам. Недавний его эксперимент с баллистой можно считать провалившимся. Не для боя он ее строил, а просто посмотреть, как ее сделают и на что годна. Затраты превзошли эффективность. Чтобы баллиста работала нормально, нужны время и эксперименты, а вот времени и нет.

– Слушай, а еще я видел на стенах «скорпионы»...

Филипп его не понял. Володя задумался, сообразив, что вряд ли здесь знают те названия, которые таким орудиям давали на Земле.

– Ну, такой... – Володя изобразил нечто руками. – С большим луком и толстой тетивой. Они на станках стоят, на стенах.

– А-а-а. Станковый самострел. Если хороший, сделать нормальные стрелы для него... Тогда стрелу метров на шестьсот метнет.

– А камни?

– Камни? Нет, милорд, камни из него не очень хорошо кидать. Можно, конечно, но смысла нет. Дальность метров двести.

Володя снова приткнулся к биноклю.

– А вон до того холмика метров пятьсот... Вот что, Филипп, бери солдат... человек двести, всех пленных... нечего им прохлаждаться, харчи наши жрать. В общем, с этого холма и до дороги прорубите просеку, чтобы сюда, – Володя топнул ногой, – поднять штук пять требуше из самых скорострельных. Большие камни метать не надо. Когда сделаете, поднимите камни примерно одного веса и пристреляйте вершину вон того холма и не забудьте камни оттуда забрать. Сегодня к вечеру все должно быть готово.

– Милорд!

– Надо! Забирай всех рабочих, пленных, солдат для охраны пленных бери, но чтобы вечером здесь стояли пять требуше и десяток этих ваших самострелов. Запасы стрел к ним, само собой. Дальше... Отсюда и вниз подрубите деревья, чтобы в нужный момент повалить их вершинами вниз, устроив хороший завал. Охрана тут будет, но облегчать жизнь врагам не стоит. А вон там, – Володя повернулся и махнул в сторону города и вниз, – необходимо возвести форт... Э-э-э... В общем, построить небольшую крепость. Вырыть рвы, возвести палисад, поставить колья. Лучше в три ряда...

– Милорд!

– Всех рабочих из города забирай. Распоряжение Розену я дам.

– Но милорд! Это же какой...

Володя ухватил Филиппа за плащ и заставил наклониться.

– Делай, что хочешь, но до вечера здесь должны стоять требуше, и их надо пристрелять. Крепость должна стоять к утру, хотя бы стены и насыпь. Потом еще сутки будут на все осталь-

ное. Жгите костры, работайте посменно всю ночь, но она должна быть! Если справишься, клянусь, станешь рыцарем! Нет – лучше сразу откажись, я найду того, кто рискнет.

Филипп открыл было рот для возражений, но, услышав о возможной награде, тут же его захлопнул. Задумался.

– Милорд, тут надо очень много людей.

– А их что, не хватает? В авангарде Розентерна инструментов полно, и больше тысячи рабочих! Забирай их всех вместе с пленными солдатами. Вытаскивай наших рабочих. – Володя еще раз изучил нарисованную схему, потом быстро свернул лист и спрятал, убрал готовальню. – Я в город, отдам распоряжения. Когда осмотришься здесь и оценишь объем работы, отыщешь Розена и потребуешь с него все, что нужно. Будет артачиться, разыщешь... нет, не надо искать. Сам разберись. Что хочешь с ним делай, но чтобы работы начались уже сейчас. А лучше вчера.

– Вчера, милорд? Но...

Володя махнул рукой. Любимую присказку всех начальников на Земле Филипп явно слышал впервые.

– Это значит срочно. Так срочно, что начать работы лучше было бы уже вчера. Но поскольку мы этого не сделали, надо наверстывать. Так как, берешься или?..

Филипп огляделся. Нахмурился. Подумал и махнул рукой:

– Берусь, милорд.

– Смотри! Я тебя за язык не тянул. Не справишься, пеняй на себя. Но если справишься... Озолочу! Все, я в город.

Озадаченный Филипп остался на вершине, растерянно осматриваясь.

В Тортон они ворвались на полном скаку. Стражники торопливо распахнули ворота – решетка была поднята. Проскакав вдоль стены, они остановились только перед стрельбищем, где продолжалось обучение лучников. Некоторые уже, тяжело дыша, лежали чуть в стороне на травке. Слышалась ругань пехотных сержантов, прививающих лучникам, в большинстве своем бывшим охотникам, основы дисциплины.

– Как дела? – поинтересовался Володя у подскочившего командира.

Тот отер пот и выдал нечто непереводимое, в одной фразе охарактеризовав всех этих лучников и их предков до седьмого колена.

– Вот вы и должны их научить, – совершенно спокойно отозвался на эту тираду Володя. – Ладно, продолжайте. Только позовите ко мне посыльного.

Посыльный явился моментально и замер, дожидаясь распоряжений. Получив приказ разыскать Розена и тащить его сюда хоть силком, он поклонился и исчез. Мальчик плюхнулся на еще утром облюбованное место и позвал писаря. Протянул ему сумку с допросными листами.

– Читай.

– Все, милорд? – растерянно спросил тот.

Володя многозначительно покосился на него, и писарь поспешно достал записи. Мальчик устроился поудобнее на плаще и прикрыл глаза. Рядом раздался неуверенный голос писаря. Володя приоткрыл глаза.

– Это ты сейчас спать собрался или читаешь так?

Писарь намек понял и стал читать уже более уверенно, хорошо поставленным голосом. Сразу видно, что выполнял привычную работу – среди здешних дворян грамотных было не очень много.

Розен появился где-то через полчаса, запыхавшийся и не очень довольный.

– Звали, милорд?

Володя коротко объяснил, что ему надо. Розен взвыл:

– Милорд! Я ж не могу все это сделать! Меня Рокхон с грязью смешает, если начну распорядаться городскими рабочими.

– Я его сам смешаю, если встрянет. Будут вопросы, отсылай ко мне, но все требования Филиппа удовлетворять в первую очередь и в максимально короткие сроки. В случае задержки объяснять будешь не мне, а герцогу Ансельму... если, конечно, тот будет слушать.

– Но требуше и станковые самострелы... Я же не распоряжаюсь ими! Это все в ведении тира Роухена! К тому же требуше только вчера вечером закончили собирать.

– Как собрали, так и разберут. Тем более их не сейчас тащить – тропы все равно еще нет. Короче, разыщите Роухена и передайте мое распоряжение, касающееся машин. Будут вопросы, пусть сам меня разыщет. Заартачится, с ним уже не я буду говорить, а Конрон. Я-то добрый, еще послушаю, а у Конрона разговор короче будет.

Ругаясь под нос, Розен убежал... очевидно, разыскивать Роухена или председателя магистрата.

Писарь, закончив читать последний лист, вопросительно посмотрел на Володю, который лежал с закрытыми глазами и казался спящим. Но вдруг он резко встал и торопливо отряхнулся.

– Милорд, я вам еще нужен? – поинтересовался писарь.

– Да. Я еще не очень хорошо читаю по-вашему. Мне нужен человек, который сможет и записать и прочесть бумаги в случае нужды. Извини, но сегодня тебе придется быть моим постоянным спутником.

Последнее замечание явно не вызвало у писаря никакого энтузиазма, но спорить он не рискнул и послушно вскарабкался на коня, когда князь вскочил в седло. Охрана привычно и равнодушно пристроилась следом.

Гирона Володя заметил издали. Тот неторопливо прогуливался перед тюрьмой, о чем-то разговаривая с Конроном. Что тот делает у тюрьмы, Володя не понял и вопросительно посмотрел на тира.

– Услышал, что ты велел собрать тех солдат из пленников, кто служил под командованием герцога Ансельма, и решил тоже послушать. Еще по поводу твоих последних распоряжений хотел поговорить.

Конрон аккуратно ухватил соскочившего с коня Володю под локоть и отвел в сторону, где никто не мог их подслушать. И здесь уже высказался гораздо более резко, с использованием многих слов, которых Володя просто не знал по причине того, что его учитель – Аливия – не догадывалась об их существовании. Потому гневную тираду тира мальчик воспринял вполне спокойно.

– Какого... В конце концов, кто тут у нас командующий?! – бушевал Конрон. – Почему я узнаю о твоих приказах от третьих лиц, которые требуют от меня укоротить наглого выскочку... Догадываешься, о ком речь? Я, конечно, подтвердил все твои приказы и тоже в ответ наорал, что приказы моего заместителя обязательны для исполнения и все в таком плане, но прежде, чем распоряжаться, ты мог бы, хотя бы ради приличия, посоветоваться со мной?

– А ты уже принял решение? – поинтересовался Володя.

Конрон осекся и чуть ли не обиженно уставился на него.

– А ты сейчас к какому варианту готовишься?

– К обоим. Первоначальный подготовительный этап одинаков... разве что крепость вне стен города в первом варианте не нужна. Но тут уж ничего не поделаешь – потом будет поздно строить, упущенное время не вернешь.

– Кстати, о крепости... На кой она там?

Володя достал из сумки схему, опустился на колено и расстелил ее на земле. Заинтересованный Конрон склонился над ней.

– Смотри... Вот холм, который закрывает от города Радужную бухту. От стены до него расстояние где-то километра два, за ним шикарное место для высадки. Забраться на этот холм можно, хотя задача нетривиальная. А теперь представь, что мы на нем устанавливаем тре-

буше... Вот схема Радужной бухты, и тут мои пометки по расстояниям. Я прикинул по дальности. Получается, что практически весь берег с самыми удачными местами для лагеря и где-то четверть бухты в зоне их досягаемости.

– Ух ты! – воскликнул Конрон. – Хм... – Он почесал подбородок. – Это все хорошо и замечательно, но только в том случае, если для высадки противник изберет именно эту бухту.

– Полагаю, я смогу убедить их воспользоваться ею.

– Примерно так, как убедил Розентерна атаковать город?

– Примерно, – не стал спорить Володя. – А теперь смотри сюда. Чтобы затащить на холм требуше и другие орудия, придется прорубать дорогу, а значит, с этой стороны открывается возможность атаки. Укрепления наверху мы поставим, не вопрос, но если вот тут у подножия будет еще и форт... Здесь дорога, которая ведет из Радужной бухты в город, форт с одной стороны прикрыт холмом, где наши стрелометы, с другой – крепостная стена. Расстояние между фортом и городом чуть больше километра. Если родезцы попытаются штурмовать крепость отсюда, получат с двух сторон. И штурмовать город они не смогут, пока стоит форт. А если вот здесь, – Володя вытащил карандаш и отчертил линию от форта в сторону, – поставить «ежи», наткать колья, нарыть ям... пусть засыпают под обстрелом. Засыпать засыплут, но чего им это стоить будет. В любом случае выигрыш времени. Но самое главное, этот форт нужен для того, чтобы в случае неудачи второго плана все-таки дать нам хоть какой-то шанс и прикрыть отступающие части. Лагерь для родезцев лучше всего ставить здесь, – Володя ткнул карандашом в схему, – значит, мы будем атаковать его вот отсюда. – Он нарисовал стрелку вдоль дороги.

– Слишком очевидно.

– Плевать. У нас все равно нет шансов с этой стороны – это отвлекающий удар. Настоящий будет нанесен вот отсюда! – Володя ткнул карандашом в Радужную бухту. – Выкрасить паруса в черный цвет, уключины обмотать тряпками и вечером пройти вдоль берега, высадив десант здесь. С берега атаки никто ждать не будет.

– Ага, а вражеский флот будет стоять и смотреть, как мы высаживаем десант.

– Потому и вечером. К тому же сколько кораблей во флоте Родезии боевых? Основная масса – сборная солянка купцов, каботажников и прочей шушеры. По-настоящему боевых кораблей мало.

– Нам и тех, что есть, хватит. Стоит им поставить сюда пару галер, и все.

– Ты слушаешь, что я говорю, или нет? Четверть бухты под обстрелом требуше. Впрочем, их мы не станем использовать для кораблей, и вообще противник не будет о них знать. А вот лучников здесь, у подножия холма, поставить можно. Пусть постреляют зажигательными стрелами в тех, кто рискнет тут поплавать. Полагаю, после такого у родезцев упадет желание гонять мимо этого берега свои корабли. Тем более тут им и не надо ничего, самое удобное место для высадки ближе к другой стороне.

– До которого даже из самого мощного требуше не достать и с холма.

– И не надо. Зато достать до того места, где будет их лагерь.

Конрон очень задумчиво поглядел на мальчика.

– А если их лагерь будет не там?

– Там. Но потому я и хочу переговорить с пленными. Мне нужно понять характер герцога. Как он действует, как воюет, бережет солдат или готов на все ради победы. Умный, глупый или жадный?

– Герцог Дорн Ансельм лучший полководец Эриха.

– Это я уже слышал. Но кроме этого, он еще и человек, и, как у всякого человека, у него есть сильные и слабые стороны.

– Ладно, допустим. Корабли тут, лагерь там, где нам надо. Вот плывут наши лодки с десантом, но если их заметят с флота и сюда подойдет хоть одна галера, будет бойня.

– План рискованный, – согласился Володя. – Только для вражеского флота у меня тоже есть сюрприз. Мы постараемся сделать так, чтобы им стало не до нас. Совсем не до нас.

Конрон задумался. Надолго.

– Я только одного не понял, – задумчиво пробормотал он, – ты сейчас какой вариант своего плана объяснял? Первый или второй?

– Оба. Только в первом варианте мы атакуем передовой отряд, а во втором уже объединенную эскадру.

Конрон на мгновение замер.

– Ну, ты нахал! – наконец протянул он. – Да ты понимаешь, что нас с грязью смешают? Да там солдат больше...

– Неверно. Конрон, всех сразу они высадить никак не могут. Максимум за день высадят тысячи две... ну, три! Остальные останутся на кораблях и принять участия в сражении никак не смогут! Если их и бить, то только в этот момент! Другого шанса не будет!

На этот раз Конрон думал намного дольше.

– Это все хорошо, но только в том случае, если высадка будет именно в Радужной бухте и они встанут лагерем там, где нам надо.

– А вот это я постараюсь обеспечить.

– Тогда что? Второй вариант?

– Ты решил? Во втором случае силы на берегу будут большие и при нашем поражении отсиживаться за укреплениями не станут. Форт, конечно, прикроет наше отступление, но...

– Ты прав. После такого поражения останется только сдаться... Возвышенные боги, мне нравится твоя наглость! Ведь у нас и правда может получиться! Только что за сюрприз ты готовишь вражескому флоту?

Володя свернул схему и спрятал в сумку.

– Потом. Я тут поспрашивал ваших моряков с некоторыми намеками. Похоже, меня не поняли, значит, у вас такие вещи не применялись. Так зачем об этом трепаться? Пусть будет сюрприз. Расскажу, когда останемся совсем одни. Но вообще ты понимаешь, что об этом, – мальчик похлопал по сумке, – никому говорить не стоит? Форт мы строим для облегчения обороны. Кавалерией стоило бы прикрыть все дороги, чтобы ни один пленный или шпион из города не сбежал. Из города никого не выпускать, только по спецраспоряжениям.

– Это я беру на себя! – вскочил Конрон. – Организую конное охранение и еще с Роухеном поговорю, пусть быстрее шевелится! Говоришь, твой вассал там работает? Значит, Роухен будет гавкать, если тот прикажет!

Володя вздохнул, глядя, с каким энтузиазмом Конрон взялся за дело и теперь мчался крутить хвосты начальнику гарнизона и председателю магистрата. Время! Время! Время! Все упиралось в него. За сегодняшний день слишком много надо успеть сделать. Даже к Транхеймам не выбраться. Опять Аливия будет обижаться, что не пришел. Володя еще раз грустно вздохнул, потом махнул писарю и Гируну.

– Пленные собраны?

– Да, ваше сиятельство. Все, как вы приказали.

– Отлично. А как продвигаются дела с отрядом, про который я вам говорил?

– Я отобрал семнадцать человек, милорд, они начали тренироваться.

– Хорошо. Скоро они могут понадобиться, тогда и проверим, чему они научились...

Только вот времени мало.

– Ваше сиятельство, я отобрал лучших! У них большой опыт. Единственно только потренироваться сражаться в домах.

– Добро, посмотрим в деле, а сейчас веди к нашим пленным.

– Конечно. Прошу, ваше сиятельство.

Володя обернулся к писарю:

- Бумага, чернила с собой?
- Куда ж я без них, милорд? – даже удивился вопросу тот.
- Отлично, будешь записывать.
- Милорд, прикажете палача позвать, как в прошлый раз?

Володю передернуло.

– Нет, не нужно. Мы просто побеседуем в каком-нибудь просторном помещении. Необходимости в таком антураже больше нет. Есть подходящий кабинет? Вот и отлично, пусть приводят по одному. Надеюсь, много времени это не займет.

Гирон чуть поклонился и первым вошел в дверь, показывая дорогу.

Глава 5

Общение с пленными не очень много дало, как из-за отсутствия времени для обстоятельного разговора, так и из-за того, что выбранные солдаты не очень долго служили под командованием герцога. Похоже, выбрали первых, кого нашли. Немного подумав, Володя отправился в подвал... раз уж все равно здесь, почему бы не поговорить?

Раймонд сидел в той же позе, в которой его оставил Володя в последнее посещение. На миг мальчик даже испугался, что тот умудрился каким-то образом покончить с собой. Но нет, едва скрипнула дверь, как Раймонд поднял голову и посмотрел на вошедшего. Кривовато усмехнулся:

– Ваше сиятельство. Решили навестить меня?
– Решил поинтересоваться вашим решением.
– Вроде бы двое суток еще не истекли. Как продвигаются ваши дела по изучению моих документов?

Володя на мгновение задумался. Потом пожал плечами, словно решив какой-то спор сам с собой. Залез в сумку, покопался среди бумаг, достал одну и расстелил перед скованным пленником, давая ему возможность прочитать ее. При этом внимательно наблюдал за ним и только потому заметил, как тот слегка побледнел.

– Вы это собираетесь отправить командиру десанта? Ха. Ничего не выйдет. Я держал контакт только с бароном Розентерном.

– Почему-то мне кажется, – отозвался Володя, складывая лист, – что сейчас ты врешь. Нет, с бароном связь у тебя была, но этот же шифр наверняка есть и у герцога. Не может не быть, потому что твоя задача здесь начиналась только в момент полноценной осады, а это уже когда прибывают все силы. Зачем тогда ты подкупал этих кретинов из бандитов? Кстати, спасибо вашему королю за арбалеты. Очень хорошие, простые и надежные. Для ополченцев в самый раз.

Раймонд сморщился, словно лимон проглотил.

– Не понимаю я все же, почему вы встали на защиту города?

– А теперь не все равно?

– Просто хочу понять... Я не хочу предавать, пусть даже стану предателем в глазах короля благодаря этому, – Раймонд кивнул на сложенный лист бумаги в руке мальчика, – и смерти не боюсь, но мне очень интересно, чем же все закончится. Обидно – не увижу... Вы очень странный... Плохо, недооценил.

– Как я понимаю, решение ты принял?

– Да. Предателем я не буду.

Володя кивнул и встал.

– У тебя еще есть время подумать.

По дороге к морю, на берегу которого проходили обучение ополченцы, Володя задумался о структуре местного общества, пытаясь соотнести ее с земной. Раньше ему не хватало знаний, потом времени. Сейчас, неторопливо продвигаясь по улицам, он впервые решил разобраться. Если он ничего не упустил, то здесь рыцари только недавно стали выделяться в отдельное сословие. Относительно, конечно, а потому эта каста еще не была устоявшейся, и продвижение, судя по всему, осуществлялось довольно легко. Потому Филипп не удивился, когда Володя пообещал сделать его рыцарем. Кажется, при изрядной доле нахальства можно и самого себя произвести в рыцари.

Были еще тиры... Сначала Володя полагал, что это просто местный синоним рыцаря, но быстро понял, что это не так. Тир, в отличие от рыцаря, было младшее дворянское звание, и гербы имели право носить именно тиры. Рыцарям же полагался всего лишь дополнительный

штрих к их щиту – алая окантовка, как символ военного служения. В случае же если рыцарь становился тиром, то алая окантовка добавлялась уже к гербу. Так что сам Володя, по меркам здешнего общества, рыцарем не был, хотя его высокий титул позволял обходиться без этого. Осталось еще разобраться, давались ли какие привилегии рыцарям или нет. Тут аналогии скорее можно было найти в России восемнадцатого века, чем в Западной Европе: потомственное дворянство – тиры и личное дворянство – рыцари. То есть одни гарантировали дворянство себе и своим детям, а вторые хоть и были сами дворянами, но на их детей эта привилегия не распространялась. Конечно, продолжая служить честно и непорочно, такие люди имели очень большие шансы получить потомственное дворянство, из-за чего и служили.

Правда, если в России человек по определению не мог быть одновременно и личным, и потомственным дворянином, то здесь никто не мешал быть и рыцарем, и тиром. В общем, немного запутанно, а потому разбираться и разбираться. Володя вздохнул... было бы еще время.

Наконец их кавалькада выехала к берегу, где на довольно большом пустыре и происходило обучение. Подъехав поближе, Володя некоторое время смотрел, как сержанты гоняли людей, заставляя их держать строй. А вон там обучали действовать копьями и щитами. Обучались здесь по тем наставлениям, которые давал Володя офицерам... хм... бывшие рабы и преступники, вызвавшиеся защищать город в обмен на свободу. Только вот командовать ими никто не хотел. Все благородные воротили носы: командовать рабами? Фи! Как можно?!

Правда, нет худа без добра. Увидев такую реакцию при попытке назначить офицеров, Володя обратил внимание на самих бывших рабов. И уже из них продвигал отличившихся, получив возможность возвышать людей, опираясь на их личные качества, а не на происхождение. Даже времени не пожалел, чтобы наблюдать за ними на первой тренировке. Заметил самых активных, собрал, поговорил, обсудил возможные способы применения новых приемов в обороне города, выслушал предложения, после чего и назначил командира и старших офицеров. А дальше уже они должны были назначить остальных. С этого подразделения Володя и начал реформу армии – раз уж получил в свое непосредственное подчинение отряд, который никак не связан местными традициями в военной области, то не воспользоваться этим было бы грешно. Пусть многие рабы и служили раньше, но... Для начала он долго растолковывал назначенным офицерам ту организационную структуру, которая ему нужна, какие отряды должны быть в полку (новое понятие, введенное им), расписал воинские звания. Здесь до такого еще не додумались. Все благородные на командирских должностях – офицеры. А там... командир копия в коннице. Копье – сорок... пятьдесят... сто человек, кто сколько может содержать. В общем, бардак полный и кошмар для снабжения. Однако в коннице хоть какой-то порядок имелся, в пехоте и о таком не думали. Потому основной тактической единицей являлась толпа, для удобства разбитая на весьма условные сотни и десятки, над которыми и назначались старшие. Пехоту обучали плотному строю, чтобы она могла сдерживать натиск латной конницы, и считали, что этого довольно. Ну, еще на ней были такие скучные для благородных дела, как охранение, служба в крепостях, фуражировка.

Получив в свое подчинение примерно шестьсот человек, Володя решил изменить такое положение и принялся за создание полноценного боевого подразделения, способного исполнять самые разнообразные боевые задачи. Потому не пожалел почти суток на то, чтобы обсудить будущую структуру. Пожалуй, впервые в армиях этого мира появилось инженерное подразделение внутри боевого, подразделение обеспечения. Потом уже обдумывали методы подготовки и чему учить. Конечно, три дня слишком мало, чтобы сделать подразделение боееспособным, но Володя с радостью отмечал, что, в отличие от других ополчений, здесь более-менее соблюдался порядок. Отряды перемещались отдельными группами и даже пытались выдерживать строй (м-да-а... ну, еще научатся). Вон человек тридцать – взвод – отрабатывали оборону в окружении, встав плотной группой, но так, чтобы не мешать друг другу, и ошетилив-

пшсь короткими копьями. Вон там отрабатывали действия в наступлении... глаза б не видели. Уже через несколько шагов выстроенная с таким трудом ровная линия строя нарушилась – кто вырвался вперед, кто замешкался. Сначала по строю пошла волна, потом образовались разрывы.

Идея о том, что пехотное подразделение в бою может вести наступление, выдерживая строй, для местных оказалась самой дикой. Обычно пехота держала первый натиск в строю, разбивала вражеские ряды, а потом устремлялась вперед толпой, соблюдая порядок только в первые минуты, после чего бой распадался на множество поединков.

«Тут для нас и плюс! – говорил Володя назначенным офицерам. – Мы должны обратить особое внимание на подготовку действий солдат небольшими группами. У нас есть отделение – восемь человек. Вот пусть они в таком бою восьмерками и действуют. В такой схватке спаянная группа дорогого стоит! Пусть врагов больше, но в хаосе битвы в конкретный момент времени они всегда будут проигрывать. Однако! Лучше всего дело до таких схваток не доводить. Вот тут я набросал кое-какие движения подразделений, которые должны быть отработаны до автоматизма. Пока только это, самое очевидное и простое. Твердо стоять в обороне, держать строй в наступлении, слушать команды. Сигналы трубачам разработайте сами».

Сейчас Володя и наблюдал результаты... точнее, практически полное их отсутствие. Но чего можно ожидать за такое короткое время? Может, не стоило заморачиваться? Поздно уже.

К сидящему на коне мальчику подскочил командир подразделения, не очень умело вскинул руку в воинском салюте... Володя еще в день знакомства показал и объяснил суть этого приветствия. Всем понравилось, и отдавание чести теперь постепенно внедрялось во всем отряде.

– Господин командующий, отряд отрабатывает взаимодействие...

Володя махнул рукой:

– Вижу. Лигур, отбери человек пять и отправь их к тюрьме. Там сейчас склад образовался, мы тут кое-что конфисковали у предателей. Приказ я отдал, так что там вас ждут. В общем, берите сто арбалетов, запас стрел к ним и мечи.

– Неужели арбалеты, милорд? Значит, мы можем полностью укомплектовать подразделение арбалетчиков?

– Да. Потом начинайте отработку. Инструкторов я пришлю. Думаю, из отряда Конрона кто-нибудь согласится нам помочь. И еще... Лигур, надо ускорить тренировку. У вас есть семь дней, а потом бой... Очень серьезный бой.

Офицер задумался.

– Я понял, милорд. Но у нас по-прежнему не хватает доспехов... то, что нам выдали на складах, никуда не годится. Кожа почти сгнила, все рассыпается, металл проржавел.

Володя вздохнул.

– После разгрома барона Розентерна у ополченцев с доспехами стало лучше, но их не хватает даже для городской милиции. Где я тебе доспехи возьму? Привлеките портных, кузнецов, пусть приводят в порядок то, что есть.

– Все кузнецы заняты...

– Лигур, по-твоему, я бог? У тебя голова есть на плечах, вот и крутись! Или ты всерьез думаешь, что я не даю вам снаряжение, потому что считаю бывших преступников и рабов мясом на заклание?

Под пристальным взглядом Володи Лигур отвел глаза. Судя по всему, так и считал. Да и как иначе? Сам бы он на месте руководителей обороны так бы и сделал. Только вот у Володи были на этот отряд совсем другие планы, о которых пока не стоило говорить.

– Нет, милорд.

– Врешь. Но ладно, оправдываться не собираюсь. Занятия вести день и ночь до полного изнеможения! Перед боем у вас будут сутки на отдых, отоспитесь – это я вам обещаю. А пока занятия, занятия и занятия. И если ты действительно хочешь, чтобы твои подопечные выжили

в бою, ты их шадить на тренировках не станешь. Семь дней, это слишком мало, чтобы терять время попусту. А пока, – Володя соскочил с коня и направился к замершему строю солдат, которые отрабатывали атаку, – я покажу кое-какие действия в строю... Как со щитами?

– Еще не у всех есть, – отозвался Лигур, – но через семь дней будут у всех – делаем, как вы говорили. Получаются прочные, но тяжелые.

Один из солдат по знаку Володи подскочил к нему и протянул щит, похожий на щит римских легионеров. Князь внимательно осмотрел его, прикинул вес, насколько удобно держать, напрягшись, даже поднял. Нет, для него тяжеловат. Отложил и осмотрел другое вооружение солдата. Если не считать отсутствия нормального доспеха, все остальное более-менее. Небольшой меч, хотя и из дрянного железа. Очень дрянного, да еще и сделанный кривыми руками. Но меч – это последний аргумент. Копье около двух метров... Вот с чем проблем не было, так это с копьями – этого добра на складах столько, что можно вооружить чуть ли не весь город.

– К бою! – скомандовал Володя.

Солдат моментально подхватил щит, закрылся им, выставил вперед копье. Вокруг уже собрались сержанты и командиры подразделений. Знали, что сейчас начнется урок, который им надо будет передать подчиненным. Володя обошел со всех сторон солдата, разглядывая его стойку, встал перед ним.

– Щит низко держишь, все лицо открыл.

Солдат моментально поднял его повыше. Володя вытащил мечи и чуть ударил по копью в попытке отвести его в сторону, но солдат держал его крепко и твердо. Володя удивился:

– Воевал?

– Был солдатом, попал в плен.

– Понятно. А что ты будешь делать сейчас?

Мальчик вдруг рванулся вперед. Отвел мечом копье, приблизился почти вплотную и тут же кубарем покатился по земле от мощного толчка щитом. Кончик копья замер у его горла. Володя даже растерялся... не ожидал, потому не сразу остановил офицеров, которые бросились к солдату. Наконец порядок удалось восстановить. Володя потер саднящую от удара грудь и поморщился:

– Хм... неплохо.

– Щит тяжеловат, – отозвался солдат, – но это вооружение мне привычно. – Похоже, он и сам испугался последствий. Видно, не учел, что милорд как в неизвестном ему анекдоте: сильный, но легкий.

– Ты рядовой?

– Да, милорд.

Володя повернулся к Лигуру:

– Ты говорил, что тебе инструкторов не хватает? Вот тебе готовый инструктор для индивидуальной подготовки. Сделай сержантом и дай ему людей, пусть натаскивает. А теперь по некоторым приемам уже для совместных действий...

Время, время, время... Никогда Володя не ощущал его нехватку так, как в этот день. Если бы он начал командовать обороной хотя бы на неделю раньше... После занятий с отрядом новые дела, на этот раз разбираться с теми, кто готовил восстание. Здесь его и перехватил Конрон.

– Наконец-то, – буркнул он. – Тебя не поймает. Отряды я разослал, так что никто из города теперь не выберется.

– Отлично.

– И еще. Там я распорядился тебе во двор твою долю сгрузить, так что не удивляйся мусору, когда вернешься.

– А... – Володя потряс головой. – Какая доля, о чем ты?

Конрон вздохнул.

– Думал, ты просто замотался и забыл, а оказывается, ты глупый еще. Барона мы разбили? Захватили обозы, много всего, каждому полагается добыча. Мне, как командиру, больше, остальным в соответствии с чином. Понятно, что доспехами не разживешься – они на оборону пойдут, но и остальное немало стоит. Ты же вроде как тоже не последний человек был. Я все гадал, когда же ты свою долю потребуешь. В конце концов, сам распорядился отобрать для тебя все, что положено. Вроде бы все честно... – Конрон задумался. – Там золото, есть какие-то серебряные побрякушки. Еще, поскольку я видел, что тебе нравится читать все подряд, сунул все книги, которые разыскали в обозе. В общем, если меня не надули, там примерно на двести крон.

Володя даже растерялся от такого известия. Он уже давно подумывал об источниках получения денег. Ему с собой дали достаточно золота для того, чтобы устроиться в новом мире, но его все равно конечное количество. А тут... двести крон действительно огромная сумма по местным меркам. М-да... выгодное дело, оказывается, война. Только... очень уж этот способ на грабеж смахивает. Однако в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

– Спасибо, Конрон, когда вернусь, гляну. Только дел полно.

– Я там распорядился охрану выставить, так что не растащат. Ты вообще обедал? Так я и думал, поехали, заодно поговорим о кое-каких деталях.

Обсуждение деталей заняло весь обед, еще долго спорили после. Но, в конце концов, пришли к общему мнению, и Володя с чистой совестью отправился навестить Аливию, переложив все заботы на Конрона. У дома его и перехватил Джером.

– Я отыскал нужного человека, – сообщил он, неожиданно появившись из-за угла забора. Охрана дернулась, но вовремя разглядела слугу князя.

Володя поморщился, мысленно он уже был далеко от всех дел.

– Ты о чем это?

– Милорд, вы спрашивали про человека, который должен выполнить важное задание и доставить сообщение.

– А-а-а. И где он?

– Тут, неподалеку. Он согласился сделать дело в обмен на...

– Неважно сколько. Если сделает, ему заплатят.

– Нет-нет, милорд. Никаких денег.

Сообразив, чем вызвана заминка, Володя вздохнул, покосился на уже видный отсюда дом купца, потом соскочил с коня и отошел вместе с Джеромом в сторону, чтобы их не могли слышать.

– Так в обмен на что он согласился нам помочь?

– В обмен на то, чтобы вы наняли его своим слугой.

– Если это не очень обременительно, тогда... что?!

– Понимаете, милорд, к уличным разбойникам этот человек попал совершенно случайно... Я бы даже не стал беспокоить вас, если бы не одно обстоятельство. Он из хорошей семьи, его отец занимался торговлей, имел неплохой доход и сумел дать детям хорошее образование. Однако с его смертью дела пошли не столь удачно...

– Короче, сынок умудрился разориться. Это не слишком хорошо его характеризует.

– Ну... не все умеют торговать. Я, например, тоже разорился бы, но это не значит, что у меня нет других достоинств. – Джером горделиво выпрямился и поправил шляпу.

Володя хмыкнул:

– Да, некоторые твои достоинства обсуждает, наверное, вся женская половина города.

– Неправда! – Джером возмущенно вздернул голову. – Ничего подобного не было! И вообще, милорд, у их мужей нет никаких доказательств!

– Не сомневаюсь. – Володя снова глянул в сторону дома Осторна. – Но мы ведь тут стоим не для того, чтобы обсуждать твои моральные качества?

– Да-да. Так вот, сей молодой человек весьма неплохо образован, знает несколько языков... Я бы рекомендовал вам его в качестве секретаря...

– Вот как?

До этого дня Володя даже не задумывался о том, чтобы нанять секретаря... А секретарь ему явно не помешает, поскольку дел становится все больше и он просто тонет в них. С учетом же того, что нормально писать и читать по-локхерски он еще не может, очень пригодился бы надежный человек...

– И насколько ему можно доверять?

– Полагаю, что вполне. Да вы сами все поймете. Жизнь изрядно поиздевалась над ним, несмотря на его молодость. После того как он разорился, все его имущество было продано с молотка, вырученных средств едва-едва хватило на то, чтобы выплатить долги. От горя вскоре умерла мать. Сам он сначала пытался работать в порту, но его телосложение не позволяло этого.

– Его выгнали за то, что не мог работать наравне с остальными. Джером, давай без всяких иносказаний, у нас мало времени.

– Да, милорд. В общем, очень быстро он потерял все, что имел, а потом попал к Пентону. Тот держал его на положении раба, который подсчитывал доходы, вел финансовый учет. После того, как мы разгромили банду Пентона, он достался Крейсу. Когда я искал нужного человека, чтобы выполнить ваше задание, он услышал и предложил себя в обмен на его спасение от бандитов. К тому же, как я понял, вы, милорд, очень сильно его заинтересовали. Крейс отзывался о вас очень уважительно, а это дорогого стоит...

– Крейс... С ним что-то надо делать. Кстати, с чего бы это?

– Это не мои слова, а Винкора. Так зовут того человека, про которого я вам рассказываю. Он говорит, что Крейс очень опасается вас.

– Вот как? Значит, что-то почувствовал. У таких людей бывает поразительное чутье на неприятности. Надо бы ускорить сюрприз.

– Милорд, вы уверены...

– Уверен. И тебе, Джером, придется этим заниматься. Мне нужен Крейс, но нужен вот здесь. – Володя сжал кулак и продемонстрировал его. – Чтобы даже чихнуть без позволения не мог. Так что там про Винкора? Ты его рекомендуешь?

– Да, милорд.

– Уверен, что он справится с заданием? Судя по всему, он не очень-то хорош. Неудачник.

– За его верность я готов поручиться... Что же касается дела... Он будет стараться.

Это очень! Очень! Обнадёживает. «Я старался!» – замечательные слова, которые можно будет высечь над развалинами Тортона.

– Ладно, веди его. Только не сюда, а к Осторну, там я с ним и поговорю. Если решу, что он подходит, тогда сделаю, как ты просишь. Как, говоришь, его зовут?

– Абрахим Винкор.

– И он занимался торговлей? Значит, Осторн мог что-то о нем слышать. Поспрашиваю еще и его.

Не успел Володя подойти к двери, как та распахнулась перед ним и у него на шее повисла визжащая от радости Аливия. Мальчик попятился и едва не уселся на землю, но с трудом удержал равновесие.

– Ну, ты и бегемотик.

– Что?! – Аливия отпустила Володю и возмущенно уставилась на него.

– Шутю, – рассмеялся тот и подхватил девочку на руки.

– А я тебя в окно увидела! А ты... ты... ты ни вчера вечером не пришел, ни сегодня утром! А я ждала! Я так ждала!

– Ну-ну. – Володя плюхнулся в комнате на скамейку и усадил Аливию рядом. – Извини, но честное слово, я не мог прийти. Надо очень много сделать. Привет, Руперт.

Тот кивнул и стал поспешно собирать со стола какие-то бумажки. Заинтересованный Володя взял одну, бровь удивленно поднялась, за ней вторая. Мальчик глянул на потупившего Руперта и на смущенную Аливию.

– Простите, милорд, – поспешно заговорил Руперт, – я не думал, что вы будете возражать... Просто тогда сестра так быстро все подсчитала и нашла ошибку... Я заинтересовался тем необычным счетом.

– А кто сказал, что я буду возражать? – удивился Володя. – Просто не ожидал. Значит, Кнопка, выступаешь в роли учителя? И как успехи?

– Он глупый! – выпалила девочка, возмущенно уставившись на брата. – Никак не хочет понять, что такое ноль!

– Я глупый?! – Руперт готов был терпеть такое от сестры, когда они были одни, но не при госте...

К счастью, в гостиную вошел Осторн с женой, и спор мгновенно угас. Осторн тоже глянул на листы.

– Действительно, необычный счет. У вас на родине все так считают?

– Да. Это намного удобнее, чем ваша система.

– Вы, милорд, не откажете в просьбе... не научите меня этому счету?

– Хм... Вроде бы вы возражали против этого – не очень доверяли нововведению.

– Я возражал против учебы Аливии. – Купец вздохнул. – Что касается счета... Когда эта вот пигалица за десять минут свела баланс, на который Руперт до этого угробил целый день, и еще неизвестно, сколько потратил бы дальше... Полагаю, это лучшее доказательство эффективности нововведения. Я готов оплатить уроки, милорд.

– Мне кажется, Аливия неплохой учитель... – Тут Володя заметил выражение лица купца и осекся. Принимать уроки от дочери... После такого ему трудно будет доказывать свое видение ее будущего. – Я не против, Осторн. У меня как раз есть свободное время. Да и отвлекаться немного не помешает от дел. Кое-кому тоже не помешает вспомнить уже пройденное, чтобы многоуважаемый учитель не зазнался ненароком и не вообразил, что уже все знает.

Аливия что-то возмущенно пискнула, но тут же притихла под насмешливым взглядом друга. Потом молча встала и принесла новую стопку бумаги, заправила чернильницу. Володя придвинул один лист, на мгновение задумался и быстро набросал несколько уравнений, составил задачу и протянул лист девочке. Та осторожно придвинула лист к себе и старательно засопела, разбирая буквы...

Володя повернулся к Осторну:

– Что касается оплаты... Деньги мне не нужны, но ваше имя... Вы можете, если это понадобится, отрекомендовать меня своим собратьям, с которыми вы имеете дело?

Теперь уже Осторн задумался. С одной стороны, в преимуществе нового счета он имел возможность убедиться, с другой – рисковать своим именем в случае, если князь задумает что-то не очень честное... Тут он глянул на дочь, старательно что-то писавшую на листе, высунув кончик языка, потом на князя, который искоса с непонятной грустью наблюдал за ней. Вспомнил слова Аливии по поводу того, что родители князя были убиты вместе с его младшей сестрой...

– Хорошо, милорд. Я верю, что вы не воспользуетесь моим доверием, чтобы навредить партнерам.

– Для вас это было бы не очень хорошо, да?

– Слово купца высоко ценится среди других торговцев, – степенно отозвался Осторн. – Тот, кто начинает хитрить и обманывать ради сиюминутной выгоды, долго не продержится. Доверие слишком дорогая вещь, чтобы терять его из-за денег.

– Поскольку принести оно может гораздо больше, – согласно кивнул Володя. – Не волнуйтесь, уважаемый Осторн, я тоже знаю цену доверию, чтобы разрушать его, еще даже не приобретя.

Джером с гостем появился в самый разгар учебы, когда Осторн и Руперт усиленно заучивали начертание цифр, а также тренировались составлять из них числа. Володя кивнул Джерому и попросил немного подождать. Коротко объяснив правила сложения и вычитания, Володя набросал несколько примеров, после чего попросил Осторна предоставить какую-нибудь комнату для разговора. Купец, уже уловивший суть математики с арабскими цифрами и горевший желанием как можно скорее попробовать новые знания на практике, просто велел слуге отвести гостей к нему в кабинет.

Там Володя занял одно из кресел, пододвинув второе гостю. Джером остался стоять у двери, на всякий случай, обеспечивая конфиденциальность.

Абрахим Винкор оказался молодым человеком лет двадцати пяти, хотя и выглядел старше. Видно, жизнь изрядно потрепала его. Под пристальным изучающим взглядом Володи он смутился и попытался отвести глаза, но, заметив, что князь недовольно поморщился, все-таки выдержал. Мальчик сидел в кресле, положив правый локоть на подлокотник и подперев голову. Шли минуты, а князь продолжал молчать, по-прежнему изучая гостя. Тот с каждой секундой нервничал все сильнее и сильнее. Вот заерзал на сиденье, подвинувшись на самый краешек. От двери Джером удивленно посматривал на своего господина, но ни о чем не спрашивал, благоразумно решив, что странности господ целиком их дело и слугам лучше делать вид, что так и должно быть. Молчание стало уже просто угнетающим, хотя князю оно вроде бы совершенно не мешало. Вдруг он резко поднялся и навис над Винкором.

– А ну, говори, что тебе велели сделать и кто приказал втереться ко мне в доверие!

Винкор от испуга подпрыгнул, промахнулся мимо кресла и плюхнулся на пол, втянув голову в плечи.

– Молчишь?! Хочешь с палачом познакомиться? Это мигом!

– Ми... милорд... – Зубы выбивали дробь. – Я не... я ничего... мне никто...

Володя вдруг разом успокоился и вернулся на место.

– Джером, ты уверен, что он справится?

– Гонец не обязан быть храбрым, милорд.

– Он должен хорошо соображать, прежде всего, и соображать быстро. Ты объяснил ему, что требуется?

Вместо Джерома заговорил сам Абрахим:

– Уважаемый Джером сказал, что подробности вы объясните лично, но я тут немного подумал... Полагаю, вы хотите отправить меня к родезцам...

Володя с возросшим интересом глянул на гостя.

– С чего такой вывод?

– Он искал человека, который говорит на их языке. Я родился на границе, милорд, а потом вместе с отцом пять лет жил в Родезии. На их языке я научился говорить даже раньше, чем по-локхерски.

– А еще какие языки знаешь?

– Общий имперский – тралийский, язык Островного Союза – имерийский, еще корвийский... это язык страны, которая граничит с Локхером на северо-западе.

– С мятежной провинцией?

– Совершенно верно, милорд.

– А почему ты эту страну выделил?

– Простите?

– Ты перечислил языки. Про имперский понятно. Я уже в курсе, империя тут одна, и не зная ее язык для купца совершенно невозможно, поскольку она мало того что крупнейший

рынок на континенте, так еще через нее идет множество караванных дорог на восток и юг. Язык Союза Островов, тоже понятно, полукупцы-полупираты, они держат в руках морскую торговлю. А вот корвийский язык ты назвал, но тут же уточнил, кому он принадлежит и где находится страна.

– Я подумал, что это вас заинтересует, милорд...

– Возможно. Но продолжай.

– Ну, вот... я сразу понял, что нужен кто-то для разведки...

– И ты думаешь, что сгодишься? Что ж... Я сейчас обрисую твое задание, но прежде...

Уважаемый Абрахим Винкор, ты сейчас можешь в последний раз отказаться без всяких последствий для себя. После того как я скажу, в чем заключается задача, ты тоже сможешь отказаться, но следующие несколько дней придется провести в очень уютной камере городской тюрьмы...

– Я согласен. Я готов на все, лишь бы убраться от этих...

– Милых и добрых людей. Понимаю.

– Если вы согласитесь принять меня на службу, я... клянусь, у вас не будет преданней слуги, милорд!

– И почему ты хочешь стать моим слугой?

Абрахим на несколько секунд задумался, потом решительно тряхнул головой, словно в омут бросаясь.

– Вы необычный, милорд. Вы вряд ли меня замечали, но я был в одном из отрядов ополчения и мог за вами наблюдать... Не подумайте ничего плохого, милорд, просто... Мне показалось, что вы... что вы можете идти против течения. Вы ведь уже знаете мою историю... Я так и не смог оправдать надежд отца... Я говорил ему, что не гожусь.

Абрахим перескакивал с темы на тему, с наблюдений за князем на воспоминания о своем детстве. Володя не перебивал и слушал самым внимательным образом, понимая, что именно сейчас он сможет узнать о человеке очень много. Основная проблема большинства людей – неумение слушать других. Все готовы часами говорить о себе, любимом, но не слушать другого. Володю научили слушать и научили делать выводы из того, что говорят. Сейчас же для него весь этот поток слов был ценнейшим источником информации, хотя Джером и морщился, удивляясь, что господин не заставил заткнуться этого нытика и болтуна.

Тот наконец выдохся и замолчал. Володя тоже молчал, обдумывая и анализируя. В общем-то, ему сразу стало ясно, что этот человек по складу характера органически не мог возглавлять что-то, что требовало принятия каких-то решений, зато на вторых ролях был незаменим. Жаль, что его отец этого не понял. Сын был отличным помощником, исполнительным, точным, в меру самостоятельным в принятии решений, умел отыскивать необычные ходы... из-за этого покойный и посчитал, что из сына выйдет отличный купец. Но стоило ему оказаться на первых ролях и... полная растерянность. Лишившись того, кто указывал ему направление, Абрахим заблудился в различных вариантах развития дел, хватаясь то за одно, то за другое, долго колебался в выборе, пока не становилось поздно. Отсюда и все беды. Будучи же умным человеком, он и сам это понял, хотя поздно. Теперь же он искал того, к кому можно примкнуть, кому могут пригодиться его знания. Чужеземный князь? А почему бы не рискнуть? К своим-то благородным не примкнуть, те его и на порог не пустят. Купец? С его репутацией только на должность подай-принеси. Да и от местных бандитов они его не защитят. Только бежать.

– Я понял. Пожалуй, я соглашусь тебя принять. Мне нужны помощники, но...

– Я выполню эту задачу.

– Хорошо. В таком случае придется тебе побыть посланником от местных родезских шпионов к герцогу Дорну Ансельму. Точнее, не к нему самому, а к тому, кто возглавляет первый отряд кораблей, который ожидается завтра. Твоя задача доставить ему вот это письмо, – Володя аккуратно положил на стол свиток, – и убедить его сделать одну вещь... Точнее, две. Первая – убедить его высадиться там, куда я покажу. Второе, что нужно будет сделать, – убе-

дить после высадки отправить герцогу Дорну Ансельму послание определенного содержания. Поскольку ты посланец от местных шпионов, ты автоматически станешь главным специалистом в десанте по обороне города. Что нужно будет говорить командиру родезцев, мы сейчас с тобой обсудим... если ты по-прежнему согласен. Сам понимаешь, что если тебя разоблачат...

– Я согласен, милорд.

– Хорошо. Джером, будь добр, посмотри, чтобы нас никто не подслушал. Кстати, Абрахим, после того как мы закончим, ночевать тебе придется здесь, а завтра поедешь прямо с утра.

Джером неохотно вышел из комнаты и закрыл дверь. Жаль, а так хотелось услышать, что же там такого придумал князь, чтобы заставить родезцев сделать то, что от них требуется. Он сейчас дорого бы дал, чтобы услышать этот разговор, однако, несмотря на все любопытство, ему даже в голову не пришла мысль подслушать – боялся.

С Абрахимом Володя разговаривал часа три, разучивая с ним легенду, слова, которые надо сказать, в чем именно нужно убедить вражеского командира. Потом перепроверял, как тот запомнил. Этой части операции он придавал настолько большое значение, что послал подальше даже Конрона, когда тот заявился обсудить некоторые спорные моменты в будущей обороне. Тот, переговорив с Джеромом, понатливно покивал и поспешно ушел, а Володя вернулся в комнату, даже не заметив купца, которого такая оккупация личного кабинета явно не обрадовала. Мысленно тот уже проклинал момент, когда выделил для приватной беседы именно эту часть дома.

– Запомни, чем меньше врешь, тем меньше шансов, что тебя поймают на лжи. Потому ради всех богов не придумывай свою биографию! За каким чертом...

– Простите, а кто такой черт, милорд?

Володя устало плюхнулся на кресло.

– Повторяю вопрос: зачем ты приплел свои воображаемые заслуги перед родезской короной?

– Чтобы мне больше поверили.

Володя на мгновение задумался. Может, поискать кого получше? Но время! Время! Все упиралось в него. Утром гонец уже должен отправиться в путь, иначе все псу под хвост.

– Слушай сюда. Разговаривать ты будешь не с идиотами, и твоя ложь их не обманет. Потому запомни: правда, правда и ничего, кроме правды. Почти... В городе же тебя завербовал Раймонд. Поскольку особой любви к локхерской короне ты не питал, то ничего страшного в том, чтобы заслужить надежду избавиться от бандитов таким образом, не видел. Раймонда мы навестим завтра перед твоим путешествием, чтобы ты в случае необходимости смог его описать. Характерные его словечки, которые он часто употребляет в речи, я тебе тоже скажу. На кораблях его могут знать, и именно это придаст твоим словам больше доверия, а не мифические подвиги во имя Эриха. Теперь сначала.

Абрахим на миг замер.

– Говори! – чуть ли не прорычал Володя. – Никаких заминок! Если не знаешь, что говорить, начинай говорить любую чушь, а потом сориентируешься. Любая заминка после вопроса вызывает сомнения в правдивости собеседника.

Винкор вздохнул и уже без задержки стал рассказывать свою историю. Пока говорил о жизни, все было хорошо, но вот подошел к легенде – и снова заминки. Но, по крайней мере, надолго не замолкал, по совету князя заполняя пробелы словесным мусором. Володя одобритительно кивнул. Получив вполне приличное образование для своего времени, Абрахим достаточно хорошо владел словом, чтобы весь словесный мусор смотрелся в его речи вполне органично и не казался чем-то надуманным. Володя так по-локхерски точно бы не смог, еще не владел этим языком настолько искусно. Изредка Володя вмешивался и поправлял.

– Хорошо, – наконец заявил он. – С легендой вроде бы все нормально. Теперь... Вон там, на столе, бумага, перо и чернильница. После сядешь и все это для лучшего запоминания

напишешь. Подробно не надо, только основное, тезисно. – Абрахим уныло кивнул, но в спор вступать не рискнул. – Теперь же то, ради чего ты туда отправишься. – Мальчик достал из сумки свернутый лист и аккуратно положил перед Винкором. – Вот это донесение Раймонда о текущем положении дел в Тортоне.

– Обман?

Володя поморщился.

– Не перебивай. Зачем обман? Правда, и только правда. Тут рассказ о бое и разгроме авангарда под командованием Розентерна. Лжи тут нет. – Почти. Совсем чуть-чуть. Ложь тут не в описании, а в некоторых словах, призванных повлиять на решение вражеского командира. Но говорить об этом посланцу не стоит. – Я не хочу в чем-то обмануть врагов. Я хочу заставить их совершить определенные действия.

– А если они не совершат этих действий?

– Совершат. У них нет выбора. Если, конечно, ты ничего не напутаешь.

– Милорд... – Винкор снова задумался. – Я вот что не пойму... А как я буду этот флот ловить? Он же в море...

– Надо же... сообразил. А кто тебе сказал, что я тебя на корабли отправляю? Нет, на корабли ты тоже попадешь, но позже. Пока твоя задача проникнуть в замок, где обосновались остатки разбитого авангарда. Вот тебе еще одно письмо, которое ты передашь командиру, а еще отдашь этот пакет.

А вот в пакете была совершенная ложь. Точнее, подделки – письма Раймонда к Розентерну, в которых тот якобы советовал воздержаться от нападения на город, поскольку подзревал ловушку. Там же были и ответные письма барона (подлинные), в которых тот советовал заниматься своими делами и не лезть в военные вопросы. Как понял Володя, это письмо было передано для зашифровки. Шифрованное письмо потом отправили, а это осталось в шкатулке у барона. Все эти бумаги и попали теперь к Володе. Он составил винегрет из подлинников и подделок, в которых разобрался бы разве что сам барон. Шкатулку же, конечно, спас лично Раймонд после разгрома. Не все, но часть архива выволить сумел, поскольку мужланы-ополченцы, разграбившие воз барона, ни фига не поняли, что попало им в руки, и продали все за гроши.

– В общем, все понял? Передашь ему это письмо и этот пакет. Офицер там должен знать, где назначена встреча с кораблями. Выбираешься из замка и едешь туда, где и встречаешься с посланцами.

– Э-э... а откуда вы знаете, милорд, что тот офицер знает?.

– Знаю. Откуда – совершенно не важно. И вообще, учись сам думать. Если силы разделяют на три группы, значит, у них должна быть общая точка, через которую они смогут скоординировать действия. Не наугад же плывут корабли? Значит, есть место, где они должны будут подобрать гонца от барона с тем, чтобы тот познакомил их с ситуацией, а также указал место высадки десанта.

Разговор шел еще долго, и в течение всего этого времени Володя, как мог, объяснял, что он хочет от Винкора. Закончив, попросил Осторна выделить тому комнату, в которой Абрахима и усадили с чернилами и кипой бумаги.

– Все напишешь и дашь мне. На отдельном листе записывай все вопросы, которые возникнут. Завтра среди родезцев поздно будет задавать их.

Закончив с этим делом, Володя вернулся в гостиную. Сел на скамейку и закрыл глаза. Аливия немедленно пристроилась рядом. Видя, что мальчик утомился, она ни о чем спрашивать не стала, а просто ухватила его за руку. Володя слабо улыбнулся. Осторн и Руперт решили пока не приставать с новым уроком математики и тихонько сидели за столом, обсуждая, куда можно пристроить эту новую систему счета и что нужно будет изменить в бухгалтерских книгах.

Снова появился Конрон.

– Я сейчас за городом был, – с порога сообщил он, заметив Володю. – Виделся там с твоим... этим... Филиппом. Тот просил передать, что тропу на холм они прорубили и скоро начнут поднимать первый требуше. Сейчас там костры готовят, поскольку до темноты боятся не успеть поднять все. Пока же вершину ровняют и устраивают настилы, ставят частокол.

– Хорошо. А что с фортом?

– Это ты так называешь ту крепостицу между городом и тем холмом? Я посоветовал Филиппу найти фортификатора – в городе должен быть ответственный за содержание укреплений. Тот сейчас там и работает. Наметили расположение, навезли всяких инструментов.

Володя нехотя поднялся.

– Надо бы съездить, посмотреть. Этот фортификатор, может, и знает свое дело, но не знает моих планов. Лучшее место с точки зрения расположения крепости вовсе не означает, что оно лучшее и для наших планов. Поехали.

Конрон выругался. Володя поспешно зажал уши девочке и так глянул на тира, что тот замолчал и виновато пожал плечами.

– Я ж только что оттуда, – объяснил он. – Устал как собака, думал отдохнуть чуток. Да и голодный как волк.

– Посмотрим и сразу вернемся. Тогда и поешь.

Глава 6

На следующий день, ближе к обеду, Володя стоял на вершине холма и в бинокль обозревал бухту. Позади стучали топоры – рабочие заканчивали оборудование позиций, подрубали впереди стоящие деревья, чтобы их можно было свалить одним движением. Пока же они неплохо маскировали установленные требуше и «скорпионы». Вообще позицию подготовили с толком и весьма основательно. Просто удивительно, как все это успели повернуть всего лишь за сутки. Насыпь для метательных машин, перед ней вырыли небольшой ров, земля из которого пошла на дополнительную земляную стену, укрепленную частоколом – спиленные деревья не пропали даром. Сделали настилы и под станки. Вот заскрипели колеса, раздался зычный голос возницы, и из-за дерева неторопливо вышла каурая лошадка, таща за собой телегу, груженную большими стрелами для «скорпионов». Стрелы для удобства перевоза увязывались в пучки по десять штук. Теперь их торопливо разгружали, разнося поближе к установленным «скорпионам». Такие стрелы везли с запасом, а вот камней для требуше все еще не хватало, хотя Филипп клятвенно заверил, что через час все будет.

Заскрипели ворота, и груз требуше плавно пошел вверх. Не очень удачная система. Да и груз закреплен жестко, а не подвижно, что снижало эффективность и дальность. Володя еще в городе поговорил на эту тему с главным инженером по машинам. Тот сначала слушал недоверчиво, а потом задумался.

– Мне переделать их? – поинтересовался он тогда.

Володя покачал головой.

– Времени нет. Просто на будущее. Начинать делать новые машины... поменьше этих, но на основе тех принципов, о которых я рассказывал. Мне не нужна мощь, мне нужна скорострельность. Тем более ваши города, за редким исключением, имеют не очень качественную кладку стен, судя по тому, что я слышал.

На это инженер ничего не сказал, но потом периодически подходил с каким-нибудь вопросом. В этих вот машинах мальчик видел многие из тех нововведений, про которые он говорил с инженером. Правда, они не носили кардинального характера – только то, что можно было сделать быстро. Но мелочь к мелочи, и боевая эффективность «скорпионов» и требуше заметно повысилась. Новые ворота, опять-таки, предложенные Володей, сократили время перезарядки.

Вот требуше привели в боевое положение, проверили, как лежит снаряд, дернули за веревку. Мальчик быстро глянул на часы – десять минут на зарядание. Противовес медленно, словно нехотя, пошел вниз, но скорость все выше и выше, длинный рычаг качнулся и резко вознесся, увлекая за собой пращу со снарядом. Вот камень вырвался из плена и устремился вперед... Володя припал к биноклю.

– Перелет метров на сорок, – сообщил он.

Инженер кивнул и кинулся к требуше, добавив на крюк дополнительное кольцо. Из пяти требуше не пристрелянным остался один, им сейчас все и занимались. Со «скорпионами» проще – их можно наводить. Потребовалось совсем немного времени, чтобы достичь требуемой точности.

Пока машину перезаряжали, мальчик подозвал командира.

– В общем, получается на зарядание около пятнадцати минут. Гм... неважно, все равно время не замеряете. Но вы все видели и сами. Подбирайте темп такой, чтобы в тот момент, когда последний требуше выстрелит, – первый был уже заряжен и готов к стрельбе.

– Э-э... милорд, я прошу прощения, а зачем...

– А затем, чтобы неприятель находился под обстрелом постоянно! Камни должны лететь практически непрерывно. «Скорпионы» могут стрелять по готовности – у них скорострель-

ность чуток повыше будет. Если враг не дурак, то от обстрела он укроется вон за тем небольшим холмом. Отправьте туда пяток камней, после чего ваша работа будет закончена. Не знаю, рискнут ли они ночью карабкаться штурмовать эту вершину, но солдат я вам оставлю.

– Хорошо, милорд.

– Зажигательные стрелы подготовили?

– Нет еще, ваше сиятельство, но к вечеру обязательно сделаем.

– Добро. Сегодня утром прискакал гонец с наблюдательного поста – показали корабли.

Хорошо, что ветра почти нет, а на веслах не все идти могут. Еще некоторое время они потратят на то, чтобы получить необходимые сведения... Им станет известно о разгроме Розентерна... Дальше все зависит от того, кто командует авангардом... Впрочем, это неважно...

Тут требуше снова выстрелил, и Володя поднял бинокль.

– Недолет метров десять. Будем считать разлет в пределах погрешности. Еще пару выстрелов для верности, и отправьте кого-нибудь собрать все камни и стрелы, которые мы настреляли... не дай бог еще насторожатся.

Рядом, тяжело дыша, остановился Филипп.

– Ну и тропа, – пожаловался он. – Да еще вся забита телегами и рабочими. Мы пытаемся расширять ее, но это сильно замедляет работу.

– Надо было сразу думать и делать дорогу нормальной ширины, тогда бы ее и колесами меньше разбило. Уже когда я поднимался, лошади с трудом тащили груз. Приходится вполвину загружать телеги, да и разъехаться на ней с трудом можно.

– Все будет нормально, милорд. Еще несколько пней выкорчем, и станет легче. А где совсем разбито, подложили фашины. А еще крепость...

– Что там?

– Насыпь сделали, частокол тоже поставили, тем более этого добра мы запасли столько, что на пяток таких крепостей хватит.

– Ров?

– Почва уж очень твердая, рыть трудно, но ежели еще сутки у нас будут, сделаем.

– Сутки будут точно. Сразу штурмовать город не полезут, остерегутся после Розентерна. Сначала они своих из осады выручат и подготовят место для высадки основных сил. С кольями и «ежами» что?

– Как вы и приказали, от той крепости вкапываем колья и крепим к ним «ежи». Оставили проход к городу только рядом с крепостью... как раз под «скорпионы» и требуше. Ежели еще лучников туда и арбалетчиков...

– Как раз для них крепость и ставим. И командовать ею будешь ты!

– Милорд?

– Хочешь стать рыцарем – работай. Я говорил с Конроном, и он со мной согласился. Сделаешь все в лучшем виде – будешь рыцарем. Как голос короля в Тортоне он имеет на это право.

Сам Володя по своему титулу, равному местному герцогу, тоже имел право произвести любого человека в рыцари, но решил, что лучше, если это сделает локхерец – для местных тиров это будет значить больше.

– Ну... признаться, милорд, с крепостью тут не столько моя заслуга, сколько городского фортификатора. Без него я бы не справился.

Володя рассеянно кивнул. Все это он прекрасно знал.

– Так что там с крепостью?

– Как размещать «ежи»? Можно сплошными рядами поставить, их хватит.

– Да? А как нам отступать? Задача «ежей» не блокировать, а мешать вести правильное наступление.

Мальчик перешел на другую сторону холма и снова поднял бинокль. Видно из-за деревьев было не очень хорошо, но основную проблему заметил, подозревал Филиппа.

– Иногда полезно посмотреть на линию обороны с высоты. Видишь вон там свободное место? Если противник его заметит, то сможет обойти без всякого риска и ударить в тыл. И крепость окажется совершенно бесполезной.

Филипп усмехнулся:

– Будем надеяться, что и враг так подумает.

Мальчик вопросительно глянул на вассала.

– Там волчьи ямы и колья в траве. Еще веревки между ними натянуты. Пушай пробуют.

– Хм... – Володя изучил то место внимательней и покачал головой. – Даже не видно где. Здорово замаскировали. Когда успели?

– Всю ночь копали, милорд. Тоже предложение фортификатора, я хотел просто «ежи» накидать и ров вырыть, там грунт помягче.

– Что ж, замечательно. Тогда в чем проблема?

– В людях! Милорд, я не могу приказать выделить солдат для гарнизона! Сейчас я команду только рабочими, пленными и солдатами охраны.

– Лучники тренируются, а так почти все они твои. Еще из ополченцев выберем и человек пятьдесят арбалетчиков.

– Мало, милорд.

– Извини, но они мне нужны. В будущей операции им отводится важная роль, но посмотрим, может, и не нужно мне столько будет. Сейчас, хвала щедрости его величества Эриха Второго, у нас много арбалетчиков.

Следующие два часа Володя носился между холмом, строящейся крепостью и городом, проверяя, как идет подготовка ополчения, что с установленными на стенах машинами, как продвигается установка «ежей». На бегу его и поймал Конрон.

– Только что приехал гонец от наблюдателей, – с ходу сообщил он. – Корабли пока стоят, не предпринимая никаких действий, километрах в десяти отсюда.

Володя почесал ухо.

– Ты ел? – вдруг спросил он.

– Нет. Как раз собирался.

– Я тоже. Сейчас обед привезли рабочим, поехали на холм, там и поговорим.

Конрон спорить не стал, и вскоре они вдвоем, получив свои порции, расположились около одного из требуше, откуда открывался замечательный вид на Радужную бухту.

– Значит, говоришь, ничего не делают?

– Да. Я поставил наблюдательные посты по всему побережью, и сейчас мои разведчики следят за всеми перемещениями флота.

– Понятно. Что ж, этого следовало ожидать – напролом не прутся, сначала хотят получить все данные.

– То есть ты ждал, что они не полезут сразу? Зачем же тогда торопил со всем этим строительством? Люди уже от усталости чуть не падают.

– Был шанс, небольшой, но был, что там командиром кто-то вроде Розентерна, который решится с ходу влезть в заваруху, а там уже разбираться. Так что лучше поспешить и сделать все раньше, чем потом хвататься за голову. А так... если родезцы не сдвинутся с места в ближайший час, значит, действовать они начнут только завтра.

– И какие же, по-твоему, будут их действия?

– Самым логичным будет высадка десанта и соединение с остатками авангарда барона, запертыми в крепости. Скорее всего мы об этом услышим утром.

– Думаешь, пойдут только утром? – возражать против самого плана Конрон не стал.

– Сейчас они километрах в десяти отсюда... скорее всего стоят в точке, где у них назначена встреча с гонцом от барона. Пока он там не появится, действовать они не будут, по крайней мере, сразу. – Мальчик глянул на часы. – С этим человеком они должны уже встретиться. Час или два потратят на выработку плана в новой ситуации, потом пойдут к удобному месту и высадят там часть сил, чтобы помочь своим, но ночью они сделать этого не смогут... Как только наше охранение заметит продвижение десанта, надо будет бросать осаду замка и двигаться сюда, оставив только наблюдателей.

– Это само собой. Командира я уже предупредил, только недавно вернулся оттуда. – Конрон недоверчиво оглядел зажаренное куриное крылышко, потом решительно впился в него зубами, запив изрядным количеством вина. Володя поморщился. Тир, заметив эту гримасу, хмыкнул. – Молод ты еще, – сообщил очевидное. – Не ценишь хорошее вино.

– Ценю, но не в таких количествах. Как ты можешь столько пить и оставаться трезвым?

– Практика! – гордо сообщил Конрон и снова приложился к кувшину.

«И не очень крепкое вино», – мысленно закончил Володя.

При всей любви рыцаря к выпивке, пить он все же предпочитал вино, разведенное водой. Только на праздниках пил неразбавленное. Наверное, это и позволяло тиру сохранять ясность мысли, несмотря на выпитое. Володя же подходил к выпивке с изрядной долей осторожности. Не отказывался, если предлагали, но одну кружку мог цедить весь вечер.

Тут приехал очередной гонец. Подскочив к Конрону, он что-то быстро ему доложил, после чего умчался к котлу за едой.

– Все еще стоят, – сообщил Конрон. – Я велел докладывать каждые полчаса.

Володя поднялся и стряхнул с себя крошки.

– Значит, до завтра новостей уже не будет. Поеду в город, посмотрю, как идет тренировка ополчения. В этом сражении от пехотинцев будет многое зависеть.

– Давай, – махнул мальчику рукой Конрон. – Если что, где искать?

– Либо на полигоне у северной стены, либо в доме Осторна.

Конрон кивнул и тоже встал.

– Проедусь-ка я к замку, где мы заперли остатки родезцев, еще раз переговорю с тамошним командиром. А то еще устроит героическую оборону.

– Есть такой шанс? – удивился Володя.

– Дорейн, – сообщил Конрон, словно это все объясняло. Но тут же все-таки пояснил: – Отчаянный парень. Я его отца знал, такой же рубака.

– Тогда замени этого Дорейна на кого поспокойнее. Нам еще не хватало сорвать все планы из-за этого отчаянного парня.

– Я тоже об этом думал. Когда я сегодня там был и объяснял его задачу, он с ходу предложил вариант, как можно остановить десант и опрокинуть его в море. Оказывается, он уже всю местность изучил вокруг и нашел пару подходящих мест.

– Тогда тем более гони его оттуда.

– Пожалуй, ты прав. Мне кажется, он так и не понял, что наша цель не этот отряд, а вся армия...

– Наверное, потому что ты еще сам в это не веришь, – заметил Володя.

– Не то чтобы не верю... просто... Впрочем, ладно. Давай, езжай уже.

Володя вскочил на коня...

Сначала к лучникам, проверить, как идет тренировка. Люди чуть не падали от усталости, несмотря на регулярный отдых, но продолжали тренироваться. Отряды приобрели уже почти оформившийся вид и даже слушались команд офицеров... иногда. Впрочем, по сравнению с прошлым разом это можно считать прогрессом. А вот его отряды из бывших рабов уже почти превратились в боеспособную армию. Почти. Все решит первый бой, но в их тренировках уже

виделась будущая структура совершенно новой для локхерцев пехотной армии: структурированной организации, слаженной и подготовленной.

– У нас есть еще этот день и завтрашний, – сообщил Володя командиру. – Потратьте его с толком. Основное внимание действиям восьмерок – будущий бой будет свалкой, где такие маленькие, но слаженные подразделения получают большое преимущество.

Лигур кивнул.

– Нам не хватает доспехов, милорд.

– Да знаю я, Лигур! Но где я их возьму? И так все склады уже опустошены! Сколько не хватает?

– Еще бы комплектов двести... это самые нуждающиеся, у которых, кроме щита, никакой защиты.

Володя вздохнул.

– Сколько сейчас всего людей?

– Пятьсот с небольшим.

– М-да... Ладно, переговорю с Роухеном. В крайнем случае разденем ополченцев, которые останутся в городе, – им доспехи все равно не пригодятся.

Роухен к такой идее отнесся очень отрицательно.

– Чтобы я отдал их рабам? Да ни за что!!!

Мальчик постарался воззвать к разуму начальника гарнизона:

– Да пойми ты, этим ополченцам все равно на стенах города сидеть, а тем в бой идти.

– Они хотели кровью завоевать себе свободу? Вот пусть и завоевывают! Не дам!

Володя еще минут пять пытался уговорить Роухена, но в конце концов не выдержал:

– Через два часа выделить те отряды, что остаются в городе, и найти двести комплектов доспехов! Если через два часа их не будет, у Тортонна появится новый начальник гарнизона! Приказ ясен?!

Под яростным взглядом Роухен чуть отступил и опустил голову.

– Я доложу тиру Конрону. Это надо с командующим согласовывать.

– Во-первых, ты знаешь, что Конрон мой приказ подтвердит, а ты только время потеряешь из выделенных тебе двух часов. А во-вторых, ты все равно сначала выполнишь мой приказ, а потом будешь докладывать о нем кому угодно. Хоть всем Возвышенным богам разом!

Угробить только-только создающуюся новую армию из-за упрямства Роухена Володе не хотелось совершенно – столько сил в нее вложил, столько времени сидели с Лигуром, обсуждая тактику подразделений. Володя тогда впервые кратко описал тактическое построение римского легиона и принцип его действий. Лигур долго чесал голову.

– Это ж сколько тренироваться надо, чтобы такое творить...

– Много. У нас столько времени нет, потому сильно усложнять не будем – главное, научить твоих людей держать строй и слушать команды.

Лигур вроде бы не спорил, но Володя заметил, что на тренировках некоторые приемы из услышанного все же отрабатывает. Например, разворот вправо или влево в случае внезапной атаки фланга. Отрабатывалось и планомерное отступление.

Следующим пунктом была неприятная, но необходимая обязанность, которую хотелось оттянуть как можно дольше, но увы. Игра уже началась, и медлить с принятием решения становилось рискованным.

Скрипнула дверь, и Володя вошел в тюремную камеру. Раймонд поднял голову:

– Уже?

– Мой человек на кораблях. Время пришло, Раймонд.

Тот изучил стоявшего перед ним мальчика и хмыкнул:

– А ведь ты боишься, милорд. Тебе отчаянно хочется, чтобы я согласился с твоим предложением. Не потому, что тебе меня жалко, а потому, что убивать не хочется. Не в бою, а вот так, безоружного. Еще не приходилось?

Мальчик отвернулся.

– Нет, – буркнул он.

– Так отдай приказ.

– Приказ или сам сделаю – это ничего не изменит, все равно на моей совести будет. Так что ты решил, Раймонд?

– Ты же знаешь мой ответ.

– Знаю... – Володя сел на пол и опустил голову.

– Обидно, – вдруг заговорил Раймонд. – Нет, я не боюсь смерти, не думай, просто... вы действительно заинтересовали меня, милорд. Очень интересно, чем все закончится... Очень хочется посмотреть...

– Тебе достаточно согласиться...

– Ты же понимаешь, что я не могу. Дело даже не в присяге, которую я давал... Однажды его величество спас меня от участи много худшей, чем смерть. С того момента моя жизнь принадлежит ему. Я мог отказаться от этого задания, поскольку шпионаж несовместим с рыцарской честью, но...

– Чушь.

– Это твоя точка зрения. Но предать короля я не могу.

– Что ж... это твой выбор. Если я могу что-то сделать... в пределах разумного...

– Сделать? Я не прошу, но, милорд... если будет такая возможность и это никак не повредит вам... передайте его величеству, что я не предавал его.

Володя замер, потом медленно кивнул.

– Если будет такая возможность, я передам...

Выйдя из камеры, мальчик устало прислонился к стене и прикрыл глаза. Сглотнул. Потом посмотрел на перепуганного стражника, который никак не мог понять, что случилось с князем.

На улице Володя, под удивленными взглядами охраны, попытался пару раз запрыгнуть на коня, но оба раза безуспешно. Потом ухватил его за повод и зашагал пешком. Охранники переглянулись, недоуменно пожали плечами и пристроились следом.

За время путешествия до дома купца Володя уже немного пришел в себя, но слуга Осторна, который встретил его на улице, вдруг испуганно отшатнулся, а потом торопливо провел мальчика в дом и исчез. Володя машинально прошел в выделенную ему комнату и там рухнул на кровать. Заскочившая было туда радостная Аливия испуганно замерла на пороге, попятилась, но тут же решительно вошла и закрыла за собой дверь. Осторожно присела рядом.

Володя чуть приподнялся и вдруг ухватил ее и прижал к себе.

– Если бы ты знала, как мне паршиво, Ленка... Я чуть-чуть не сделал то, чего потом бы никогда себе не простил...

Девочка сначала дернулась было, но тут же замерла, а потом осторожно провела ладонью по его волосам.

– Все будет хорошо, Володя. – Во всем мире только она так называла его... очень-очень редко. – Честно-честно. Я обещаю, что буду слушаться тебя... и... и... и даже умываться буду каждое утро и зубы чистить. Вот! Ты только не грусти.

Против воли мальчик улыбнулся.

– Да, для тебя это великий подвиг. Помню, как ты пищала каждое утро, когда я тебя к умывальнику тащил.

– Так зима же была! – возмущенно закричала девочка и даже вскочила. – А вода холодная, бр-р-р!

– А сейчас? Каждое утро умываешься?

– Ну-у... я же болею, вот!

– Ага. Скакать по пляжу и наполнять мешки песком твоя болезнь тебе не мешала, а умываться, это, конечно, тяжело, – серьезно покивал мальчик.

Аливия надулась. Плюхнулась на кровать и отвернулась. Володя быстро привстал, повалил ее на кровать и слегка пощекотал, стараясь не задеть шов. Девочка взвизгнула, вскочила и схватила подушку, замахнулась... В этот момент в комнату вошел Осторн и замер.

– Папа! – Сообразив, что сейчас ее точно не будут хвалить, Аливия решила, что лучшая оборона – нападение. – А он первый начал! Я щекотки боюсь, а он... а он...

Купец чуть прикрыл глаза, что-то решая.

– Я пришел пригласить вас к ужину, милорд.

Веселясь с Аливией, Володя даже забыл недавнее, но тут все навалилось на него снова. Мальчик сразу помрачнел.

– Спасибо, не хочется.

– Аливия, в столовую. Дай милорду отдохнуть. Видишь, он устал.

Девочка нерешительно обернулась.

– Иди, – кивнул ей Володя. – Тебе надо есть, если хочешь поскорее выздороветь.

– Я потом приду. Обещаю.

У двери девочка обернулась. Заметив, что Володя снова погрузился в какие-то неприятные воспоминания, нахмурилась и быстро вышла.

До самого вечера мальчик провалился на кровати, стараясь ни о чем не думать. Потом пришла Аливия, судя по всему, выдержав нешуточный бой с отцом и все-таки настояв на своем праве прийти к «старшему брату». Зашла нахохлившаяся и сердитая, но тут же заулыбалась и потребовала рассказать очередную интересную историю потому что: а – давно не рассказывал; бэ – вечно занят, а сейчас тут, и взэ – больной всегда надо идти навстречу, тогда выздоровление пойдет быстрее, сам говорил!

Последний аргумент Володю сразил, и он с усмешкой согласился, пытаясь вспомнить, какую из известных ему сказок еще не рассказывал ей, пока они жили на острове.

– Я тебе расскажу историю про одну непослушную девочку и про то, что из ее непослушания вышло.

Аливия тут же уселась на кровать поближе к Володе и навострила уши.

– А она совсем-совсем не слушалась?

– Совсем. Итак, звали эту девочку Красная Шапочка...

Вскоре Аливия вцепилась в руку Володи изо всех сил, глаза с блюда.

– А волк не съест ее? Ну, скажи, съест или нет?

– Да дослушай же ты! – Володя постарался освободить руку, да куда там. – Так мне рассказывать или сразу сообщить окончание?

– Ты скажи, волк съест Красную Шапочку или нет, а потом рассказывай.

– Ну уж нет. Или я рассказываю по порядку, или просто сообщаю, чем все закончится.

Аливия поерзала, а потом кивнула:

– Рассказывай.

Мальчик понизил голос, нагнетая таинственность:

– И вот Серый Волк побежал короткой дорогой, пока Красная Шапочка шла в обход, и постучал в дверь...

– Глупая бабушка! Разве можно незнакомых в дом пускать!

– Наверное, бабушка в детстве тоже старших не слушала, – согласился с ней Володя.

История же тем временем подходила к концу. Красная Шапочка подошла к дому бабушки, постучала в дверь, волк пригласил ее заходить, вот Красная Шапочка входит... Мальчик сделал паузу и глянул на напряженное личико девочки, которая уже готова была либо раз-

реветься, либо захлопать от радости в зависимости от исхода. Володя вздохнул и не рискнул закончить сказку так, как она заканчивалась у Шарля Перро...

– Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глазки?

– А чтобы лучше видеть тебя, внученька.

– Бабушка, бабушка, а зачем тебе такие большие зубки?

– А это чтобы съесть тебя! – взревел волк, выпрыгивая из кровати и хватая Красную Шапочку...

Аливия подалась вперед.

– И в этот момент распахнулась дверь и в комнату ворвались охотники, которые давно уже шли по следу волка. В последний момент они выстрелили и убили зверя, когда он уже готовился проглотить Красную Шапочку. Вот так девочка была спасена, но если бы она сразу послушалась маму и не стала разговаривать в лесу с незнакомцами, то ничего бы этого не случилось.

– Я знала! Я знала, что волк не съест Красную Шапочку!

– Ну, а ты поняла, что не надо разговаривать с незнакомцами?

– Конечно! Вот если бы Красная Шапочка училась у тебя айкидо, она бы как дала этому волку корзиной промеж ушей, а потом за хвост... Шкуру можно будет у камина постелить. Знаешь, как хорошо на волчьей шкуре у камина валяться?

Володя только рот раскрыл, слушая кровожадные мечты этой пигалицы.

– А ты меня еще мечом научить драться обещал! Тогда р-р-р-раз! Р-р-раз, один волк, второй!

– Эй-эй, утомонись! Ты так всех волков перебьешь. Не пора ли вам, юная леди, в постельку и спать? Больные, между прочим, нуждаются не только в сказках, но и в хорошем крепком сне, а потому марш к себе и баиньки.

Аливия надулась.

– Я еще хочу сказку.

– Хочешь, чтобы с тобой произошло то же, что с Красной Шапочкой? Она тоже не слушалась.

– Ерунда, – девочка беспечно махнула рукой, – ведь тогда ты придешь и спасешь меня, как те охотники. Правда?

Володя только вздохнул. Все-таки зря он переделал финал, надо было рассказывать как в оригинале.

Однако шрам, похоже, все еще доставлял девочке неудобство, потому что она все чаще и чаще касалась бока и слегка морщилась. В конце концов, сообразив, что сказки больше не будет, она поднялась, пожелала спокойной ночи и вышла в коридор, чуть кособочась. Володя решил завтра взглянуть, как идет заживление, коря себя за то, что не сделал это раньше. Не то чтобы он опасался, поскольку шов уже затянулся и заражение девочке не грозило, иначе давно бы началось, но... спокойнее, когда сам следишь.

На следующее утро, когда Володя заканчивал осматривать Аливию, в комнату ворвался Конрон.

– Гонец... только что прискакал... сообщение...

Володя удивленно глянул на тира:

– Ты от самых стен сюда бежал, что ли?

– Что? А, нет. Ладно. В общем, роезцы сегодня утром с рассветом высадили десант и двинулись к осажденному нами замку. Те как раз сейчас должны начать отступление.

Володя вскочил и стал торопливо надевать доспехи и привешивать мечи, схватил накидку и посох.

– Поехали. Остерн, из дома никому не выходить... пожалуйста. Конрон, где Роухен? Надо усилить патрули в городе.

– Сам скажешь, на улице ждет.

Мальчик кивнул, торопливо обнял Аливию и выскочил из комнаты. Роухен и правда ждал во дворе – сидел на коне и мрачно смотрел по сторонам. Володя тут же повторил приказ по поводу патрулей.

– Я уже распорядился, милорд.

Князь вспрыгнул на подведенного слугой коня, но тут же замер, а потом оглянулся:

– Что с доспехами?

Роухен еще сильнее насупился, но ответил:

– Пришлось разоружить ополченцев.

– Ополченцам в бой не идти. Атака на город случится только в том случае, если мы потерпим полное поражение, но тогда наличие или отсутствие у ополченцев доспехов никакого значения иметь не будет.

– Я поеду распоряжусь по поводу усиления часовых на стенах и у ворот. – Роухен чуть поклонился, прищипил коня и умчался.

– Чего это с ним? – удивился Конрон, выходя из дома, где задержался, попросив служанку принести воды попить.

– Ему не нравится мой приказ насчет доспехов.

– А-а-а. Он приходил ко мне жаловаться. Признаться, я его понимаю. Отдавать доспехи каким-то...

– Конрон, каждый оставшийся в живых солдат – это лишний защитник на стенах, как бы наш план ни закончился. Или ты думаешь, нам удастся разгромить родезцев полностью? Поэтому нам надо постараться свести потери к минимуму!

Вскоре они выезжали из ворот, где им встретился еще один гонец: родезцы, высадив десант, быстро продвигались к осажденному замку, и вот-вот должно было произойти столкновение.

У вновь выстроенной деревянной крепости, где еще продолжались работы, Володя с Конроном остановились. Соскочили с коней и расположились в стороне от дороги. Еще дальше устроились человек двести латников, готовых по приказу сорваться на помощь отступающим. Один из латников тут же воткнул в землю штандарт с гербом Конрона, чтобы все видели, где находится командующий. Володя сидел на траве, обхватив колени руками, и дожидался новых вестей. Конрон сначала сел рядом, но не выдержал, вскочил и начал быстро ходить из стороны в сторону. Володя наблюдал за ним. Замерев, тир изучил горизонт и, не заметив там гонца, сердито обернулся к Володе.

– У тебя вообще нервы есть?! Как можно быть таким спокойным?! – Конрон тут же снова забегал.

– У меня на родине есть одна очень мудрая пословица. Как раз к нашему случаю.

– Что? – Конрон снова замер.

– Скорее не пословица, а просто присказка. Знаешь, почему командующие не бегают? Потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику.

Конрон задумался, осмысливая фразу. Потом фыркнул и плюхнулся рядом.

– Панику или нет, но эта неопределенность меня убивает.

На некоторое время тир успокоился, но вскоре опять начал метаться по полю. К счастью, вскоре прибыл очередной гонец. Впрочем, доставленные им новости определенности не добавили. Известно было только, что осаждавшие отступают и что произошел бой.

– Какой бой? – нахмурился Володя. – Ни о каком бое мы не договаривались.

Гонец пояснений дать не мог. Снова минуты неопределенности и новый гонец: отряд отступает, их преследуют, но не очень большие силы.

Володя повернулся к Конрону:

– Надо бы сбить спесь с этих преследователей, но если они не примут бой, оставь их в покое.

Конрон, довольный, вскочил.

– Наконец-то дело!

Призывно махнув ожидавшим его всадникам, он возглавил отряд и умчался по дороге.

Володе осталось только сидеть и ждать известий... Один из недостатков возраста, несмотря на то, что в четырнадцать лет в эти времена люди считались вполне взрослыми, готовыми и воевать, и даже командовать армиями. И командовали, хотя в большинстве случаев номинально. Но даже в его случае ни у кого не возникло и мысли сомневаться в его праве отдавать приказы. Другое дело опыт, вот его катастрофически не хватало. Никакие знания не заменят практики. В походах же... ну что походы? Все-таки действия спецподразделений его мира в корне отличались от действий войск.

Его неплохо натаскали как диверсанта-одиночку, способного не столько нанести какой-то вред врагу, сколько выжить в трудных условиях, дали практику управления небольшими отрядами, но все равно этого было недостаточно. Да и опыт этот, честно говоря, годился очень ограниченно. И как ни старались психологи на Базе натаскать его как раз для таких вот случаев, но трудно ветеранов, прошедших не одну схватку, заставить слушать какого-то мальчишку с необычными и, на их взгляд, совершенно дурацкими идеями.

Это тоже учитывалось при подготовке на Базе... Вот и приходилось всегда оставаться на заднем плане, выступая генератором идей, но вперед выдвигая тех, кто мог своим авторитетом и властью заставить стронуться весь этот механизм вассальных присяг, интересов различных кланов и купцов. Таким тараном зачастую выступал Конрон, принимая на себя все удары. В подготовке новой армии тоже пришлось подыскать подходящего человека, готового принимать новые идеи. Главное, их правильно подать и помочь советом при возникновении сложностей. Практическое же воплощение ложилось целиком на плечи этих вольных, а порой и невольных помощников.

Посторонним же людям казалось, что этот странный чужеземный князь практически ничего не делает, разве что носится с места на место, будоража честных людей. И почему его поддерживает уважаемый тир Конрон Пентарский? Но дальше разговоров дело, как правило, не шло – у благородных свои причуды. Вот и сейчас Володя понимал, что ему совершенно нечего делать в предстоящей конной схватке, только под ногами путаться будет. Приходилось сидеть, делая вид, что его происходящее не касается. Остатки былой отстраненности помогали сохранять полнейшую невозмутимость, что служило пищей для многочисленных слухов о том, что он отдал Возвышенным богам все свои чувства в обмен на знания, слишком большие для такого малолетки. Кто ж, как не боги, их ему дали? Хорошо еще, тут нет понятия дьявола, а то точно обвинили бы в том, что он продал ему душу. Богам?... Ну, боги же. Им можно что угодно продать, если не жалко, и если те, конечно же, согласятся купить.

Володя поднялся и старательно отряхнул накидку. Подозвал офицера, отдал короткое распоряжение и неторопливо отправился на холм, где ждали своей очереди требуше и «скорпионы». Его настиг гонец с известием: после короткой сшибки противник отступил, а наши отряды, оставив разъезды для прикрытия, возвращаются. Мальчик кивнул гонцу и продолжил восхождение. На холме он выбрал место поудобнее, подкатил туда колоду, установил и устроился на ней, подложив шерстяное одеяло из седельной сумки. Рядом установил еще одну колоду повыше, которую использовал в качестве подставки для локтей, чтобы руки с биноклем не уставали. Обратив взор на Радужную бухту, он приготовился ждать. Кто-то из охраны притащил ему котелок с местным напитком, похожим на чай, который заваривали из каких-то трав. Кивком поблагодарив солдата, Володя продолжил наблюдение, изредка прихлебывая напиток из чашки.

Конрон с командиром отряда, который осаждал замок, появились минут через сорок. Володя отложил бинокль и вопросительно глянул на них.

– Как и договаривались, – правильно понял этот взгляд офицер, – мы ждали гостей и заранее подняли тревогу...

– Я слышал, был бой. Как это произошло? Вроде мы говорили, что вы должны отступить без боя, едва завидев родезцев.

Офицер поморщился:

– Мы так и сделали, но они, оказывается, высадили два десанта. Один отряд был как раз на нашем пути. Пришлось прорываться. Повезло... Если бы мы задержались у замка еще на час-два, они бы там такие завалы устроили на дороге, что вряд ли бы удалось вырваться.

Мальчик многозначительно покосился на Конрона. Тот пожал плечами. Ну да, никто и не обвинял противников в тупости, а идея принять бой у замка и ему не очень нравилась, предложил на всякий случай.

– Какие потери?

– Человек сорок убитых и пятнадцать раненых. Уже отправили в госпитали.

Развертыванию госпиталей Володя уделял особое внимание и постоянно подкидывал Арвиду новые идеи. Сейчас чуть ли не в каждом отряде были медбратья, подготовленные для оказания первой помощи. Свои плоды такая система уже приносила.

– Хорошо. Дальше.

– Родезцы вцепились в нас как клещи. Кавалерии-то у них нет, но и у меня много пехоты, постоянно приходилось отбиваться. Там ведь чуть повернешься к ним, а они уже стоят стеной и копыа выставили, кругом же холмы и деревья – не обойдешь толком.

Да уж, местность тут та еще. Наверное, именно из-за этого Тортон построили не в Радужной бухте, а чуть в стороне. Насколько удобна бухта, настолько же неудобна местность рядом с ней – холмы, обрывы вдоль берега, а дальше, в лесу – овраги.

– Вроде бы вы и не должны были их атаковать.

– Так наседают же, спуску нет. Еще немного, и солдаты просто побежали бы. Если бы тир Пентарский не подоспел, уж и не знаю, как пришлось бы отбиваться.

– Много сил высадили родезцы?

– Около тысячи...

Володя пристально посмотрел на офицера. Тот неуверенно оглянулся на Конрона, заерзал.

– А сколько было у вас людей?

– Восемьсот, но, милорд...

– И вы хотите сказать, что почти равные вам силы едва не обратили ваших солдат в бегство?

– Но, милорд, нам ведь не ставилась задача разбить десант... И там еще из замка вышли люди Розентерна, а их человек восемьсот...

– Вряд ли. Человек пятьсот, не больше, но пусть так. Они вас тоже преследовали?

– Нет, ваше сиятельство.

– То есть вас преследовало около тысячи, причем я уверен, что меньше...

– Но мы же отступали!

Володя махнул рукой. В общем, все понятно. Будущее сражение уже не вызывало у него энтузиазма. Может, и правда разбить сейчас этот авангард, а там будь что будет?

– Смотрите! – вдруг раздался крик наблюдателя, который удобно устроился на одном из деревьев. – Солдаты!

Володя немедленно поднял бинокль – на вершину холма возле Радужной бухты въехали всадники и остановились, осматриваясь. Похоже, остатки баронского войска, у десанта конницы нет. Один из солдат спустился с холма и подъехал к воде. Оглядел пляж, направил коня

в море. Вот обернулся и что-то крикнул своим. С такого расстояния слышно не было, но вроде бы никакой тревоги не поднял.

– Корабли!

Князь перевел взгляд на море: из-за мыса показался первый корабль и неторопливо поплыл вдоль берега. Корабль оказался весельным, с одной мачтой, которая сейчас была без парусов. Медленно поднимались и опускались весла...

– Похоже, это военная галера, – заметил Конрон, глядя на море из-под руки.

Володя это тоже понял, разглядев на носу таран. Галера неторопливо миновала бухту и поплыла дальше вдоль берега. Показался еще один корабль, однотипный предыдущему. Этот сразу направился в бухту, прямо к берегу. Подплыв поближе, он поднял весла и двинулся уже по инерции. Да уж, с его осадкой можно и на берег заехать.

Вот с корабля стали выпрыгивать люди. Кто-то разминался, кто-то сразу отправился осматривать берег. На холм тем временем забрались еще всадники, следом показались пехотинцы.

Прибыл очередной гонец от разъездов с известием, что родезцы жестко блокировали дорогу, выставив там заслоны, патрулируют лес и рубят деревья...

Из-за мыса тем временем показались еще корабли, на этот раз не военные – пузатые грузовики, какие-то лоханки-каботажники, весельные... А вот весельные – военные, с тараном. Они в бухту не входили, занимая позицию на входе в нее, готовые встретить врага, если такой появится. Володя нахмурился. Если этих галер будет много, то с моря атаковать флот станет самоубийством. Но нет, всего три – перекрыть всю акваторию они не могли при всем желании. Тем более что нужно еще выделить силы для наблюдения за городом... Ага, вот еще корабли... тоже военные, парусно-весельные, с двумя мачтами. Они миновали бухту и взяли курс в сторону города. Что ж, это было ожидаемо.

Кажется, родезцы не очень полагались на выучку матросов этого сборного флота и следили, чтобы корабли входили строго по очереди, пресекая чьи-либо попытки проскочить вперед.

Володя убрал бинокль и глянул на собравшихся вокруг офицеров.

– Что ж, похоже, противник именно эту бухту выбрал в качестве базы. Какой сюрприз, господа. – Кто-то хмыкнул, один даже рассмеялся. – Я же предлагаю подкрепиться.

Конрон посмотрел на Володю как на сумасшедшего:

– Есть? Сейчас?!

– А что не так? – удивился Володя. – Лично я голодный.

– Но враг!

– А что враг? – Мальчик обернулся к морю. – Настолько интересно, как будет проходить высадка? Ну, если кому интересно: пожалуйста, а я пойду.

Конрон пробормотал что-то про нервы, но пристроился рядом. Чтобы нормально поесть, пришлось спускаться с холма, поскольку Володя запретил разводить наверху костер, опасаясь насторожить родезцев – этот холм должен выглядеть пустынным. Потому всю еду варили внизу и уже готовую поднимали наверх. Одна беда, пока поднимут – она уже успевала остыть, но тут уж ничего не поделаешь. Разве что организовали посменное дежурство отрядов, и они по очереди раз в день спускались вниз, чтобы подкрепиться горячей пищей.

Володя и в самом деле не видел смысла торчать наверху и наблюдать за высадкой. Что бы там ни говорили, но нервы у него все же не железные. Пусть себе высаживаются. Секреты у подножия холма хорошо замаскированы, подходы тоже блокированы. Опасаться каких-либо действий с этой стороны враг не может – видит, что с холма из лука не добить, а затащить туда что-то потяжелее не позволит заросший склон. Конечно, другая сторона им не видна, но разведку местности они наверняка провели заранее и знали, что там холм даже круче и тоже зарос. Абрахим же Винкор хорошо проинструктирован и знает, что говорить. Раз он из города,

то миновать этот холм не мог и даже пробирался по его склону, чтобы миновать патрули. Какие работы? У стен что-то копали, а к холму никто и близко не подходил.

Судя по тому, что родезцы ограничились простым патрульным проходом вдоль берега, Винкор эту мысль до командования довел, и те ему поверили. Интересно, где он сейчас? Будет жаль, если погибнет.

– Что ж, Конрон... сражение за город можно считать начавшимся. Еще не поздно атаковать авангард сегодня вечером.

Конрон покачал головой:

– Ты заметил, что здесь много военных кораблей? Я так понимаю, что с основными силами их почти нет.

– Ты думаешь...

– Военные корабли – самые быстроходные, остальное хлам. Купцы неповоротливы и медлительны, но от них маневренности никто не ждет. Грузовых кораблей тут не так уж и много. На них от силы две тысячи солдат, сколько рабочих, не берусь судить. Атаковать этот авангард не имеет смысла. Готов поклясться, тут основной груз – продовольствие для Розентерна. Ну и подкрепления чуть-чуть. Разгром его ничего нам не даст, но насторожит герцога Ансельма, а что он придумает – кто знает.

– Что ж, тогда ждем. Еще немного понаблюдаем, а там посмотрим, к чему готовить войска. Нам с тобой придется очень крепко подумать, если мы хотим победить.

Конрон согласно кивнул, но выглядел он очень мрачно.

Глава 7

Следующий час Володя наблюдал, как суетится Конрон, не находя себе места от волнения. В конце концов, тир не выдержал и отправился на холм. Князь появился там спустя час, сел на свое старое место и снова стал наблюдать за тем, как рабочие родезцев ставят частокол.

– Хм... Я все больше и больше восхищаюсь Эрихом.

– Ты это к чему? – поинтересовался Конрон.

– Да вон, – Володя махнул рукой. – Тебя это ни на какие мысли не наводит?

– Наводит. На очень грустные. Мы не сможем атаковать, если они поставят частокол.

– Тут можно поспорить, но я не об этом. Сделать колья здесь они бы не успели, значит, везли их с собой. Похоже, это один из сюрпризов Эриха.

– И что нам делать?

Володя глянул на часы.

– Полагаю, как бы мы ни паниковали после высадки врагов, но решение принять уже должны. Сейчас главное – задержать их в этой бухте и сделать так, чтобы они не очень лазили по окрестностям.

– Наконец-то снова дело!!! – Конрон в порыве чувств даже хлопнул себя по ноге.

– Конрон, только прошу, без самостоятельности. Действуй, как договорились. И еще, пошли гонца, пусть сюда приедет фортификатор.

Конрон готов был на что угодно, лишь бы это изматывающее ожидание закончилось. Отдав распоряжение, он поскакал вниз.

Фортификатор появился на холме минут через сорок. Этого человека Володя видел несколько раз на строительстве форта и в городе, где они вместе с ним распределяли зоны обстрела башенных требуше. Это был грузный мужчина лет сорока, но необычайно подвижный для своей комплекции. Он подошел к Володе и чуть поклонился.

– Милорд?

– Подождите... кажется, Конрон начал действовать. Посмотрите пока на те укрепления, которые возводят родезцы.

Конрон действительно начал. Из леса выскочило несколько отрядов лучников... да-да, именно отрядов, тренировки не прошли даром. Конечно, до совершенства еще далеко, но за сутки его не добился бы никто. И вот лучники несколькими группами бросились вперед к строящимся укреплениям. За ними бежали пехотинцы, таща «ежи». Выскочили они почти одновременно, но из-за тяжести и неудобства груза постепенно отстали. Но это нормально – они и не должны были выкладываться, времени дотащить «ежи» до нужного места им хватит.

Лучников заметили не сразу, но вот поднялась тревога. Родезцы бросали строительные работы и прятались за кое-где уже насыпанным валом. Рабочих, в отличие от обороняющихся локхерцев, им явно не хватало, и дело продвигалось не очень быстро.

Вот наши приблизились на нужное расстояние, встали... Команды, которые подавали им офицеры, отсюда расслышать было невозможно, но лучники быстро развернулись по фронту. Первые выстрелы офицеров с указанием целей, и на головы родезцев обрушился град стрел. Лучников было не очень много – человек сто, но они развили такую скорострельность, словно их тысяча. Стали падать первые жертвы, среди родезцев поднялась легкая паника, люди спешили укрыться за холмом.

Наверное, от неожиданности родезцы позволили дать залпов десять, прежде чем из-за холма показалась конница и, склонив копья, бросилась на стрелков. За ней торопливым шагом двинулась пехота.

Лучники успели дать еще два залпа, после чего закинули луки за спины и побежали назад. Кавалеристы прищипорили коней, торопясь поскорее их догнать, растерзать... Но лок-

херцы уже проскочили небольшое открытое пространство и укрылись за «ежами», на которые, после того как пробежал последний лучник, солдаты торопливо набросили веревочные петли, образовав сплошную «паутину». Лучники, едва оказавшись за этим укрытием, развернулись и открыли стрельбу по приближающимся конникам. Сейчас уже не до залповой стрельбы – стреляли по готовности, но опустошение они произвели страшное. Эх, если бы в городе еще были такие лучники... Увы, но это лучшие, которых удалось собрать. Для массовости, конечно, можно было бы нагнать еще, только чем больше толпа и чем хуже она обучена, тем больше вероятность паники. Смогла бы большая толпа провести такое отступление? Не превратилось бы притворное бегство в настоящее?

Кавалеристы, напоровшись на препятствие, поднимали коней на дыбы, разворачивались, пытались объехать его. Перекрыть «ежами» всю поляну солдаты не могли при всем желании – они просто не дотащили бы столько. Но все эти маневры отнимали время, что давало лучникам возможность делать новые выстрелы.

Родезцы, наконец, сумели немного отступить, перегруппироваться и отправились в обход. Вот они поскакали в сторону, развернулись, объезжая препятствие... В этот момент из-за другого холма (хорошая тут местность для таких вот засад – эти холмики и впадины) выскочила латная кавалерия и ударила родезцам почти в тыл. Те и развернуться не успели, мысленно уже атакуя доставивших им столько проблем лучников, которые в это время быстро отступали к лесу. Солдаты торопливо разрезали веревки и утаскивали «ежи».

Поспешно отступив, лучники снова остановились и обрушили град стрел на подоспевшую пехоту родезцев. Сейчас все зависело от того, удастся ли Конрону оторваться от кавалерии или нет... Удалось. Его удар был все-таки очень неожиданным для родезцев, и те поспешно откатывались к своей пехоте. Вот протрубил рог, и наши латники развернули коней. Лучники через их головы стреляли по вражескому скоплению пехотинцев и кавалеристов. Да уж, промазать по такой цели тяжело.

Родезцы снова попытались организовать преследование, но быстро от этой идеи отказались, заметив, как пехотинцы выстраивают «ежи» поперек дороги, где один край упирается в крутой склон очередного холмика, а другой в лес. Кто там еще скрывается в лесу и за холмом, они предпочли не выяснять. Только гарцевали за пределами дальности стрельбы, не давая возможности повторить нападение.

Володя повернулся к фортификатору:

– Изучил их укрепления?

– Что? – Мужчина с трудом оторвал взгляд от почти уже закончившегося боя.

– Я просил изучить оборону родезцев, – спокойно повторил Володя. – А вы чем занимаетесь?

– А-а-а... Да-да, конечно же. Изучил. Да и чего там изучать? Насыпь и частокол на ней. Не очень большая насыпь...

– Очень хорошо. – Володя глянул на часы. – Через два часа полная копия этих укреплений должна быть поставлена на одном из наших полигонов. На каком, выберите сами. Только не надо действительно полную копию делать! Мне нужен только отрезок их стены метров сорок-пятьдесят.

– Ваше сиятельство, но...

– Время! Вы собираетесь спорить?

Фортификатор почесал голову, потом, видно, решил, что связываться с сумасшедшими чужеземными князьями себе дороже. Коротко поклонился и поспешил вниз. Володя же остался сидеть, продолжая наблюдение.

Через час Конрон попытался повторить нападение... точнее, сделал вид, что повторяет. Лучники выскочили, дали пару залпов и тут же вернулись назад, пока на них не обрушились вражеские кавалеристы.

Володя перевел взгляд на ставку противника. Интересно, что предпримет их командир? Вариантов, в общем-то, у него всего два: либо выводить солдат и отбросить наглецов подальше, либо выставить прикрытие и бросить все силы на возведение укреплений.

Все зависит от того, что содержится в приказе, который, судя по всему, отправили на небольшой лодке, еще час назад ушедшей в сторону кораблей. По крайней мере, после ее прибытия между кораблями эскадры активно начали курсировать ялики с офицерами. Похоже, согласовывались какие-то действия. Если сейчас на берег повезут солдат, значит, будут атаковать. Если рабочих – строить укрепления. Сил в лагере для полномасштабной атаки явно недостаточно.

Володя надеялся, что приедут рабочие – если они здесь обоснуются, то уже трудно будет чисто психологически отказаться от организации лагеря именно в этом месте. Конечно, столько времени потратили, поставили укрепления, кровь пролили, отбивая атаки.

Вот от кораблей отделились лодки и направились к берегу. Мальчик самым внимательным образом изучил через бинокль каждую.

– Рабочие, – пробормотал он. – И еще дополнительные колья везут... инструменты... То-то лодки почти черпают воду.

Лодки и в самом деле сидели очень глубоко. Малейшее волнение, и многие пойдут на дно вместе с грузом. Но риск вполне оправдан и не очень большой. Опытные моряки прекрасно видели, что бухта прикрыта от резких порывов ветра, а ухудшения погоды никто не ждал.

Вот первые лодки коснулись песка, из них посыпались люди, выкидывая на берег инструменты и колья. Вот лодки опустели, и пары гребцов направили их обратно к кораблям. К высадившимся подбежали люди, расхватили доставленный груз и все это потащили на холм, где резко активизировалось строительство укреплений. Другая группа устанавливала палатки. Вот потянулись дымки от костров. Да уж, война войной, а обед по расписанию. Но оно и понятно, сколько они там плыли на этих лоханках? Вряд ли на кораблях, загруженных под завязку всяким барахлом и перевозивших множество народа, могли обеспечить нормальное питание. Люди просто соскучились по горячей еде.

Володя поднялся и потянулся.

– Что ж, господа, сегодня противник вряд ли предпримет активные действия. Их разведку сковывает Конрон, и даже если он уйдет, они вряд ли рискнут что-либо делать, опасаясь засад. Так что до завтра можно отдыхать.

Отдыхать-то можно, но вот секреты выставить все равно не мешает. Мало ли – бережного бог бережет.

Володя оказался прав – активность ролезцев свелась только к охране возводимого укрепленного лагеря. Конрон еще несколько раз предпринимал демонстративные попытки атаковать его, но потом увел большую часть людей в город, оставив только наблюдателей и отряд арбалетчиков для прикрытия.

Мальчика он разыскал недалеко от моря в южной части города, где уже были возведены укрепления, очень похожие на те, что он видел у ролезцев. Князь сидел на какой-то бочке и наблюдал, как офицеры объясняют солдатам, что им предстоит. Горожане за частоколом устанавливали соломенные чучела. Володя подозревал Лигура, и тот подошел одновременно с Конроном. Холодно раскланявшись друг с другом, они тут же отвернулись. Володя вздохнул. Удивительно уже то, что Конрон хотя бы чуть голову склонил перед бывшим рабом. Обычно делал вид, что того вообще не существует. Наверное, все-таки понимает, что им вместе воевать.

– Лигур, две роты продолжают тренировки по отделениям, остальные здесь.

Структура полка уже была определена. Отделение – восемь человек, четыре отделения – взвод, три взвода – рота. Пять рот – полк. Еще предусматривались инженерные части и артиллерия, но пока всего этого не было, и будет ли... Если осаду снимут, то Володя потеряет всю

свою власть, а бывшие рабы обретут свободу и разойдутся. Правда, останется опыт... Зато боевые части укомплектованы полностью. Как сказал бы Александр Петрович – по штату.

– Действовать повзводно. – Володя мысленно прикинул численность. – Сколько штурмовых лестниц готово?

– Шесть штук, милорд. – После того как Лигур получил недостающие комплекты доспехов, он стал относиться к Володе с еще большим уважением.

– М-да... мало.

– Тогда поротно?

– Рота – почти сто человек... Они будут мешать друг другу. Да и не очень широко там. Все равно по всему фронту атаковать не сможем. Как считаешь?

Лигура он специально отправлял на холм, чтобы тот посмотрел на возводимые родезцами укрепления.

Тот задумался.

– Вообще-то места хватит...

– Полк не один будет атаковать. В общем, две роты идут со мной, значит, остаются три – это девять взводов. Сделаем так: одну лестницу отдаем ополченцам, пять взводов атакует в первом эшелоне, остальные четыре идут следом в резерве. В случае необходимости они поддержат тех, кто будет нуждаться в помощи.

– Одна колонна останется без резерва.

– Поставим ее в центр. Если что, им помогут слева или справа.

Володя уже давно понял, как ему повезло с Лигуром. Просто удивительно, как такой человек попал в рабство... Впрочем, в жизни бывает всякое, а спрашивать мальчик не решался. Вообще рабство постепенно отмирало под напором, как сказал бы учитель истории, новой общественно-экономической формации – феодализма. Только в разных частях известного мира это отмирание шло с разной скоростью. В Тралии рабство еще вполне процветало, а вот в Родезии практически исчезло. Локхер еще кое-где рабов использовал, но и он уже отказывался от них, и число рабов постоянно сокращалось под давлением благородного сословия, которым нужны были крестьяне на полях, а не рабы, с которыми столько мороки...

Прошлое Лигура оставалось тайной – он категорически отказался о нем рассказывать. Сказал только, что был благородным. В полку, командиром которого его назначил Володя, он навел и поддерживал железную дисциплину, что позволяло легко внедрять разные новые идеи, которые выдвигал князь.

– Ополченцы отказываются с нами...

Володя кивнул.

– Я знаю. Уже согласились. – Мальчик махнул рукой в сторону некоторых командиров ополчения, стоявших с петлями на шее чуть в стороне. – Они уже горят желанием воевать вместе с вами. Если хочешь, можешь освободить их... или убрать из-под них бочки – замена уже назначена, так что потеря будет невелика.

Лигур присмотрелся и даже крикнул от неожиданности.

– А вы не церемонитесь, милорд.

– Если бы у нас было время, я бы собрал всех офицеров, объяснил им важность боевого сотрудничества различных частей армии. Рассказал бы о боевом братстве, о том, что в бою жизнь каждого зависит от соседей. Потом, может быть, собрал бы жрецов и священников, которые прочитали бы им проповедь о любви к ближнему и всепрощении. Но поскольку времени у нас нет, будем действовать так. В общем, их судьба целиком в твоих руках, делай что хочешь.

Когда Лигур отошел, Конрон покачал головой:

– Магистрат тебе этого не простит. Я вполне понимаю тебя, но... Впрочем, ладно, у нас действительно нет времени что-либо объяснять. Что ты тут замыслил?

– Учения. Как видишь, мы построили точную копию стены родезцев. Сейчас будем отрабатывать штурм. Во время штурма второй попытки у нас не будет – стену мы должны преодолеть быстро и с первого раза.

Володя обернулся посмотреть, что делает Лигур. Тот прогуливался перед осужденными и что-то им рассказывал. Останавливался, глядел на солнце и снова что-то объяснял. Бывшие командиры ополчения явно не очень хорошо себя чувствовали с петлями на шеях и связанными руками и возражать не пытались. Один даже согласно кивал. Правда, делал это так часто, что можно было подумать, будто он дрожит.

Наконец Лигур закончил свою лекцию, вытащил меч и перерезал все веревки. Осужденные поспешно прыгнули с бочек, растирая руки.

– Они поняли важность совместных действий с кем бы то ни было, милорд, и согласны помогать нам всеми силами, – доложил полковник.

– Хорошо, – невозмутимо кивнул Володя, словно так все и должно быть. – Сколько потребуется времени на разработку плана штурма и начало учений?

– В общих чертах уже ясно, что делать... Потребуется все объяснить ротным и взводным, да еще вбить в тупые бошки ополченцам...

– Конрон, лучники где?

– Скоро будут.

– Лигур, сколько нужно лучников привлечь?

Тот почесал в затылке:

– Трудно сказать... Они нужны только в первый момент, а дальше, когда солдаты перевалят через частокол, уже не смогут нам помочь.

– Тогда их тебе действительно много не нужно... А вот мне они понадобятся. В общем, набирай кого нужно – и вперед. Так через сколько приступишь?

– Через полчаса... если все будет нормально и меня будут слушать ополченцы.

– Мы с Конроном будем тут, так что пусть попробуют не послушать.

Лигур поклонился и отправился отдавать приказы. Конрон нахмурился:

– Ты всерьез намереваешься отдать под его командование штурм?

– Да. Они к этому специально готовились, и мы с ним много говорили о будущей схватке. Хочешь ты того или нет, но Лигур в городе самый подготовленный офицер... Это, конечно, мое подозрение, но мне кажется, он родезец и покинул родину не совсем добровольно. Возможно, даже занимал там высокое положение.

– Это и так ясно, он очень толково командует. Но ты в нем уверен? Если он родезец...

– Уверен.

– Ну... тебе виднее. Ты же с ним больше всех общался. Только вот не могу я тут сидеть...

– А какие у тебя планы? До вечера родезцы ничего не предпримут, только укрепляться будут. Ну, разведку попытаются провести, так с этим наши патрули справятся, ты там не нужен.

– А тут я нужен?

– А тут мы готовим нашу будущую победу! Так что нужен!

Конрон печально вздохнул, развернулся к солдатам и велел принести откуда-нибудь два кресла и стол. Непонятно, в каком доме их позаимствовали, но просьбу выполнили довольно быстро. Заодно притащили и несколько кувшинов вина. Одобрительно крикнув, Конрон устроился в одном из кресел, а кувшины поставил на стол. Володя занял второе кресло и свою половину стола загрузил письмами Розентерна и допросными листами пленных. Тир покосился на него, но вино предлагать не стал – догадывался об ответе.

Когда начались учения, мальчик поспешно спрятал все бумаги и стал наблюдать. Минут тридцать заняло построение, еще некоторое время потратили на то, чтобы объяснить солдатам задачу. И вот началось... Впереди бежали щитоносцы с огромными щитами, защищая от обстрела себя и тех, кто шел за ними, а там самые сильные солдаты тащили большие и широ-

кие лестницы. Каждую несли человек двадцать, держа их с двух сторон за специальные ручки. Точнее, не совсем лестницы – проемы между ступеньками из широких досок были не очень большими. По ним удобней бежать, чем карабкаться, но для штурма частокола они подходили идеально. Тот ведь не очень высок – где-то полтора человеческих роста.

По сторонам от колонн, тащивших лестницы, бежали арбалетчики, которых тоже прикрывали щитonosцы. Поскольку и щиты там были легче, и арбалетчики несли не очень большой груз, они успели первыми. Щитonosцы опустили щиты на землю, из-за них выглянули арбалетчики и тут же дали залп. Подбежали щитonosцы, прикрывающие солдат с лестницами, попытались раздаться в стороны, чтобы дать дорогу штурмовой колонне. Налетели на солдат, прикрывающих арбалетчиков, образовалась куча-мала, в которую и влетели пехотинцы с лестницами.

Конрон покосился на Володю. Тот невозмутимо пожал плечами:

– Первый блин комом. А представляешь, если бы такое случилось во время штурма лагеря родезцев?

Лигур носился среди солдат, раздавая тумаки и просвещая по поводу их происхождения. Володя подозвал одного солдата и шепнул пару слов. Тот помчался к Лигуру. Полковник молча выслушал и кивнул.

– Что ты сказал? – поинтересовался Конрон.

– Попросил проверить результативность залпа арбалетчиков.

– В этих ребятах я уверен. Они со мной пришли.

– Проверим.

Залп, видно, оказался хорошим, поскольку у Лигура к арбалетчикам никаких претензий не возникло. Остальные офицеры хоть и поглядывали зло на выскочку, но приказов его слушались, урок с ополченцами всем пошел впровод.

Дальше была еще одна попытка, но теперь уже вместе с арбалетчиками бежали и лучники. Они останавливались первыми и давали несколько навесных залпов, стараясь поразить не тех, кто на стене, а тех, кто спешил к ней.

Эта попытка тоже завершилась неудачей... А вот на третий раз лестницы все-таки удалось водрузить на частокол, и по ним бросились самые защищенные латники – тяжелая пехота. Они должны были принять на себя первый удар и расчистить дорогу остальным. Некоторые не удержались и свалились с лестниц, хорошо, там догадались солому постелить.

Четвертая попытка прошла более удачно, но солдаты оказались вымотаны до предела и едва не падали.

– Милорд, надо дать отдых, – заметил подошедший Лигур.

– По-моему, это ты распоряжаешься учениями, тебе виднее. Когда закончишь с приказами, подходи, надо поговорить. – Володя обернулся к охране: – Еще одно кресло разыщите, пожалуйста.

Лигур вернулся через двадцать минут, когда люди расположились на поляне и к ним бросились горожане, неся котелки с едой. Володя приглашающе указал на кресло.

– Милорд, до вечера мы не успеем...

– Значит, будете тренироваться после захода.

– Милорд?

– Лигур... как ты думаешь, когда лучше всего атаковать лагерь родезцев?

– Вы хотите сказать...

– Да. Штурмовать будем часа в четыре утра, когда сон наиболее крепок. С двух сторон. Как понимаешь, темно будет не только врагам. Потому, как только отработаете все днем, будем тренироваться ночью. Я уже распорядился конфисковать у горожан белые простыни. Из них надо будет сделать плащи. Белое ночью очень заметно, а кто не в белом – тот враг. Понимаешь? Это тоже надо отработать. Потому сейчас гоняйте людей до седьмого пота. Потом отдых, в три

часа ночи подъем, разбираете плащи – их к вечеру должны изготовить, – и новая тренировка! Отдых, и завтра после полудня снова тренировка.

– Завтра вы сюрпризов не ждете?

– Нет. Завтра я ожидаю многочисленные попытки родезцев провести разведку. То есть множество мелких стычек между патрулями, но ничего серьезного. А теперь по учениям... Все хорошо, но... А что вы будете делать, когда перевалите через стену? Как мне кажется, тут и будет самое сложное.

– Будем действовать восьмерками, как вы и предлагали, милорд. Спаянная группа – большое преимущество в свалке.

– Да? И насколько они спаяны?

Лигур развел руками:

– За неделю нельзя сотворить чуда.

– И еще. Подумай, чем может ответить противник и что мы можем ему противопоставить. Сейчас они ставят палатки для персонала, если их как-то поджечь, при пожаре лучники и арбалетчики на стенах уже не будут бесполезны.

– Поджечь? – Лигур задумался.

– Проклятье! – Конрон хлопнул по столу ладонью. – Можно взять смолу, нарезать кусками и привязать к веревке, а там поджечь и кинуть на палатки. А ближние можно факелами закидать.

Лигур поднялся.

– Пойду, распоряжусь о смоле.

– Хм... а он не так уж и глуп, – буркнул Конрон и потянулся к вину.

Володя с отвращением посмотрел на кувшин. Понятно, почему тут все пьют едва ли не с детства. А что еще остается? Средств профилактики и дезинфекции никаких, пить сырую воду – велика вероятность схлопотать дизентерию или чего похуже. Остаются соки, пиво или вина. Но соки... мальчик видел однажды, как местные крестьяне делали сок. Пить его сразу расхотелось. Квас, что ли, научить делать? Только с соблюдением всех санитарных норм, вплоть до дезинфекции посуды паром... Местные такие доверчивые, вполне поверят, что это необходимо.

Мальчик поднялся.

– Конрон, проследи тут, пожалуйста, а я немного прогуляюсь.

– По делам или?..

– Или. Отдохнуть от всего хочу. И так почти падаю.

Вопреки ожиданиям, Конрон согласно кивнул.

– И то дело. Я хотел и сам тебя отправить, да боялся, не послушаешь. Иди, я тут за всем прослежу. Мне и самому интересны те приемы, что применяют твои люди.

«Твои люди»...

Володя задумчиво крутил травинку, ведя коня в поводу. А ведь с точки зрения всех местных законов он и правда его люди. Он их освободил, он их взял под свое командование, когда все остальные отказались.

– Обзаводишься армией?

– Что, милорд? – К мальчику подъехал один из солдат охраны, полагая, что обращаются к нему.

– Нет-нет, ничего. Просто задумался.

– Милорд! – Перед Володей встал на дыбы конь, и мальчик испуганно отпрянул, потом обругал Джерома. Тот торопливо извинился. – Милорд, я просто торопился сообщить вам, что приказ выполнен.

– Что?

– Я про паруса...

– А-а-а. Хорошо. Много?

– Я прикинул, сколько нам нужно, взял с запасом. Коптильни трудились с утра. Людей предупредил, они болтать не будут.

– Да пусть болтают. Думаешь, удастся скрыть это все от горожан? Главное, чтобы за город не выбралось. Потому надо бы усилить патрули в бухте и в городе. Ночью никаких передвижений.

– Крейс давно уже бесится от этого, – хмыкнул Джером. – Его этим комендантским часом совсем прижали. У него ж основное время работы – ночь.

– Проблемы Крейса меня не волнуют. Что с лодками?

– Отбираю подходящие. Те, что отобрал, уже начали смолить.

– Хорошо, продолжай работать.

– Мне вопросы задают... те люди, которым я не могу не ответить.

– Роухен и Розен? Отсылай их ко мне.

– Еще Лиром.

– Этого тоже ко мне шли. Чего с ними беседуешь? А вообще... ну, придумай что-нибудь. Скажи, жертвы Водному богу готовим, чтобы вызвать шторм и разметать вражеский десант.

Джером на секунду задумался, потом расхохотался.

– До такого я не додумался. Хорошая идея, милорд. В таком случае, я в порт.

Володя проводил умчавшегося Джерома взглядом и покачал головой. Вот кого надо было отправлять к родезцам. Этот бы задурил им головы как никто. Одна проблема – он слишком много знает про оборону. Если попадется – все планы отправятся псу под хвост.

Вернувшись к Осторну, Володя обнаружил, что в доме, кроме слуг, никого нет. Оказалось, что купец с женой и детьми отправились на рынок... Нашли время.

В выделенной ему комнате Володя плюхнулся на кровать. Тренькнула струна гитары. Мальчик наклонился и достал ее из-под кровати, пытаясь вспомнить, откуда она здесь. Он сам принес или кто-то из слуг забрал? Не вспомнил и махнул рукой – какая разница? Задумчиво провел пальцем по струнам... Давно не играл – все дела и дела. Сделал перебор... нахмурился и оглядел маленькую комнату, которая сильно глушила звук. Взял гитару и вышел на улицу. Устроился на скамейке в небольшой беседке и опять заиграл. Не что-то конкретное, а просто перебирая струны, плетя мелодию словно кружево. Неважно, какой аккорд и какая нота, лишь бы звучало в лад – этакий мелодичный хаос. Потом замолчал, зажав струны, и вдруг решительно ударил по ним...

Добром и словом другу помоги,
И лишь когда грозят ему враги,
Ты можешь силу духа и руки
Вложить в свой гнев, удары и броски.
Свое непревзойденное оружие
С собой соедини и победи!

Всегда и всюду жертву защиты,
Поверженного в схватке пощади,
Достиг победы, снова к ней иди —
Важнее прошлой та, что впереди.
Свое непревзойденное оружие
Носи в своей груди и пой в пути¹.

¹ Слова А. Дидурова, музыка П. Бюль-Бюль оглы. Песня из кинофильма «Не бойся, я с тобой».

Песня не очень подходила под гитару, но Володя постарался все же максимально приблизить аранжировку к оригиналу. Все равно не совсем верное звучание, все-таки ударных не хватает. Нет, это песня определенно не для гитары. Что бы такое более удачное... и под настроение... рыцарское...

Володя хмыкнул... Рыцарь с ржавыми шпорами.

Лечу, ни пуха, ни пера,
Лечу, ни пуха, ни пера,
Я вам признаюсь честно,
Что эта странная игра,
Что эта странная игра
Ужасно интересна.

Воображать, что ты герой,
Добившийся успеха.
Пусть это все зовут игрой —
Мне это не помеха.

Пускай победы нележки,
Пускай победы нележки,
Но такова работа.
Пускай хохочут дураки,
Пускай хохочут дураки,
Глумясь над дон Кихотом.

Их сам оставит в дураках,
Насмешек всех сильнее.
И он прославится в веках,
Восславив Дульсинею².

Да уж, герой... Хотя, может, и станет, если Тортон все-таки удастся отстоять. Сложат легенды о чужеземном князе...

Позади раздалось хлопанье. Володя резко обернулся. Там, удобно расположившись на травке, сидели Аливия с братом.

— И давно вы тут?

— С момента, как вы заиграли какую-то странную мелодию, милорд.

— Володь, а ты мне раньше эти песни не пел. И знаешь, я почти все-все поняла. Давай продолжим учить твой язык! Мне он нравится. И кто такая Дульсинея, которую ты восславлял? — В голосе девочки послышались ревнивые нотки. — Она была твоя невеста на родине, да? Мальчик расхохотался.

— Потихше, стрекоза, я не могу на все сразу ответить. А насчет Дульсинеи можешь не переживать, эта почтенная дама — невеста одного благородного рыцаря, который отправился в путь, чтобы восславить ее имя, побеждая врагов.

— Ух ты! — Глазенки Аливии радостно засверкали. Тут она покосилась на брата: — А ты бы вот так смог отправиться в путь, чтобы прославить свою невесту?

² Слова В. Аленикова, музыка Т. Островской. Песня из кинофильма «Каникулы Петрова и Васечкина, обыкновенные и невероятные».

Руперт отчаянно покраснел, потом пробормотал, что типа все это ерунда и что он не благородный, чтобы заниматься разной дурью. Тут он глянул на Володю и совсем смутился.

– Простите, ваше сиятельство, я совсем не имел в виду вас...

Володя перескочил через перила беседки, оставив гитару там, сорвал несколько невзрачных цветков, подошел к Аливии и опустил перед ней на колени, протянув букетик.

– Все ради вас, прекрасная леди.

Аливия вдруг смутилась, покраснела и замерла, не зная, что сказать. Володя улыбнулся, связал стебельки и приладил букетик девочке в волосы. Потом протянул руку и слегка ущипнул ее за нос.

– Ай! – Аливия обиженно пискнула и уставилась на Володю.

– Рот закрой, а то птичка залетит, – серьезно посоветовал мальчик.

Рядом невоспитанно хрюкнул Руперт и отчаянно попытался не расхохотаться.

Володя сыграл еще несколько мелодий, а Аливия попросила записать слова про «нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы» – решила попробовать перевести. Мальчик поднялся.

– Вот что, Кнопка, пошли-ка в дом, там и займемся. Я тебе помогу. Заодно продолжим язык изучать.

– А тебе не надо по делам? – тревожно и с отчаянной надеждой спросила девочка.

– Нет, – усмехнулся мальчик. – Сегодня я до вечера совершенно свободен.

– Ура-а-а-а!!! – Аливия вскочила и заскакала вокруг Володи, но тут же скривилась от боли.

– Говорил же, не скачи пока! Еще недельку спокойно посиди, а потом хоть на голове стой.

– Я попробую, – серьезно пообещала Аливия и тут же схлопотала подзатыльник, отбежала и с безопасного расстояния показала язык.

Руперт что-то сердито крикнул ей, а Володя рассмеялся. Грусть исчезла. Умеет же эта пигалица поднять настроение. Но чему удивляться? Каким-то образом она сумела вытащить его из бездны отчаяния, сумела растопить его холодность. Сейчас Володя еще не мог понять, радоваться ли тому, что он снова умеет искренне смеяться, грустить, сердиться. Что его чувства больше не имитация, а от души. Единственно только плакать так и не научился... Однажды ночью он проснулся с криком – снова приснилось крыльцо дома... вот мама спускается по лестнице, держа за руку Ленку. Рядом идет отец, а впереди скачет он... Вот отец толкает его в сторону, выстрелы... И тут Володя проснулся... В душе горечь и боль, но глаза сухи... Как ему в этот момент хотелось разреваться, сбросить этот груз с души, отпустить прошлое, чтобы оно отпустило его. Но цепь еще прочна...

Вопреки опасениям Володи, следующий день оказался для него самым свободным за все время осады. Это первоначально сильно удивило его. Не было необходимости куда-то мчаться, что-то решать, спорить с купцами или магистратом. Не сразу он сообразил, что просто запущенный механизм подготовки к сражению набрал полные обороты и больше не нуждался в подталкивании или контроле. Даже захоти он сейчас что-либо изменить – сделать это было уже практически невозможно. Филипп командовал в форте, размещал запасы воды и продовольствия, рабочие насыпали и трамбовали площадку под метательные машины, собирали требуше и устанавливали на стенах «скорпионы». На холме наблюдатели следили за родезцами и регулярно посылали гонцов с известиями. Враг несколько раз пытался провести разведку с этой стороны бухты, но его встречали засады арбалетчиков, и родезцы, потеряв несколько человек, прекратили попытки проникнуть на заросшие склоны, только усилили наблюдение. Еще произошло несколько стычек с патрулями на дороге, когда родезцы попытались приблизиться к городу, но и здесь они скорее демонстрировали намерение, чем реально пытались прорваться. Судя по всему, командир этого отряда решил не рисковать и дожидаться основных сил, а пока

возводил укрепленный лагерь, свозил с кораблей продовольствие и машины, которые старательно укрывали в дальней части лагеря.

Заметив это, Володя досадливо поморщился – туда не доставали даже требуше. Точнее, доставали на максимальной дальности, но стрелять, не видя цели и не имея возможности корректировать стрельбу, бесполезное занятие. Шанс во что-то попасть, конечно, есть, но не настолько большой, чтобы пытаться. Впрочем, глупо огорчаться, нельзя же всерьез полагать, что противник подставится во всем.

Потом Володя навестил порт, но и здесь Джером вполне справлялся без него. Конрон руководил тренировками кавалерии, Лигур занимался с пехотой и лучниками, Роухен проверял городские укрепления и организовывал патрули, Арвид пропадал в госпиталях и следил за подготовкой перевязочного материала.

Помотавшись до обеда по городу, Володя вдруг с досадой понял, что, собственно, он никому больше не нужен. Сейчас, когда все отлажено и каждый офицер четко представляет задачу, его вмешательство только повредило бы. А в случае разных мелких недоразумений и накладок за советом или приказом все предпочитали обращаться к Конрону или Роухену.

С одной стороны, обидно, а с другой – хорошо – значит, правильно подобрал людей, нашел к ним подход и заставил делать общее дело. Причем заставил не только тех, кого сам нашел и назначил, но и тех, кого убрать не мог. Учителя на Базе вполне могли бы гордиться им. С этими мыслями Володя отправился в дом Осторна. Чтобы как-то скоротать время и отвлечься от тревог, засел за занятия языком с Аливией, а с Рупертом и Осторном занялся математикой. Девочка переводила песню, а Володя подсказывал незнакомые слова, которые встречались в тексте, и тут же заставлял их заучивать, объясняя значение. Перевод выходил без рифмы, но получался неплохим.

Наблюдая, как девочка пыхтит над переводом, склонившись над бумагой, Володя пожалел, что сейчас тут нет Сторна – барда, с которым он познакомился по пути в Тортон. Неплохо было бы перевести еще несколько песен.

То и дело приезжал гонец с сообщениями от наблюдателей с холма, но они разнообразием не блистали: враг укрепляется, разгружает корабли, предпринимает несмелые попытки провести разведку, но, наткнувшись на сопротивление, в бой не вступает и отходит. Стала известна и примерная численность солдат в десанте: около трех тысяч. Понятно, почему родезцы не горят желанием лезть на рожон – их чуть больше, чем солдат в городе, а повторять «подвиг» барона Розентерна им явно не хочется.

Следующий день не отличался от предыдущего. Те же стычки, те же спешные приготовления и тренировки внутри города. Разве что прибавилось вражеских галер, которые стали постоянно маячить у выхода из бухты. Приближаться не решались, следили издали. Три корабля портовой охраны один раз вышли им навстречу, но родезские галеры боя не приняли и ушли обратно к лагерю. Зато ближе к вечеру наблюдатели обнаружили необычайное оживление в бухте. Один корабль вдруг сорвался с места и умчался на север.

– Завтра прибывают основные силы, – сообщил Володя на созванном совещании.

– Ты же говорил, что они придут через пять дней, – удивился Конрон.

– Я не колдун и не предсказатель. Я могу только предполагать на основе имеющихся у меня фактов. Пять дней – такой срок называли пленные. Возможно, они сами не знали сроков, возможно, ветер оказался попутным. Мало ли.

– Что ж... Тогда будем готовиться.

На этом совещание закончилось. Свои задачи знал каждый, и лишний раз напоминать о них смысла не было.

В эту ночь Володя спал плохо.

Глава 8

Утро перед предстоящим боем началось с суматохи, конец которой даже не просматривался. Всем казалось, что еще что-то не сделано, что-то упущено. Конрон метался между фортом и городом, наорал на Лигура, который, по его мнению, слишком слабо гонял солдат. Лигур воспринял все с философским спокойствием, заметив только, что утомлять людей перед битвой усиленной тренировкой – плохая идея. Совместно договорились, что тренировка будет до трех часов дня, а потом всех отправят отдыхать.

Сам Володя некоторое время носился вместе с Конроном, потом сам себе задал вопрос: какого фига он вообще тут делает? Не найдя ответа, плюнул и отправился разыскивать Джерома. Тот продемонстрировал выбранные корабли. Володя излазил один одномачтовый корабль, похожий на рыбацкую шхуну. Выяснить, так ли это, не стал.

– Когда будете загружать?

Джером кивнул на один из сараев:

– Там сейчас в кувшины масло заливают.

– Мачту тоже маслом облейте, пусть быстрее все полыхнет. А вот бочки с нефтью лучше всего на нос поставить и перед поджогом открыть. Разлитая нефть будет гореть на поверхности воды и охватит большую площадь.

– Не уверен, милорд. Нефть ведь поплывет не по ветру, а куда волны понесут. Не факт, что на корабли.

Володя подумал и махнул рукой:

– Пусть будет, как будет. Сколько всего кораблей собираешься использовать?

– Мы еще палубу зальем смолой, ее как раз кипятят. До вечера остынет. А кораблей... восемь. Столько нашли подходящих. Остальные либо слишком маленькие, либо слишком большие. Да и чем больше кораблей, тем больше шансов, что их заметят. Мы тут с одним капитаном и так, и этак прикидывали... в общем, восемь в самый раз. Даже на плане набросали, с какой стороны и как лучше заходить, чтобы охватить максимальную площадь бухты.

– Экипажи?

– Как вы и велели, только добровольцы. Каждым кораблем командует офицер, еще два матроса в помощь, тоже добровольцы. Каждому в случае успеха обещано по три золотых. В случае гибели деньги идут тем людям, кого они назовут.

Наверное, с такой оплатой от добровольцев отбоя не было. Это же полугодовое жалованье капитана торгового судна.

– Хорошо. Где сейчас добровольцы?

– Вон в том доме под охраной. – Заметив удивленный взгляд князя, Джером поспешно продолжил: – Не их охраняют, а чтобы к ним никто не прошел. Я их предупредил, что после того, как им сообщат детали, им запретят с кем-либо общаться.

– Ясно. Только приготовления ведь все равно не спрячешь. Видно же, что мы делаем.

– Милорд, вот честное слово, пока вы мне все не рассказали, я так и не понял, к чему все эти приготовления и что вы собираетесь делать.

– Ты не моряк. Ладно, пустой спор. Пойдем туда, хочу поговорить с ними.

Людей в доме разместили с максимальными удобствами и в еде не ограничивали. Наверное, простые рыбаки и матросы никогда не ели таких деликатесов, которыми их снабдили. Едой моряки сейчас и наслаждались. А вот офицеры собрались за другим столом, и хотя еда там тоже присутствовала, но еще там лежал лист пергамента, над которым все они и склонились.

Когда Володя вошел, офицеры поспешно поднялись, но мальчик махнул рукой и сел на свободное место.

– В общем, я просто зашел посмотреть, как вы устроились, ну, и немного объяснить... Вы знаете о готовящемся с нашей стороны нападении на лагерь родезцев. Однако... на самом деле и нападение с берега, и нападение с моря всего лишь отвлекающие маневры. Основной удар наносите вы, и только вы. Именно от вашего успеха или неудачи зависит судьба всей битвы. Если даже наших солдат разобьют под стенами лагеря и они все там погибнут, но вы добьетесь успеха – мы победили. Даже если мы полностью разгромим высадившихся, но корабли останутся целыми – проиграли. Все основные запасы: еда, осадные машины, инструменты, лошади – все там.

– Мы понимаем, милорд, – поднялся один из офицеров. – Вот мы как раз и прикидывали, как лучше действовать... Если бы мы знали, как встанут корабли родезцев, то смогли бы лучше спланировать. Сейчас остается только прикидывать.

– Как встанут? – Володя задумался. – Вот что, собирайтесь, едете со мной. Я как раз направляюсь на холм, будем смотреть.

– Это дело, – тут же повскакивали офицеры.

Перед тем как ехать, пришлось посетить еще несколько мест, и только потом они поднялись на наблюдательный пункт. Там, оказывается, уже наделали скамеек, где сидели все офицеры, не занятые текущими делами. Тут же был и Конрон.

Володе с моряками освободили место за столом, на котором расстелили схему Радужной бухты. Мальчик в бинокль оглядел ее, но пока изменений не заметил. Прислушался к тому, что говорят моряки. Те вовсю обсуждали расположение военных и грузовых судов, куда еще можно поставить корабли, будет ли организована охрана. Вот в последнем Володя сильно сомневался. Судя по увиденному, служба на флоте Родезии была поставлена из рук вон плохо. Да и трудно ожидать чего-то от такой солянки кораблей, которая собралась даже в этом отборном отряде, куда по идее должны поставить лучших. Военные же вообще постарались встать где-то в стороне. То ли чтобы не путаться под ногами при высадке, то ли чтобы не нервировать гражданских. Похоже, мысль о том, что враг может атаковать с моря, им даже в голову не приходила. С одной стороны, оно понятно – о численности и составе кораблей, застигнутых осадой в Тор-тоне, они прекрасно осведомлены. Но с другой – проявлять такую безалаберность все равно не стоило.

Прошел час, второй, третий... на холм подняли обед. Есть его пришлось холодным. Никто не захотел спуститься и пообедать нормально, а запрет на разведение здесь костров оставался в силе.

Володя оглянулся. Все на нервах, тяжелая атмосфера ощущалась даже на физическом уровне. Казалось, пробеги хоть маленькая искорка, и тут все вспыхнет вмиг, взлетит даже без пороха. В этом отношении сам бой переносился легче, чем его ожидание... Если корабли сегодня не придут, все накопленное напряжение выльется в грандиозный скандал... или попойку. И еще неизвестно, что хуже.

Однако все тревоги оказались напрасными. Около четырех часов пополудни первый корабль основных сил вошел в бухту. Галера, которая их сопровождала, немного отошла в море, чтобы предупредить возможную атаку. Судя по количеству выделенных сил, в нападение не верили, но на всякий случай приняли меры.

Вот корабли стали занимать позиции, спустили шлюпки. Похоже, пока высаживался командный состав.

– Может, стоит отложить атаку на сутки? – немного нервно поинтересовался Конрон. – Они за сегодня не успеют много посадить.

– Вот и хорошо. А терять время нам нельзя. Никак нельзя. Если верно все то, что говорят о герцоге Ансельме, то он эти сутки использует по максимуму. Думаю, он быстро сообразит, что тут что-то не так, и примет меры. Нам повезло, что командир первой группы оказался не очень инициативным. Оно, конечно, понятно, все-таки он должен был встать под команду

барона Розентерна, а два чрезмерно инициативных командира – это чревато... Хм... А ведь Эрих не просто так выбрал именно этого человека командиром авангарда. Эрих неплохо разбирается в людях. Но теперь это сыграло нам на руку – оставшись без ведущего, он ничего не смог сделать и предпочел пассивно дожидаться основных сил. Полагаю, у Ансельма найдется, что сказать по этому поводу... – Володя на миг задумался и обернулся: – Господа, полагаю, что до вечера будет предпринято несколько попыток активной разведки. Нужно усилить патрули.

– Я сделаю, – поднялся один.

Володя кивнул и вернулся к наблюдению. Все свободные лодки уже направились от берега к вставшим на якорь кораблям. Те же корабли, которым осадка позволяла приближаться к берегу, почти вылезали на песок. Однако тяжелые транспортники, которые, судя по всему, перевозили припасы и машины, подойти ближе не могли и вынуждены были вставать почти у выхода из бухты, дожидаясь своей очереди на разгрузку.

Рядом зашпорили офицеры, командующие брандерами. Похоже, картина для них стала ясна.

– У них не очень опытные флотоводцы, милорд, – заметил один. – Обратите внимание, их корабли входят в бухту в том порядке, в каком и шли. И теперь те из них, что имеют небольшую осадку, не могут подойти к берегу и вынуждены дожидаться, пока освободится место. Но место можно освободить, только если отойдут в сторону большие корабли. Сейчас возникнет такая мешанина...

Слова офицера оказались пророческими. Родезские корабли весьма активно стали маневрировать внутри хоть и просторной, но все же бухты, чтобы пропустить более мелкие суда. Несколько военных кораблей в результате всех этих маневров оказались зажаты внутри скопления, и теперь им стало довольно проблематично выйти в море, где им самое место. Володя в бинокль разглядел одного капитана, который, потрясая кулаком, что-то орал шкиперу транспортника, подрезавшему его и помешавшему выйти в море. Тот совершенно невозмутимо рассматривал берег, не обращая внимания на крики. До недовольства военного моряка ему, судя по всему, не было никакого дела – его подрядили доставить груз до точки, он это сделал, остальное его мало касалось. И подчиняться кому-либо он теперь не обязан. Этакая феодальная вольница на море. Мальчик даже посмеялся тихонько. Король Эрих, может, и умный правитель, и армию хорошую создал, но вот до флота руки не дошли. Впрочем, у Локхера дела обстояли точно так же, потому они и не могли предотвратить такой десант. Чтобы собрать флот для отражения атаки, надо было позаботиться заранее – созвать корабли, организовать их, назначить командующего. В общем, мороки на месяц, а то и два. А уж заставить подчиняться шкиперов «купцов»... Необходимость дисциплины они, безусловно, понимали, но сейчас, когда конечная цель достигнута, больше не считали себя связанными обязательствами. И чем раньше их разгрузят, тем раньше они вернутся домой и отправятся в новый рейс, уже коммерческий, который принесет им неизмеримо большую прибыль, чем этот. Вот и торопились они поскорее встать под разгрузку. Вот и оттирали конкурентов, стараясь поставить свой корабль впереди. Ведь сейчас, когда Эрих мобилизовал едва ли не все доступные ему корабли, наверняка много купцов кусают локти, не в силах отправить товар. И первый вернувшийся получит огромное преимущество перед остальными...

Примерно так и объяснил все происходящее один из моряков на недоуменный вопрос мальчика. Тот задумался, усмехнулся:

– Что ж, пусть поспорят. А все ценные корабли как раз оказались снаружи...

Из-за всей этой катавасии высадка задержалась где-то на полтора часа. Только в половине шестого вечера на землю сошли первые солдаты. Кажется, родезское командование было не очень этим довольным, но поделать ничего не могло. А солдаты теперь высаживались сплошным потоком. Лодки работали в режиме конвейера: приплыли, высадили, вернулись, загрузились,

снова высадили. Похоже, после каждого рейса гребцы менялись, иначе такого темпа точно не выдержали бы.

Ага, а вот и ожидаемая активизация разведки: сотни две всадников покинули лагерь и отправились к дороге, скрылись за холмами. Володя с тревогой стал дожидаться вестей. А вот и пехотинцы неторопливо направились к их холму... Но тут из-за пригорка показались человек пятьдесят лучников и открыли стрельбу. Не очень удачную, но разведчиков от цели отвлекли. Те прикрылись щитами, а им на помощь выехал отряд кавалерии, начал обходить неожиданное препятствие. Но локхерцы уже отходили. Короткий бой... Несколько родезцев осталось лежать, а всадники, развернув коней, отступили...

Нервное напряжение на наблюдательном пункте царило страшное. Наконец первые новости: отряд разведки родезцев попал в засаду и был обстрелян арбалетчиками. Всадники попытались организовать преследование, но войти в лес следом за отступившими не решились. Несколько разведчиков, правда, рискнули, но схлопотали арбалетные болты и, не зная численности врага, предпочли отступить и продолжить выполнение задания. Прошли по дороге и уперлись в форт. Погарцевали на виду, держась на безопасном расстоянии, изучили систему обороны вокруг города с его «ежами» и вкопанными кольями, опять-таки издалека. А когда из ворот Тортона выехали латники Локхера, отошли.

Слушая доклад, Володя краем глаза заметил еще одного гонца и махнул ему, подзывая. Выслушал сообщение. Выяснилось, что вражеским пехотинцам удалось больше – оттеснить все патрули от дороги в лес, но туда они тоже соваться не стали. Кажется, родезцы не ставили себе цель окончательно убрать отсюда наблюдателей, иначе не вернулись бы так быстро. Скорее это была разведка боем перед наступлением – найти дороги, выяснить, где находятся главные силы. Ясно же, что на ночь глядя никто не будет организовывать атаку. Да и силы еще не все высадились, солдатам на берегу время на отдых надо, поесть нормально после плавания. Наверное, даже и завтра родезцы не решатся на наступление, скорее ограничатся вытеснением застав локхерцев и выставят свои пикеты в виду города. Только вот у Володи на завтра были свои планы...

В десять вечера начало смеркаться, и вражеский лагерь стал постепенно погружаться в темноту. Морские офицеры, срисовав расположение кораблей, уехали. В двенадцать ночи разъехались последние – остались только Конрон и Володя.

– Ну что? Теперь до завтра... Успехов... – Конрон замялся, потом махнул рукой. – Ладно, удачи, в общем. Я к своим.

– Конрон, ты, главное, не рвись вперед! Если не выдержишь и полезешь, то... случись что, прикрыть будет некому.

– Да знаю я, – отмахнулся тот раздраженно. – Но меня бесит, что я не могу участвовать в деле!

– На тебе конница! Коннице же в лагере делать нечего, пойми ты! Зато когда мы начнем отступать, сюрпризы разные могут быть. Доверься Лигуру.

– Однако сам ты идешь вместе с десантом.

– Мне нужен авторитет зарабатывать. Конрон, давай не будем по пятому разу обсуждать это. Ты прекрасно понимаешь, что я прав, иначе никогда не согласился бы.

На берегу Володя застал весьма активную подготовку: из сараев вытаскивали лодки, покрашенные в черный цвет, и спускали на воду, чуть в стороне старательно обматывали тряпками уключины.

– А ты тут что делаешь? – удивился Володя, заметив Лигура. – Я думал, ты со своими.

Бывший раб изучил небо и только потом ответил:

– Вас жду, милорд. Я знал, что вы сюда пораньше придете.

– Что случилось?

Лигур еще раз глянул на небо.

– А погода за нас, ваше сиятельство. Облачно... В общем, я по поводу плащей. Ваше сиятельство, боюсь, нам не удалось разыскать столько белой ткани, чтобы всем хватило. Я приказал сделать белые повязки на рукава, а на доспехах спереди и со спины нарисовать белую пирамиду.

– Хм... Не нашли ткани? Ах, да... – Володя поморщился. – Совсем забыл, сколько времени занимает изготовить ткань. А с пирамидами на доспехах идея хорошая.

– Я тоже так подумал, милорд. Мои люди как раз заканчивают их рисовать у тех, кто пойдет с вами. Вы позволите нарисовать на ваших доспехах?

Володя оглядел себя и скривился.

– Лигур, у меня несколько специфические доспехи, как ты заметил. Других таких, полагаю, ты нигде не найдешь.

– О да! Удивительно тонкая работа... Но вы уверены, что они надежные? Очень уж ваша броня кажется... легкой.

– Уверен. Она намного прочнее, чем кажется. Выдержит даже арбалетный болт. И еще... думаю, с моим ростом меня с противником не перепутают.

– Но все равно, милорд...

– Слушай, я понимаю, что ткани нашли мало, но для меня белый плащ найдется? И не придется ничего рисовать.

– Плащ найдем, но я не понимаю, почему вы не хотите...

– Ты нарисуешь! А оттирать кто, по-твоему, будет?!

Мальчик выглядел таким возмущенным, что Лигур против воли улыбнулся. Порой этот князь ставил его в тупик. То рассуждает как умудренный жизнью человек, а то мальчишка мальчишкой. Вот как сейчас.

– Слуги, ваше сиятельство.

– Нет уж, свои доспехи я никаким слугам не доверю. Свой парашют предпочитаю укладывать сам... этому меня хорошо обучили.

– А что такое пара...?

– Э-э-э... приспособление такое, в общем. Оно не подводит только тогда, когда укладываешь его сам.

– Никогда не подводит?

– М-м... какой ты любопытный. Как любая вещь, она тоже может подвести, но в этом случае никто, кроме тебя, не виноват. Ладно, пойду посмотрю, что там с лодками.

– Я пришлю вам человека с плащом, милорд.

– Да-да, буду ждать.

Володя брел вдоль кромки воды, наблюдая за суетой рабочих и изредка поглядывая на море. Место для подготовки выбрали таким образом, чтобы его не было видно от выхода из порта, где маячило несколько галер родезцев. Их присутствие сильно нервировало Володю, но приходилось рисковать – выбора нет. Он подозвал одного из капитанов, который командовал в порту службой, похожей на таможенную, а также следил за порядком в акватории порта. Под его командованием находилось восемь корабликов, вооруженных небольшими «скорпионами». Вдвоем они вышли на точку, откуда были видны все три галеры противника.

– Капитан, вы понимаете свою задачу?

– Отвлечь родезцев, – спокойно отозвался он.

Гм... отвлечь. Да на одной галере людей столько же, сколько на трех портовых корабликах. О! Володя напрягся и внимательно изучил порт.

– Капитан, как думаете, что произойдет, если один из кораблей попытается сбежать из порта? – напряженно поинтересовался он.

Моряк тоже напрягся.

– Галеры разделятся. Одна или две пойдут в погоню.

– Капитан, живо разыщи матросов, которые согласятся принять участие в этом, конфискуйте любой купеческий корабль...

– Купцы взвоят.

– Плевать! Расписку дайте от моего имени, что либо вернем корабль, либо заплатим. Быстрее, капитан, времени нет! Проклятье, ну почему я раньше до этого не додумался!

Капитан спорить не стал и уже мчался вдоль берега к ближайшему трактиру. Но на бегу обернулся:

– Что я могу обещать матросам, которые согласятся участвовать?

– Сами решите, я поддержу любое ваше обещание. Только... не наглеть!

Капитан отсалютовал и исчез в темноте. Володя готов был поклясться, что он еще и усмехнулся, хотя видно было плохо.

Прогуливаясь по берегу, Володя поглядывал и за спуском на воду лодок, и за морем, где маячили вражеские галеры. Изредка посматривал на часы. Час ночи... два часа... Жаль, что часы только у него и нельзя синхронизировать атаку. Определить время по звездам тоже можно, только облака затянули небо, и даже луны не видно... Вот и придется начинать наступление порознь.

Прибежал человек с белым плащом, сообщил, что войска Лигура начали выдвижение из города и вперед отправлены разведчики. Эти без белых знаков и в темных одеждах... Их задача незаметно приблизиться к лагерю и снять часовых, убрать выдвинутые вперед пикеты. Остается только надеяться, что все получится.

Конрон стоял чуть в стороне от городских ворот, держа коня за повод, и наблюдал, как из города выходят отряды. Первым вышел полк, который князь почему-то называл «потешным», при этом усмехаясь. Что он находил забавным в этом названии и почему обозвал его так, Конрон так и не успел спросить, все время находились другие дела. И сейчас, наблюдая, как этот полк идет, меньше всего можно было подумать, что это что-то потешное. И как Лигуру удалось превратить бывших рабов и каторжников в боевую единицу за такой короткий срок? Возможно, и прав этот странный князь... И в Лигуре не ошибся.

Лигур как раз в этот момент подошел к Конрону и вскинул руку в салюте – еще одно нововведение князя. Пользы от этого салюта Конрон не видел, но и вреда не замечал, а потому молчал.

– У форта мы становимся на привал, выдвигаем наблюдателей и ждем сигнала, тир Конрон.

– Хорошо. Мы пока тут остаемся, нечего толпу у форта создавать. Тем более там столько ловушек наделали, а дорога не очень широкая.

Лигур согласно кивнул.

– Отправьте с нами кого-нибудь. Как только получим сигнал, он вернется и сообщит вам.

– Дело, – согласился Конрон, обернулся и отдал приказ. Тотчас из строя выскочил один всадник и пристроился к шагающему полку.

Вот из ворот вышли лучники, рядом шагали специально прикрепленные носильщики. Каждый тащил несколько колчанов с обычными и зажигательными стрелами и щиты.

Лигур вежливо кивнул Конрону и, дождавшись ответного кивка, вернулся к своим солдатам. Тут же дал по шее самому шумному, у которого вдруг звякнул меч. Высказав все, что он думает о растяпе, приказал всем остановиться и еще раз проверить, насколько хорошо закреплено оружие.

– Тишина – вот наш союзник! Проверили? Тогда вперед, но если еще у кого что звякнет – сам голову отверну!

В полной тишине отряд прошагал к форту и там остановился, дожидаясь сигнала. Никакого шума... Конрону даже показалось, что сейчас мимо прошли не люди, а призраки. Интересно, а как там дела на море...

На море пока тоже все было в порядке. Володя наблюдал, как корабль, стараясь соблюдать тишину, покидает порт и, прижимаясь к берегу, направляется на юг, подальше от родезцев.

Сначала показалось, что план провалился: противник либо не заметил бегство корабля, либо им не заинтересовался. Но нет, вот одна галера дернулась, медленно развернулась и, набирая ход, устремилась в погоню. Вот шевельнулась вторая... третья...

– Не понял? – Володя нахмурился. – Они что, все за ним погонятся?

Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ага, понятно, они просто подошли поближе к берегу и сместились к югу, чтобы предотвратить еще один такой прорыв.

Володя глянул на часы и вернулся к лодкам.

– Джером, буди людей, пусть выдвигаются на посадку, но пока в лодки не пускай.

Тот кивнул и поспешно ушел куда-то по улочке. Вскоре послышались звуки шагов, и на пляж стали выходить солдаты. Команда – и вот они уже устроились на песке. Лучники тут же сбросили луки и стали их проверять, рабочие загружали в лодки связки стрел, зажигательные клали отдельно.

Три часа. Володя взял приготовленный факел, сунул в костерок, поднял над головой и взмахнул. Замер, всматриваясь в темноту. Раздался плеск весел, но тут же стих... Даже ночью небо всегда светлее суши, и вот на его фоне промелькнул первый силуэт корабля... второй... Отвлекающая атака на вражеские галеры началась.

– По лодкам!

Мальчик первым забрался в лодку, дождался, когда в нее загрузятся люди, и приказал отплывать. Гребцы осторожно взмахивали веслами, стараясь не шуметь – спешить не было никакой необходимости. Лодка поравнялась с выходом из порта. Володя отдал приказ сушить весла, а сам привстал, всматриваясь в темноту.

– Вперед!

Лодки одна за другой выплыли из акватории порта и, прижимаясь к берегу, осторожно двинулись в сторону Радужной бухты. Мальчик прислушался к звону стали и крикам... Сейчас корабли таможенников должны начать отступление... Оставалось надеяться, что все сделают правильно и жертв много не будет. Но выяснится это только по возвращении.

Уже позже Володя узнал, что при попытке захвата вражеских кораблей было потеряно одно судно таможи, но дело свое моряки сделали, и локхерский десант смог незаметно покинуть порт.

От основных сил отошли восемь кораблей-брандеров и взяли курс в открытое море.

Лодки собрались у входа в Радужную бухту, но пока прятались за небольшим мысом, дожидаясь сигнала. Володя приказал своей лодке пристать к берегу. Вышел к бухте и устроился на нижней ветке дуба, ведя наблюдение за вражеским флотом. Глянул на часы... без двадцати четыре.

– Двадцать второго июня, – тихонько начал напевать он, – ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война.

Тут он вспомнил переделку этой песенки одним своим другом и хмыкнул. Чтобы хоть немного снять напряжение, себе под нос промурлыкал и ее:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Гитлер свалился со стула —
Так началась война.

Мыши в окопах сидели,
Крысы в атаку пошли.
Бедную кошку схватили
И на расстрел повели...

Ага, кажется, началось. Володя снова взглянул на часы и хмыкнул – ровно четыре утра. Привстав на ветке, он наблюдал за вдруг вспыхнувшим в море костром... Один, потом второй... Третий полыхнул едва ли не среди вражеского флота. Получилось или нет? Получилось? Нет? Володе сейчас хотелось оказаться одновременно сразу в нескольких местах: на брандерах, на наблюдательном пункте на холме, среди пехотинцев Лигура и кавалеристов Конрона.

Скатившись с дерева, он, уже не стараясь соблюдать тишину, бросился к лодке.

– Вперед! – Володя запрыгнул в нее, с трудом сохранив равновесие.

Его трясло... такое с ним впервые. Получилось или нет? Получилось или нет?

Мальчик плюхнулся на переднюю скамейку. Гребцы ударили веслами по воде, лодка стремительно направилась вдоль берега в бухту. Тотчас за ней стали пристраиваться остальные.

– Ближе к берегу, – прошептал Володя. – Ближе.

– Не беспокойтесь, милорд, они нас не увидят со света, посмотрите.

В бухте и вправду уже вовсю полыхало несколько костров. Ночной бриз еще сильнее раздувал пламя и гнал его на остальные корабли. Огонь осветил все вокруг, и масштабы произошедшего стали видны намного лучше. Родезцы пали жертвой собственной безалаберности, собрав корабли в одну большую кучу. Теперь те, которых еще не задело пламя, лихорадочно рубили якорные канаты в надежде вырваться из огненного шторма. Эх, жаль, пороха нет, сейчас бы взрывы, тогда был бы полный конец флота... пока же горела даже не треть кораблей, меньше. Вот один корабль медленно отвернул и направился к идущему десанту, чтобы обойти огонь и выйти в море.

– Налегли на весла!

Похожая идея, однако, пришла в голову не только этому капитану, но и еще одному. Вот уже третий корабль отвалил в сторону... Если бы эти корабли были военные, возможно, у них все получилось бы. Но увы, сейчас каждый думал только о себе. Вместо того чтобы пропустить самый быстроходный корабль, вперед вышел другой, загородив путь остальным. Корабль, шедший вторым, попытался обогнуть тихохода, но не успел. Его чуть повело в сторону, кажется, он даже днищем задел дно, из-за чего его еще немного развернуло и кинуло на корму впереди идущего. Обрушившаяся от удара мачта так перепутала такелаж, что быстро освободиться не было никакой возможности, и в сцепившиеся корабли въехал третий, полностью перегородив дорогу к спасению остальным. Теперь у родезцев осталось только два пути: сгореть в пламени или выбросить корабли на берег. Военные еще пытались бороться с огнем, но на транспортниках моряки просто бросались в воду, даже не пытаясь спасти корабли. Володя видел в бинокль, как на одном судне, где только-только начинался пожар, с которым еще вполне можно было справиться, люди просто попрыгали за борт и поплыли к берегу, благо недалеко. Эта близость берега и мешала людям организовать ради борьбы за корабли. Зачем рисковать жизнью, когда спасение вот оно, рядом? Что такое сотня метров для сильного мужчины. Корабли и припасы? А какое им до них дело? Их подрядили только доставить груз, а не воевать. Груз доставили, что еще надо?

Володя снова глянул на часы. Штурм с берега должен уже начаться. Они должны начать сразу, как увидят зарево, чтобы отвлечь родезцев. Основная цель атаки – груз, который пока складирован на берегу. Груз и лодки. Все остальное дымовая завеса.

– Началось! – Лигур извлек меч. – Вперед!

Роли распределены, и на тренировках все это отработали до автоматизма. Кем бы ни был этот странный князь, но надо признать, что его идеи работали. Еще как работали! Кто-то из солдат говорил о сумасшествии этого чужеземца, о том, что лучше его прогнать от греха подальше, но Лигур сурово пресекал все эти разговоры. В отличие от неграмотных бывших крестьян, по несчастью превратившихся в рабов, он умел видеть всю картину целиком. Этот князь, кем бы он ни был, обладал просто поразительным умением видеть основную цель и концентрироваться на ней. И не просто видеть, а готовить почву для достижения результата. Лигур не понимал, чего добивается Вольдемар созданием его странного полка и еще более странными требованиями на тренировках, но теперь видел, что для теперешнего дела только такой полк и подходил. Он словно специально был создан сражаться в таких вот стремительных ночных налетах. Неужели князь уже тогда предвидел эту атаку? Нет, это невозможно, но...

Дальше размышлять времени не осталось. Вокруг защелкали арбалеты, солдаты положили на частокол штурмовые лестницы, и по ним первые пехотинцы уже бросились на штурм. Выстроенные позади лучники подожгли стрелы, и тотчас сотня огоньков устремила в глубь вражеского лагеря. Темп стрельбы сумасшедший. Конечно, до по-настоящему хороших лучников им далеко, но и этого хватает.

Солдаты, прежде чем взбежать на стену, успевают сунуть факелы в костры и теперь бегут с ними. Лигур ворвался на стену одним из первых, огляделся – лагерь горел, среди палаток металась полуголые люди, рядом валялись часовые... Его солдаты рассредоточивались вдоль стены. Вот поднялись первые лучники и теперь уже обычными стрелами открыли прицельную стрельбу по мечущимся внизу фигурам. Солдаты спустились со стены и поджигали близлежащие палатки, швыряли подальше огненные шары.

– В атаку, пока не опомнились!

Лигур заметил, что лучники уже опустошили колчаны, пока поднимут новые... Время упускать нельзя. Он кивнул трубачу. Тот поднял к губам трубу и резко выдохнул... Глухой низкий звук разнесся над холмом, и тотчас все солдаты разом устремились в атаку.

– Рассредоточиться по отделениям! – рявкнул Лигур. – Действуем восьмерками, как на учениях! От командиров не отрываться! Слушать сигналы!

– Ар-р-ра-а-а-а!!! – неслось со всех сторон. – Вперед!!! Круши!!!

Лигур остановился около какой-то кучи то ли мусора, то ли запасов чего-то и отер лоб, осмотрелся. Пока все хорошо, но сопротивление резко усилилось. Похоже, враг потихоньку приходит в себя. Что ж, свое дело они сделали, отвлекли родезцев от моря, теперь слово за князем.

Володя лихорадочно крутил головой, пытаясь следить одновременно и за флотом, и за берегом. Он видел, как на пляж выскакивали люди, наблюдая за разгорающимся пожаром. Боялся, что их заметят, но нет, вот поднялся шум и все разом бросились в другую сторону – Лигур атаковал. Родезские офицеры лихорадочно собирали все доступные силы для отражения нападения.

– Ну, в атаку! – Володя перехватил поудобнее посох и выдвинул лезвия с обоих концов.

Не дожидаясь, пока лодка причалит, он выпрыгнул прямо в море. По пояс в воде побрел к берегу. Там его атаковал один из оставшихся часовых. Мальчик увернулся, отразил удар посохом, отпрыгнул, хотел уже атаковать, но не понадобилось – лучники били прямо с лодок. Родезцы попытались отразить высадку, но почти все полегли под градом стрел.

– Вперед!!! – Володя рванулся к палаткам, увлекая солдат.

Роли распределили заранее, и потому каждый делал свое дело: большинство атаковало, отвлекая солдат на себя, другие, вооруженные тяжелыми топорами, бросились вдоль берега, круша лодки и все, что попадалось на глаза. Торопливо поливали маслом сложенные на берегу

кучи различных припасов и кидали туда факел. Когда огни разгорелись, стало намного удобнее. А в костры летели мешки с едой, части осадных машин, одежда...

Лучники, выстроившись на берегу, посылали горящие стрелы в глубь вражеского лагеря. Володя остановился, наблюдая за их работой. Вернулся к берегу, посмотрел на горящий флот и подозвал командира лучников.

– Смотри, с кораблей спустили шлюпки! Делай что хочешь, но сюда они доплыть не должны!

Офицер криво усмехнулся:

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, не доплывут.

Володя кивнул. Здесь были лучшие стрелки, которые только нашлись в Тортоне. Самая трудная и самая ответственная работа легла на их плечи, и только от мастерства лучников зависел успех их сумасшедшего плана. Поэтому он чуть ли не лично отбирал каждого солдата в этот поход. Создал отдельный стрелковый батальон, следил за их тренировкой, строил учебные планы. Теперь станет ясно, насколько ему удалось превратить их в грозную силу. Пока вроде бы все хорошо.

Володя вернулся к лодке, достал свой лук и быстро включился в работу. На подплывающие лодки, непонятно, то ли спасающиеся от пожара, то ли идущие на помощь своим, когда обнаружилось, что лагерь подвергся нападению, обрушился настоящий ливень стрел. Гребцы падали в воду, некоторые лодки закрутило...

Володя прекратил стрельбу – не стоит забывать о своих обязанностях командира, а здесь и без него справятся. Вскинув полный колчан на спину, он быстро зашагал на шум боя. Несколько раз вынужден был вступать в схватку, но все ограничилось несколькими выстрелами из лука. Рядом пристроился кто-то из солдат. Володя оглянулся.

– Что?

– Мне приказано быть рядом, ваше сиятельство.

– Зачем? – раздраженно поинтересовался Володя.

– Ваше сиятельство, – взмолился солдат, – тир Пентарский мне голову оторвет, если с вами что-то случится! Прошу вас, не отправляйте меня!

– Ладно, черт с тобой!

Мальчик остановился около солдат, возившихся у каких-то мешков.

– Что тут?

Один из солдат взрезал мешок.

– Похоже на зерно, ваше сиятельство.

Мальчик оглядел кучу мешков, в которую еще накидали какого-то хлама.

– Жаль, нельзя забрать... поджигайте.

Сразу несколько факелов полетели в кучу, а в разгорающийся костер побросали еще и тюки.

– Все сжигайте! Что нельзя сжечь, рубите! – Володя прислушался к шуму битвы, шедшей где-то впереди. – Быстрее! Неизвестно, сколько нам удастся продержаться.

Обогнув очередной костер, мальчик направился на звуки боя, и тут на него выскочил ошалевший родезец, размахивающий мечом... Тут бы все и закончилось для Володи, но шедший с ним солдат буквально бросил мальчика на землю. Меч просвистел как раз на уровне шеи... Второго шанса солдат не дал и ударил атакующего мечом по ногам. Несчастный закричал, но крик тут же оборвался – меч пробил горло.

Володя медленно поднялся. Это происшествие совершенно неожиданно прогнало дрожь, и вот снова посреди боя стоял прежний Володя Старинов, поражавший всех преподавателей невозмутимостью и умением сохранять полнейшее хладнокровие перед лицом любой опасности. Он теперь смотрел на все отстраненно. Мельком глянув на убитого, спокойно отряхнулся.

– Спасибо.

– Не за что, ваше сиятельство. Я выполнял свой долг.

Володя кивнул и неторопливо зашагал дальше, словно и не было минуту назад никакой опасности для него. Чем глубже в лагерь родезцев они продвигались, тем чаще приходилось вступать в поединки. Володя оставался спокойным, отбивал удары, уворачивался, отскакивал, особо не рисковал, но и не бегал. Зачем ему это было нужно? Володя и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Как командир он сейчас совершенно не нужен – бой уже давно распался на отдельные схватки. В этой кутерьме управлять боем нет никакой возможности, так что можно было остаться на берегу, но... Володя чувствовал, что сейчас все солдаты наблюдают за ним. Как он себя поведет в бою, как себя покажет. Если струсит... все, можно сразу уезжать из королевства. Ему здесь совершенно нечего будет делать. Никто и никогда больше его не послушает, все его советы проигнорируют... В этом мире нет понятия бойкота, но от этого легче не станет. Так что не так уж и врал он, когда говорил Конрону, что ему нужно завоевывать авторитет. Вот и завоевывал, находясь в самой гуще схватки, отбивался и даже убивал. Постепенно вокруг него собралась группа солдат, с которыми он и атаковал те очаги сопротивления, которые считал наиболее опасными. Подобрал горящий факел и швырнул его в ближайшую палатку, огляделся.

– Помогите!

Солдаты сообразили моментально и подставили плечи. Володя взобрался на них и выпрямился, осматриваясь с высоты. Мимо щеки пролетела стрела, но мальчик даже не поморщился. Спрыгнул и подозвал ближайшего офицера.

– Родезцы отходят из лагеря за холм и там, похоже, пытаются организовать. Здесь нам все оставили на растерзание... Берите огонь и жгите, потом отступайте к морю! Если задержимся, боюсь, сомнут!

Собрав еще солдат, Володя повел их вперед, стараясь продвинуться по лагерю как можно дальше, и совершенно неожиданно выскочил на солдат Лигура. Те, работая восьмерками и четверками, весьма активно теснили врага по всем направлениям, круша всех попадавшихся по пути. Два отряда едва не схлестнулись, но, к счастью, вовремя разобрались.

– Милорд?! – узнал Володю один из офицеров.

Мальчик нахмурился, вспоминая.

– Вернон, правильно? Как у вас?

– Все отлично, ваше сиятельство, здесь врагов больше нет, все бежали. У нас потери не очень большие...

– Боюсь, скоро все изменится. Родезцы отступают туда... Слышите трубы? Не наш сигнал. Похоже, враги собирают всех, кого можно, а мы сейчас разбросаны по всему лагерю... Где Лигур?

Офицер оглянулся, потом подозвал трубача и что-то ему сказал. Тот поднял трубу и выдал короткую трель. Потом повторил.

– Если близко, скоро будет тут.

Володя убрал лезвия и оперся на посох. Вернон с интересом покосился на необычное оружие, но промолчал.

Новая атака и короткая схватка. Врагов становилось все меньше, но это не радовало – значит, где-то они собираются для контратаки.

Появился Лигур.

– Милорд? – удивился он. – Вы как тут?

– С моря, – хмыкнул Володя. – Лигур, надо уходить! Крупных складов я больше не видел, остальные нам недоступны.

– Как с флотом?

– Пока трудно сказать, но корабли горели славно. Все будет зависеть от действий моряков. Пока все за нас, но большего нам не сделать.

Лигур хмуро огляделся.

– Я тоже заметил, что сопротивление ослабло. Родезцы либо выдохлись...

– Либо готовят ответ. Труби отбой.

– Отбой! – скомандовал Лигур, и тотчас трубач выдал басовый рев, который, казалось, перекрыл шум битвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.